

Генри Райдер Хаггард

Владычица Зари

Генри Райдер Хаггард Владычица Зари

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125083

Аннотация

Роман «Владычица Зари» повествует о судьбе царевны Нефрет, связанной родственными узами с династией вавилонских царей. После многочисленных приключений ей суждено было стать Объединительницей Верхнего и Нижнего Египта.

Содержание

Глава I. СОН РИМЫ	5
Глава II. ПОСЛАННИК	16
Глава III. ПОБЕГ	32
Глава IV. ХРАМ СФИНКСА	50
Глава V. ПРИНЕСЕНИЕ КЛЯТВЫ	65
Глава VI. НЕФРЕТ ПОКОРЯЕТ ПИРАМИДЫ	79
Глава VII. ЗАМЫСЕЛ ВЕЗИРА	100
Глава VIII. ПИСЕЦ ПО ИМЕНИ РАСА	119
Глава IX. КОРОНАЦИЯ НЕФРЕТ	139
Глава X. ПОСЛАНИЕ	161
Глава XI. ПАДЕНИЕ	176
Глава XII. ДУХ ПИРАМИД	196
Глава XIII. ГОНЕЦ ИЗ ТАНИСА	213
Глава XIV. ПРИГОВОР ФАРАОНА	231
Глава XV. БРАТ ТЕМУ	247
Глава XVI. СМЕРТЬ РОИ	265
Глава XVII. СУДЬБА БЕГЛЕЦОВ	285
Глава XVIII. НЕФРЕТ ПРИБЫВАЕТ В ВАВИЛОН	302
Глава XIX. ЧЕТВЕРО БРАТЬЕВ	329
Глава XX. ПОХОД ИЗ ВАВИЛОНА	345
Глава XXI. ИЗМЕННИК ИЛИ ГЕРОЙ?	362
Глава XXII. ХИАН ВОЗВРАЩАЕТСЯ В	381

Генри Райдер Хаггард

Владычица Зари

*История одной любви
из времен Древнего Египта*

Глава I. СОН РИМЫ

В Египте шла война, Египет разделился надвое. На севере, в Мемфисе, в Танисе, в плодородном краю Дельты, где Нил изливается в море великим множеством рукавов, бесчинно властвовало племя, чьи предки много поколений тому назад, подобно наводнению, хлынули на Египет, разрушили его храмы, низвергли богов и завладели всеми богатствами страны. На юге, в Фивах, наследники древних царей едва удерживали власть, вновь и вновь пытаясь изгнать жестоких азиатских или бедуинских властителей, прозванных гиксосами, чьи флаги развевались над стенами северных городов Египта.

В этом потомки фараонов Древнего Египта потерпели неудачу, потому что еще не обрели силу, час их решительной победы еще не наступил и не о том наше повествование.

Царевна Нефрет, – а имя это означает Прекрасная, – впоследствии известная как Объединительница страны, была

единственным дитя фиванского властителя Антефа Хеперра и его супруги, царицы Рима, дочери царя вавилонского Дитаны, который выдал ее за Хеперра, дабы придать ему новые силы в давней борьбе с гиксосами, коих звали также аати, или носители бед. Нефрет суждено было стать первым и, увы, последним плодом этого союза, ибо вскоре после ее рождения фараон Хеперра, отец ее, со всем войском, что удалось собрать, двинулся вниз по Нилу, желая сразиться с аати, направившимися навстречу ему из Таниса и Мемфиса. Они сошлись в жестокой битве, в которой Хеперра пал, а войско его потерпело поражение, но и враг понес в том сражении столь великие потери, что замысел двинуться на Фивы был оставлен и военачальники гиксосов с остатками своих войск вернулись обратно в Мемфис. И все же эта победа принесла царю гиксосов Апеви власть над Египтом. Хеперра погиб, после него остался лишь младенец женского пола, а вельможи уже спешили покориться правителю Севера.

Гиксосы, так же как и египтяне Юга, устали от войны и не желали больше сражаться. Хотя войско Хеперра и было разбито, над сторонниками его, как в северных, так и в южных землях Египта, расправы не учинили; их обложили умеренной данью и дозволили мирно поклоняться своим древним богам.

Богом гиксосов был Ваал, которого они называли теперь Сетом, ибо такое имя издавна знали в Нильской долине; цари гиксосов заново воздвигали храмы Ра и Амона, Пта, Ис-

иды и Хатор, которые их предки, вторгшись в Египет, обратили в руины, теперь же они приносили в этих храмах жертвы, чтя чужих богов.

Лишь одного потребовал Апеги от покоренных фивийцев: вдова Хеппера, царица Рима, и малолетняя Нефрет, дочь ее и законная наследница престола Верхнего Египта, должны быть выданы ему; получив весть об этом, Рима вместе с дочерью скрылась, о чем и пойдет далее наш рассказ.

О рождении царевны Нефрет ходили диковинные толки. Сразу после того, как эта прелестная белокожая девочка с серыми глазами и темными волосами явилась на свет, ее, исполнив положенный при рождении обряд, положили к груди матери. Рима взглянула на малютку, затем ее показали отцу, и царица слабым голосом, – ибо измучилась, роды истомили ее, – попросила оставить ее одну; лекари и служанки исполнили ее волю, удалились за полог, отделявший постель роженицы от другой части покоев, где и пребывали в безмолвии.

Спустилась ночь, комната погрузилась во тьму. Неожиданно одна из бодрствующих женщин, – жрица богини Хатор по имени Кемма, которая с рождения взрастила царя Хеппера и теперь готовилась исполнить сей долг в отношении его дитя, заметила свет, проникавший сквозь занавес. Встревожившись, она заглянула в щель между его полотнищами. И что же она увидела?

Возле постели царицы, которая, как видно, спала, стояли

две прекрасные женщины, от одежд и от них исходило сияние, а глаза светились, подобно звездам. Царицы, не иначе, подумала Кемма, ибо короны на их головах сверкали такими драгоценностями, какие впору носить только особам царского достоинства. Одна из них держала в руке золотой крест жизни, другая – систр, инструмент в виде округлой рамки с золотыми проволочками, на которые нанизаны были драгоценные камни; на систрах играли в храмах, когда жрицы проходили перед изваяниями богов.

Вид этих двух величавых женщин привел Кемму в трепет и лишил дара речи, она слова не могла вымолвить, чтобы разбудить остальных; тем временем женщина с крестом жизни склонилась над спящей царицей, за ней вторая, державшая систр; они что-то прошептали на ухо Рима. Затем женщина со знаком жизни бережно подняла новорожденную от груди матери, поцеловала и приложила крест к ее губам. Совершив это, она передала девочку второй богине, – теперь уже Кемма была уверена, что видит перед собою богинь, – и та, прежде чем снова положить малютку к матери, тоже поцеловала ее и встряхнула над ее головкой систром, издавшим легкий звон.

В следующее мгновение обе фигуры исчезли, и в комнате, – озаренной только что светом, сгустилась черная ночь: Кемма же, наблюдавшая все это, от ужаса лишилась чувств и оставалась в беспомощности до самого восхода солнца.

Утром Кемма не решилась первой заговорить о видении,

ибо сочла его божественным и вещим; сомнения охватили ее: не привиделось ли ей все это во сне и не назовут ли речи ее пустословием, где божественные имена поминаются всеу? Но, пробудившись, царица сразу же призвала супруга и поведала ему о странном видении, пригрезившемся ей ночью.

— Когда, ослабев от боли, я погрузилась в сон, — начала она свой рассказ, — явились предо мной две прекрасные женщины в одеяниях и с символами египетских богинь. Одна из них, с крестом жизни в руке, так обратилась ко мне, спящей: «О дочь Вавилона, царица Египта и мать наследницы трона его, внемли нам. Мы, как ведомо тебе, Исида и Хатор, древние богини Египта; с недавних пор, поселившись на земле этой, ты чтить нас в храмах и возлагаешь жертвы на алтари наши. Не страшись нас; хотя возрастили тебя в поклонении иным богам, мы явились, чтобы благословить дитя, рожденное тобою. Знай, царица, великие беды ожидают тебя, жестокая утрата оставит тебя одинокой, и даже мы, столь могущественные, не в силах избавить тебя от того, что написано в Книге судеб и суждено тебе. Не можем мы сейчас даже на короткое время, хотя смертным оно покажется нескончаемо долгим, освободить Египет от пут, которыми гиксоны связали его, подобно тому как они перед закланьем вяжут ноги своим овцам; но час придет, Египет сбросит с себя узы, подобно быку, что рвет опутывающую его сеть, и станет еще более могучим, чем прежде. Как всякое живое существо страдает за грехи свои, так и Египту надлежит пройти через

тяжкие испытания за то, что не хранил себя в чистоте веры, не внял предостережениям богов. Но всему на свете приходит конец, беды пронесутся над Египтом, подобно облакам, и яркая звезда его славы воссияет на чистом небосклоне».

И отвечала я этому видению или богине:

– О небесное Божество, сколь горькие слова ты обращаешь ко мне! Я и впрямь чужая в Египте, я – всего лишь жена одного из царей, царевна иной страны. Египет должен снести судьбу, которую он уготовил себе, однако же я, смертная женщина, хотела бы узнать судьбу своего господина, которого люблю, и дочери, нам дарованной.

– Господину твоему выпала достойная судьба, его ждут слава и честь, – сказала богиня, державшая символ жизни, – судьба твоей дочери со временем повернется к счастью и радости.

После этих слов она нагнулась, подняла девочку и поцеловала ее, произнеся такие слова: «Да прибудет с тобой благословение Матери Исиды. Сила Исиды да будет твоей силой, мудрость Исиды – твоей путеводной звездой. Не страшись! О царственное дитя, не будь малодушной, ибо Исида всегда рядом с тобою, и сколь ни велики опасности, подстерегающие тебя, горе обойдет тебя стороной. Долгой будет жизнь твоя, а под конец и безмятежной; суждено тебе увидеть внуков, играющих у ног твоих. Пусть и не надолго соединишь ты то, что разрознено, имя тебе будет – Объединительница Земель. Вот дары, что Исида подносит тебе, о владычица Егип-

та».

– Так рекла богиня, держа младенца в своих излучающих сияние руках, а затем передала нашу дочь сестре своей, что стояла подле нее. Та приняла девочку, поцеловала ее в лобик и сказала: «Внемли! Я, Хатор, богиня Любви и Красоты, дарую тебе, царица Египта, все, что положено тебе. Прекраснейшей будешь ты душой и телом. Будешь ты любима беспредельно, а своей любовью облегчишь участь миллионов людей. Не сворачивая ни вправо, ни влево, не прибегая к коварству и уловкам, следуй звезде Хатор и зову собственного сердца, радостно принимая дары Хатор, остальное же вверяй Небесам, которые зрят то, что не зришь ты, и доведут до конца то, что не осилишь ты. О царское дитя, ты посеешь счастье, на земле египетской, а урожай душа твоя соберет в Небесах».

– Так, грезилось мне, говорили богини; а затем, увы, они удалились.

Выслушав рассказ, царь Хеперра попытался истолковать его.

– Несомненно, то был сон, – произнес он, улыбнувшись, – но сон счастливый, ибо предвещает счастье дочери нашей; как видно, она вырастет прекрасной и мудрой, расцветет цветком истинной любви и станет объединительницей Египта. Что больше можем мы желать ей?

– Это так, господин мой, – с печалью ответили Римма, – ребенку сон предвещает благо, но боюсь, что всем другим –

горе.

– Даже если и так, что из того, жена моя? Колос должен пасть прежде, чем взойдет новый росток, и в каждом посеве есть и пшеница, и плевелы. Такой закон, которому все живое должно покориться. Не печалься над тем, что пригрезилось тебе, ибо это возникло из боли и тьмы. Однако я должен идти, меня призывают, войско вскоре выступит против гиксо-сов, чтобы победить их.

Хеперра предпочел не сказать супруге, что подумал об услышанном; он отправился к верховным жрецам Исиды и Хатор и повторил им рассказ ее слово в слово. Жрецы опросили множество людей, желая понять, видел ли еще кто-нибудь чудесное явление в покоях царицы; так им удалось узнать о видении, бывшем Кемме, ибо той полагалось ничего не скрывать от них.

Священнослужители были и удивлены и обрадованы происшедшим, ибо подобного чуда, как говорили, в Египте не случалось уже много поколений. Более того, жрецы приказали подробно записать на трех свитках сон царицы и видение Кеммы; подобно свидетельницам в суде, им надлежало скрепить изложенное своими подписями; один свиток передали царице, чтоб она хранила его для царевны Нефрет, а другие поместили в хранилища храмов Исиды и Хатор. Но часть сна, которая предрекала горькие потери и беды, что, к несчастью, должны пасть на царицу, внушили ужас обеим женщинам и прорицателям, у которых они испрашивали со-

вета.

– Что за утраты могут постигнуть царицу, – размышляли они, – если ее дитя обещано счастье и процветание и лишь царю, супругу Рима, они не обещаны? Может быть, царица произведет на свет других детей, которых небеса отберут у нее?

О своих страхах жрецы не поведали ничего, лишь оповестили о том, что Исида и Хатор явились и благословили новорожденную царевну Египта. Однако зловещие предсказания вскоре сбылись – царь Хеперра начал войну, а два месяца спустя пришла ужасная весть о его гибели; хоть и храбро сражался царь впереди своих воинов, но погибло их слишком много: не побежденное, но обессилевшее и лишённое полководца войско не могло возобновить битву, а потому начало отходить к Фивам.

Казалось, сердце сказало об этом царице Рима прежде, чем дошла весть. Выслушав гонца, она объявила:

– Случилось то, что предрекали мне великие богини Египта; придет время, неизбежно сбудутся и другие их пророчества.

Следуя вавилонским обычаям, царица с младенцем удалилась в свои покои и много дней оплакивала супруга, никто, кроме Кеммы, которая ухаживала за девочкой, не смел ее беспокоить.

Но вот армия вошла в Фивы; воины несли поспешно набальзамированное прямо на поле битвы тело фараона Хе-

перра. Царица повелела сдвинуть погребальные пелены и последний раз взглянула в лицо своего повелителя, почти неузнаваемое из-за покрывавших его ран.

– Боги призвали его, он умер достойно. Сердце говорит мне: он пролил кровь свою, но в грядущем свою кровь прольет и тот, от чьей руки пал мой супруг!

Слова эти дошли до Апепи, а потому всю дальнейшую жизнь свою он провел в страхе, ибо дух его, равно как и прорицатели, у которых он искал совета, ответил ему, что то было внушение бога мести. Когда Апепи вспомнил, что царица Рима происходит из царского дома Вавилона, его обуял еще больший страх – предки его некогда подчинялись вавилонянам и они считали их самыми мудрыми людьми на свете. Оттого не удивился и поверил он рассказу о видении Рима в ночь, когда у нее родился младенец, хотя и было ему странно, что богини Египта появились перед вавилонянкой.

– Если объединятся Вавилон с Египтом, что ожидает нас, царей кочевых племен, которые оседлали протоки низовья Нила? Похоже, мы, точно зерно, окажемся между жерновами: нас смелят в муку, – с такими словами обратился Апепи к своим советникам.

– Жернова те мелют неспешно, да и мука – это ведь хлеб всех народов, о царь, – отвечал старший из них. – Разве видение супруги покойного Хеперра, если нам не лгут, не вещает о том, что пройдет много лет, прежде чем египтяне сокрушат нашу власть; разве не явлено в том видении, что лишь ца-

ревна Египта, рожденная от фараона Хеперра и вавилонянки, станет Объединительницей Земель? О царь, привези сюда овдовевшую вавилонянку и дочь ее, наследницу престола царского; все надо делать вовремя.

– К чему мне теперь пребывание в собственном доме той, кто по внушению вавилонских демонов предрекла мою гибель? Не убить ли и ее, и младенца вместе с ней, чтоб кончить все разом? – спросил Апепи.

– О царь, – возразил старейший из мудрецов, – не делай этого, ибо мертвые могущественнее живых, и дух сей царской особы может оказаться сильнее, нежели она сама живая. Более того, если предсказание египетских богинь истинно, дитя убить невозможно. Сделай их своими пленниками, о царь; не спускай с них глаз, дабы они не побудили вдруг грозный Вавилон и другие государства пойти против тебя.

– Ты рек истину, – промолвил Апепи. – Так и следует поступить. Пусть Риму, вдову царя Хеперра, и дочь ее Нефрет, царевну Верхнего Египта, доставят к моему двору, если даже понадобится большое войско, чтобы захватить их. Но сначала миром и посулами постарайтесь склонить ее прибыть сюда по доброй воле, приложите все усердие, а если ничего из этого не получится, подкупите фивейцев, чтоб царицу и младенца выдали мне.

Глава II. ПОСЛАННИК

Вскоре царица Рима узнала от своих лазутчиков, что царь гиксосов Апепи вознамерился ее с дочерью сделать своими пленницами. Удостоверившись в том, что все это правда, царица созвала сановников, оставшихся еще в Верхнем Египте, и высших жрецов, желая испросить совета, как следует ей поступить.

– Подумайте, – обратилась она к ним, – я вдова. Мой и ваш повелитель погиб, храбро сражаясь против рати Севера, и оставил наследницей трона это царственное дитя. Когда стало известно, что царя нет более в живых, войско повернуло назад, на Фивы, потому гиксосы и провозгласили свою победу. Ныне донесли мне, что они замыслили: меня, супругу вашего покойного повелителя царя Хеперра, и дочь – законную наследницу престола Древнего Египта, Апепи требует выдать ему, в противном случае он грозит послать войско, дабы силой завладеть нами. Что думаете об этом вы, мои приближенные? Намерены ли вы защищать нас от Апепи?

Ответы последовали разные. Из них следовало, что народ более воевать не станет, ибо царь гиксосов пообещал больше, чем можно было надеяться добыть в битве, а после стольких кровопролитных сражений все мечтали о мире, пусть при этом назовет себя фараоном Египта не самый достойный.

– Вижу, что ни мне, ни царевне нечего ждать от вас, господа, хотя ради вашего блага супруг мой и отец ее отдал жизнь, – тихо промолвила Рима, – а что скажут жрецы богов, которых чтит царь Хеперра?

Жрецы отвечали уклончиво: кто-то из них призвал положиться на волю Небес; другой высказал предположение, что царица с царевной будут в большей безопасности при дворе Апепи, который поклялся оказывать им должное почтение; третий – что следует искать убежище у могучего царя вавилонского, отца царицы.

Когда все смолкли, Рима произнесла с горькой усмешкой: – Наверное, золото, что метнул царь гиксосов, пролетев много миль, без промаха попадет в сокровищницы ваших храмов. Спрошу вас прямо: поможете вы мне с царевной избежать рабства или нет? Если не выдадите меня, я до конца пребуду с вами; клянусь, подобным образом поступит и дочь моя, когда войдет в разум. Но если вы отрекаетесь от нас, мы тоже порываем всякую связь с вами; ступайте своим путем, а мы пойдем своим – в Вавилон или еще куда-нибудь, но только не в покои царя гиксосов, которые станут нашей тюрьмой, царевну же там, несомненно, лишат жизни, чтобы престол Египта остался без законного наследника. Прошу вас обдумать все это. Я удалюсь, – говорите откровенно. Но через час, в полдень, вернусь чтоб выслушать ваше решение.

Она поклонилась жрецам и вельможам, в ответ все согнулись в глубоком поклоне, и царица вышла.

В назначенный час, сопровождаемая Кеммой, которая несла на руках маленькую царевну, Рима через боковой проход, по которому она недавно удалилась, снова вошла в зал Совета.

Но зал был пуст. Сановники и жрецы покинули его, все до одного.

– Похоже, мне предстоит одиночество, – сказала царица Рима. – Что ж, такая судьба часто выпадает на долю тех, кого преследуют беды.

– Не говори так, царица, – отвечала Кемма, – царственное дитя, наследница трона, мы – по-прежнему с тобой. На спинках этих пустых кресел я вижу изображение богов Египта; в свой час они станут нам лучшими советниками, чем те, кто бросил нас в горестный миг. Обратим сердца свои к ним и положимся на их мудрость.

Обе женщины присели, тревожно вглядываясь в изображения божеств, видневшиеся на стенах и мебели каждая молилась на свой лад, прося помощи и наставления.

Наконец, подняв голову, Кемма спросила:

– Снизошло ли на тебя, царица, озарение:

– Нет, – отозвалась Рима, – тьма вокруг. Одно лишь внушили мне боги: если мы останемся тут, лживые сановники и жрецы непременно схватят нас и выдадут Апепи; я думаю, их подкупили. А что сказали боги тебе, Кемма?

– Госпожа, мне почудилось, будто царицы Неба, покрови-

тельницы этого царственного дитя, – Исида и Хатор, которым я служу, – прошептали мне: «Бегите, бегите скорее, и подальше!»

– Ах, Кемма, куда нам бежать? Где царице Юга и маленькой дочери ее, царевне Египта, скрыться от соглядатаев Аппи? Не в этих же местах; здесь всякий, будучи в страхе или подкуплен, предаст нас.

– Нет, госпожа, не на Юге, – на Севере, где никто не подумает нас искать, ибо лев не ждет антилопу близ собственного логовища. Слушай же, царица. Есть один благочестивый старец по имени Рои, брат моего деда; он происходит от древней ветви рода фиванских царей. Девочкой я часто навещала его; по милости богов он сделался пророком тайного Братства, названного Общиной Зари, а обосновалось оно близ пирамид Мемфиса. Он сам и собратья его обладают большой властью, живя там уж лет тридцать или более; никто не дерзает теперь приблизиться к пирамидам, и менее всего – гиксосы: им известно, что там являются призраки.

– Призраки? – встрепенулась Рима.

– Идет молва, будто там иногда появляется прекрасная женщина с обнаженной грудью; быть может, это Ка одной из тех, кто погребен в тех местах, где живет мой родич, либо это призрак из мира мертвых, либо дух самого Египта, принявшего женский облик, – неизвестно. Но когда опускается ночь, ни один храбрец не отважится подойти к тем древним пирамидам.

– Почему же? С каких пор мужчины стали страшиться красивой женщины, обнажившей грудь?

– Потому, царица, что, увидя ее красоту, они лишаются разума и бродят в пустыне, пока не погибнут. А если кто-нибудь последует за ней на вершину самой большой пирамиды, то падает и разбивается насмерть.

– Ах, пустые это сказки, Кемма. К чему ты все это мне говоришь?

– Госпожа, мы могли бы добраться до тех усыпальниц и жить в безопасности у моего родича, пророка Рои. Никто не смеет даже приблизиться к гробницам, лишь изредка забредает какой-нибудь юный глупец, жаждущий увидеть прекрасную тень, но встречает смерть или, взглянув на красавицу, теряет разум. Даже жители пустыни, дикие бедуины, ставят свои шатры не ближе чем в миле, а то и дальше от пирамид; цари гиксосов и подданные их считают это место проклятым: там нашли смерть двое их царевичей; за все золото Сирии никто не решится отправиться к тем пирамидам. Страшатся они и колдовских чар, какими владеют члены Братства, ибо оно под защитой духов и поклялось не наносить никакого урона гробницам и пирамидам. Такова легенда, и рассказываю я тебе лишь то, о чем сама слыхала, хотя, наверное, очень многого и не знаю.

– Похоже, там мы сможем хоть немного передохнуть, – оживилась Рима, – во всяком случае, до поры, пока мы не устроим побег в Вавилон, где мой отец, конечно же, с радо-

стью примет нас. Но как попасть туда, с младенцем на руках, когда вдоль границ идут сражения, а воспользоваться путем через Аравийскую пустыню мы не в силах? Однако можем ли мы быть уверенными, Кемма, что твой родич окажет нам милость и оставит у себя? А если и оставит, как нам добратся туда?

– Первый вопрос твой, царица, разрешить просто. Как ни покажется это странным, но как раз сегодня я получила послание от благочестивого Рои. Шкипер судна, что везло зерно из Мемфиса в Фивы, доставил мне его. Этот шкипер сказал, что зовут его Тау.

– Где ты встретила его и что он сказал, Кемма?

– Прошлой ночью, царица, мучимая страхом за тебя и девочку, не могла я заснуть; еще до рассвета я поднялась и вышла в дворцовый сад, чтобы встретить восход солнца и вознести молитвы богу Ра, когда он явит свой лик в небесах. Туман стал редеть, и увидела я, что не одна там, ибо неподалеку стоял рослый человек, похожий на матроса, – так он был одет; прислонясь к стволу пальмы, он глядел на Нил, там неподалеку от берега виднелось торговое судно. Человек этот обратился ко мне и сказал, что ждет, покуда рассеется туман и подымет ветер, тогда корабль двинется к гавани, куда должен доставить свой груз.

На мой вопрос, откуда он, матрос тот отвечал, что с разрешения правителя белостенного Мемфиса и градоначальника Фив ведет он торговлю между двумя этими городами.

Пожелав ему благой судьбы, я собралась уже уйти, чтоб сотворить свою молитву где-нибудь в другом месте, но он сказал: «Прошу тебя, помолимся вместе; мое имя Тау, я тоже поклоняюсь богу Ра; вон, гляди, и сам он явился». И он подал мне знак, который я, будучи жрицей, поняла.

Когда мы кончили молиться и я снова собралась уходить, Тау спросил у меня, что нового в Фивах и правда ли, будто царица Рима скончалась от горя, потеряв супруга, погибшего в битве, или даже, как говорят некоторые, убита вместе с младенцем. Я уверила его, что все это ложь, чем, как мне показалось, он был несказанно обрадован; вознеся благодарение богам, он добавил, что законной наследницей трона Египта – и Нижнего, и Верхнего, – несомненно, стала царица Нефрет. Я удивилась, откуда знает он это имя. «Один ученый человек, – отвечал он, – открыл мне его, тот благочестивый отшельник, кому признаюсь я в своих прегрешениях – которых, увы, не счесть; отшельник этот живет в пустыне близ великих пирамид, среди гробниц. За царственным младенцем, сказал он мне, ходит его родственница, по имени Кемма, – она также из знатной семьи. Если удастся мне разыскать ее в Фивах, должен я передать ей то, что не решился бы доверить письму».

Тут шкипер Тау смолк и пристально посмотрел на меня; я спокойно встретила его взгляд, размышляя, не расставляет ли он ловушку для меня.

– «Тау, – сказала я, – если это послание передашь ты дру-

гой женщине, беды не миновать. В Фивах многие носят имя Кемма. Как узнаешь ты, что нашел ту, кто нужен тебе, и действительно ли женщина, на которую тебе указали, ухаживает за царевной?»

«Не так это трудно, как кажется, госпожа. Благочестивый старец вручил мне половину лазуритового амулета, на котором вырезаны слова заклинания или молитвы. Он пояснил мне, что там написано: «Пусть вечно живущий Ра защитит обладателя сей святыни в последнюю ночь его. Пусть тот, кого она хранит, ступит в ладью Ра, и...» – тут надпись обрывается, – продолжал шкипер, – но госпожа Кемма, добавил старец, знает ее до конца». – И Тау вновь взглянул на меня.

«А не так ли продолжается надпись на амулете, – спросила я, – «и пусть бог тот благополучно доставит тебя к Осирису, а он усадит того, кто находится под защитой богов, за свой стол и пребудет он с ним на пиру вечно?»»

«Да, – отвечал Тау, – мне кажется, все это так или почти так, как говорил благочестивый отшельник. Память у меня слаба, – я не доверяю ей, особенно если речь идет о молитвах или божественных писаниях. Но если и тебе, незнакомка, магические слова известны до конца, похоже, вещица эта ничего не значит, ибо такую носят тысячи людей от Фив до моря. Та, кого я должен найти, не только знает заклинанье, у нее вторая половина талисмана; да как сыскать ту женщину, ума не приложу. Не возьмешься ли ты помочь?»

«Может быть, и возьмусь, – отвечала я. – Покажи-ка мне

амулет, Тау». Шкипер оглянулся, чтобы удостовериться, одни ли мы. Затем сунул руку под одежды и вытащил половинку старинной пекторали, покрытой резной надписью; прикрепленная к шнурку, сплетенному из женских волос, она висела у него на шее. Каменная плитка была сломана или распилена посередине, край ее получился неровным, с выступами и впадинами. Едва взглянув на нее, я сразу поняла, что именно ее вторую половину много лет назад отшельник Рои и еще один родственник дали мне, велев прислать ее, как только мне понадобится их помощь. Вынув вторую часть пекторали, висевшую у меня на груди, я приложила ее к той, что держал Тау. И – о, боги! – они слились воедино; твердый камень совсем не стерся за это время.

Тау глянул на талисман и кивнул. «Странно, что я так случайно повстречал тебя, Кемма. Удивительно! Однако боги знают свое дело, нам ли пещься о таких чудесных совпадениях? Но, как знать, быть может, существует еще одна половинка, что подойдет к первой, данной мне? Прежде чем мы поведем разговор дальше, расскажи мне о том, кто дал тебе часть талисмана; где он обретається и все прочее, что тебе известно.

«Его зовут Рои, – отвечала я, – а прежде звали Рои, сын царя, хотя царь тот скончался много лет тому назад; теперь он, как и ты сказал, близ пирамид в большой Общине. Он священнослужитель, пророк, облик его прекрасен, а речь мягка; у него длинная борода и седые волосы. В темноте он

видит, подобно кошке, ибо долгие годы провел в подземном храме; колени его сделались тверже подошв странника, оттого что вечно, коленопреклоненный, творит он молитвы. Оставшись же один, он подолгу совещается со своим двойником Ка, пребывающим неотступно рядом; порой вопрошает он и других духов, сообщающих ему обо всем, что происходит в Египте.

Таков был он много лет тому назад; таким был и нрав его в ту пору, когда передал он мне эту половину амулета; что же сейчас делается там, мне неизвестно».

«Да, госпожа, слова твои звучат правдиво. Довольно правдиво, хотя ныне уж немного волос сохранилось на голове благочестивого Рои; худ стал он чрезмерно, теперь не назовешь его красивым, обличем своим напоминает он теперь старого ястреба, едва живого от голода. Но сомнений нет: мы с тобой говорим об одном человеке, и амулет, части которого мы соединили воедино, служит тому подтверждением. Так вот кого, госпожа, я встретил случайно, – совсем случайно! – ожидая на том самом месте, что указал мне благочестивый Рои. Слушай же его посланье».

И тут, царица, весь облик шкипера преобразился: предомною стоял уже не простой, беззаботный человек, а тот, чьи слова скрывали горечь; движения его стали резкими и стремительными. Улыбка и мягкое выражение сошли с его лица, внезапно властность и нетерпение отразились на нем; теперь это было лицо человека, которому предстояло испол-

нить нелегкое дело, от коего зависела его честь.

«Слушай меня, воспитательница царского дитя, – начал он. – Царь, кого ты некогда держала на коленях, лежит в могиле, сраженный копьями гиксосов. Хотела бы ты увидеть, как девочка, которой он даровал жизнь, и женщина, родившая ее, последуют той же дорогой?»

«Вопрос звучит нелепо, Тау, – ответила я, – в какую бы сторону ни направили они свои стопы, туда я и буду сопровождать их».

«Я знал, что даже ради собственного спасения ты не оставишь их. Но опасность велика. Вас сговорились схватить, всех трех; благочестивому Рои было сообщено об этом. Предатели, участники заговора – здесь, в городе. Быть может, завтра или через день они объявят царице, что ей грозит беда и что они хотят укрыть ее в надежном месте. Поверит она им, так скоро убедится, – коли доживет, – что у Апепи нет места надежнее тюрьмы в Танисе; ну а потом, поняла ты?.. Не поверит, ее с младенцем силой доставят к гиксосам».

Я кивнула согласно: «По всему видно, время не ждет. Что же ты посоветуешь сделать, о посланец Рои?»

«Сейчас я отправлюсь в город и передам груз купцам, что ожидают его. На барке есть беглецы из Сиута, крестьяне, спасающиеся от гиксосов. Их трое: женщина средних лет. Лицом и фигурой напоминающая тебя, Кемма, – я выдаю ее за сестру; а красивая молодая женщина с девочкой месяцев трех от роду именуется моей женой. Так я скажу о них чинов-

никам по прибытии к причалу. Женщины эти не станут задавать вопросов. Легко найдут они здесь новых друзей, покинув барку, их места освободятся. Ты понимаешь меня, Кемма?»

«Если я правильно тебя поняла, ты предлагаешь царице с малюткой и мне занять места этих женщин? Но когда и как?»

«Мне сказали, Кемма, что сегодня вечером в городе начнется праздник бога Нила; чувствуя его, сотни людей выплывут в лодках на середину реки, держа факелы и распевая благодарственные гимны. Чтобы не столкнуться с ними, я намерен привести барку назад, в эту гавань, – мне ведь еще до восхода предстоит отправиться вниз по реке, как только подует южный ветер. Быть может, я случайно увижу двух крестьянок вместе с малюткой тут, среди пальм, за час до явления бога Ра?»

«Возможно, господин. Только скажи, где окончится путешествие, если все произойдет так?»

«Под сенью Великих Пирамид, госпожа, где благочестивый человек, имя которого нам известно, ожидает вас; хотя, как он говорит, жилище его бедно, но там вы будете в безопасности».

«И я думала о том же, Тау. Но побег таит в себе большую опасность; да и не ловушка ли это? Как мне удостовериться, не подкуплен ли ты гиксосами либо фиванскими изменниками, не послан ли, чтобы обречь нас на гибель?»

«Мудрый вопрос, – отвечал он. – Но тебе передано посла-

ние, амулет служит порукой верности его, и вот моя клятва священным именем, что я приношу; нарушив ее, я обреку себя на вечные муки. Все же вопрос твой мудр, ибо опасность очень велика, и, клянусь богами, я не знаю, как ответить иначе!»

Мы постояли так некоторое время, глядя друг на друга; сердце мое наполнилось сомнением и страхом. Если мы окажемся во власти этого человека, что приключится с нами? Или, скорее, с тобой, царица, и царственным младенцем, так как о себе я всегда заботилась мало.

– Я знаю, милая Кемма, – отвечала Рима. – Но вернемся к твоему рассказу. Что же последовало далее?

– Так вот, царица. Вдруг мне показалось, что Тау чем-то встревожен.

«Тут пустынно и покойно, – сказал он, – и все же мне кажется, что за нами следят».

От берега, царица, нас отделяла единственная пальма, и стоит она на открытом месте, за ней мы укрылись, когда завели разговор, ибо так нас было не видно с реки и я знала, что никто не сможет подслушать наш разговор. Слева, неподалеку, находится старая часовня, на крыше которой высится полуразрушенное изваяние какого-то бога; говорят, что часовня эта некогда служила входом в ныне исчезнувший храм; ты не раз бывала в этой часовне, царица.

– Я знаю ее, Кемма.

– Утренний туман наполовину застилал часовню; но Тау,

хотя она все же стоит в отдалении, почему-то пристально вглядывался в нее; и вдруг туман исчез, будто подняли тонкое покрывало: взглянув туда же, куда смотрел шкипер, я заметила, что часовня отнюдь не пуста. Там, царица, будто погрузившись в молитву, стоял на коленях старец. Он поднял голову, и свет упал на его лицо. Боги! Это был сам благочестивый Рои, мой родич; он несколько изменился с тех пор, как я видела его, когда он отдал мне обломок амулета, но я не сомневалась – сам Рои оказался в часовне.

«Похоже, госпожа Кемма, здесь тоже есть отшельник, как и в краю пирамид, – сказал Тау, – и, мне кажется, я его узнаю. Да не благочестивый ли это Рои, госпожа Кемма?»

«Он и никто другой, – сказала я. – Почему ты не открыл мне, что привез Рои на своем корабле? Мне не пришлось бы мучиться сомнениями. Я поговорю с ним немедля».

«Да, побеседуй с ним, госпожа Кемма, успокой свое сердце, и тебе станет ясно, верный я человек или нет».

Я быстрым шагом пошла к часовне. Она была пуста! Благочестивый Рои исчез, хотя, кажется, там не было уголка, где он смог бы укрыться.

«Деяния отшельников и святых непостижимы для нас, госпожа Кемма, – промолвил Тау. – И разве ты не знаешь, что из всех людей только они, вернее, некоторые из них, могут пребывать одновременно в разных местах. А теперь скажи мне, встречу ли я вас сегодня вечером у этой часовни?»

«Да, – отвечала я, – думаю, ты найдешь нас здесь. Конеч-

но, если царица даст согласие и ничто нас не задержит – ни смерть, ни путы. Но постой! Где взять нам одеяния селянок? Во дворце ничего подобного нет; а послать кого-то, чтобы купить, – это может вызвать подозренье: ведь с царицы не спускают глаз».

«Благочестивый Рои предусмотрителен, – отвечал Тау, улыбнувшись, – а может быть, и я тоже; не важно, кто из нас».

Он шагнул на то место, где я поначалу заметила его, и вытащил из-за камня какой-то сверток.

«Возьми вот это, – сказал он. Здесь все, что надо; одежды чистые, хотя и простые, обрядить в них безопасно даже царское дитя. Прощай, госпожа, туман рассеялся, я должен идти. Дух благочестивого Рои да будет рядом не только со мной: умея находиться одновременно в разных местах, он поведет и охранит и вас также, можешь в этом не сомневаться. Завтра за час, нет, за два часа до рассвета я вернусь сюда, чтобы встретить свою сестру и жену с младенцем».

Затем он исчез, а я в глубоком раздумье вернулась во дворец. Я решила ничего не говорить тебе, царица, пока не узнаю, что боги ответили на твои молитвы сегодня.

– Ты посмотрела, что в свертке? – спросила царица.

– Да, – отвечала Кемма, – в нем все, о чем говорил Тау: два плаща и другие одежды, что обычно носят крестьянки, отправляясь в дорогу. Они будут впору тебе и мне, а для крошки припасена теплая одежда.

– Дай взглянуть, – промолвила царица.

Глава III. ПОБЕГ

Они расположились в личных покоях дворца. Воины охраняли внешние врата; им полагалось стоять на страже, ибо признанные знаки царской власти еще окружали царицу Риму; около дверей, ведущих в ее покои, стоял великан-нубиец Ру, который прежде служил телохранителем царя Хеперра; это он, зарубив боевым топором шестерых гиксосов, вынес тело своего владыки с поля сражения, перекинув через плечо, подобно тому как гиксосы носят зарезанного барашка.

Царица и Кемма осмотрели одежду, которую доставил им посланец Тау, и надежно спрятали. У люльки, где спала маленькая царевна, женщины принялись обсуждать свое положение.

– Твоя затея очень опасна, – сказала царица. Она в беспокойстве ходила взад-вперед, бросая то и дело тревожные взгляды на спящую дочь. – Ты умоляешь меня бежать в Мемфис, а это все равно что броситься в пасть гиене. Ты склонна поступить так потому лишь, что прибыл посланец твоего родича – отшельника, верховного жреца или пророка какой-то тайной Общины, но, может быть, он давным-давно умер, а его именем пользуются как приманкой на крючке, чтобы изловить нас.

– Но амулет, царица! Взгляни, как плотно прилегает один

его скол к другому, как сливаются концы белой прожилки на камне, проходя от одного края до другого.

– Сомнения нет, половинки твоего амулета соединились. Сомнений нет и в том, что они составляют единое целое. Но подобные священные предметы – не тайна, о них много кому известно. Возможно, кто-то прознал, что Рои отдал тебе половинку талисмана и выкрал вторую часть его, чтобы обмануть тебя, предложив тайное убежище среди гробниц. Кто этот Тау, о котором прежде ты и слыхом не слыхивала? Как удалось ему так легко разыскать тебя? Отчего вправе он появляться здесь и покидать Фивы без допроса – он, кто прибыл из Мемфиса, а значит, держит все нити заговора в своих руках, если таковой существует?

– Не знаю, кто он, – отвечала Кемма. – Я знаю лишь одно: когда те же сомнения мелькнули у меня, Тау явил мне самого Рои, чтоб доказать истинность своих слов; и тогда только я поверила ему.

– Ах, Кемма, разве сама ты, подобно своему родичу, не жрица, с детства посвященная во все тайны и волшебства Египта? Разве не привиделись тебе богини Исида и Хатор, благословившие мое дитя? Ведь о таких чудесах мы знаем лишь из старинных преданий, что рассказывают об особах царского рода. Почему никто более не видел этих богинь?

– Почему же они привиделись и тебе? – сдержанно спросила Кемма.

– Сон есть сон. Зачем придавать смысл тому, что спокон

веков прилетает и исчезает, когда мы спим, роясь вокруг, подобно мошкаре, готовой исчезнуть во тьме, откуда явилась? Не надо искать в нем знамений; то же, что видело недремлющее око, – совсем другое дело: это либо нечто, возникающее от безумия, либо – сама явь. Теперь же тебя посетило еще одно видение – ты узрела старца, который, – если даже он жив, – находится далеко; и на этом зыбком облаке ты склоняешь меня найти надежное пристанище. Как поверить, что ты не потеряла разум, когда мудрецы моей страны полагают, что большинство из нас утратило его. Ты зришь богов, но существуют ли они? А если да, то чем египетские боги отличны от вавилонских, а те – от богов Тира? Если боги существуют, почему они все разные?

– Оттого, что все люди разные, царица, и каждый народ облачает богов в свои одеяния; ведь даже мужчины и женщины одеты по-разному.

– Может быть, может быть! Но слова незнакомца и видение – не слишком ли этого мало, когда сама жизнь брошена на чашу весов, да и корона Египта. Не могу я с ребенком повериться этому человеку, иначе мы обе вскоре ляжем на дно реки или окажемся в одной из темниц гиксосов. Лучше остаться нам здесь, ваши боги защитят нас. Здесь не менее надежно, чем подле пирамид Мемфиса, да еще хорошо, если мы доберемся туда живыми. А если нам велено отправиться в путь, да пошлют боги какой-то знак; у них еще есть время спуститься с Небес.

Так говорила царица Рима, терзаемая сомнениями и отчаянием. Кемма, не решаясь возражать, согласно кивала головой.

– Пусть будет так, как угодно царице, – наконец сказала она. – Когда боги пожелают, они укажут нам путь к спасению. Если же они безучастны к нашей судьбе, стоит ли нам куда-то стремиться – все равно будет так, как захотят боги. А теперь госпожа, не время ли нам подкрепиться и отдохнуть, однако спать мы не станем, покуда не минует тот час, когда нам указано подняться на корабль Тау.

Они отужинали, затем взяв светильник, Кемма обошла весь дворец: странная тишина поселилась здесь. Казалось, все покинули его, один лишь старый немощный раб повстречался Кемме, он объяснил ей, что люди ушли на праздник бога Нила, кататься на лодках.

– Да нешто в прежние годы могло случиться такое? – проворчал он. – Кто это слыхивал, чтобы те, кому положено охранять Ее Величество, покинули дворец и знай себе веселятся где-то? Но с той поры, как благой бог Хеперра убит в сражении собаками гиксосами, похоже, все переменялось. Никто не помышляет о службе; все думают только о себе и о том, чтобы урвать побольше. А деньги уплывают, госпожа Кемма, деньги-то уплывают! Большие деньги передают из рук в руки, я тут в своем углу все вижу. Откуда они – я не знаю. Даже и мне предлагали, за что – не ведаю, но я отказался; к чему они старику, которому вот уже пятьдесят лет

все довольствие идет из казны, да к тому же я всегда получал и зимнюю и летнюю одежду!

Кемма молча смотрела на него, словно о чем-то раздумывая, затем сказала:

– Конечно, мой старый друг, тебе деньги ни к чему; я ведь знаю, ты уж приготовил себе гробницу. Скажи, ты, наверно, знаешь все дворцовые двери, да и ворота тоже?

– Каждую знаю, госпожа Кемма, все входы и выходы. Когда я был покрепче, мне-то и полагалось закрывать их, и у меня даже сохранились вторые ключи; никто не отобрал их у меня, и до сих пор я помню, какой нрав у каждого замка.

– Тогда, друг, наберись-ка снова сил, даже если это будет твое последнее деяние; пойдешь, закрой все двери и ворота, задвинь засовы, а ключи принеси мне в царские покои. Мы хорошенько проучим тех, кто ушел без разрешения: двери окажутся запертыми, и до восхода солнца им негде будет проспать свой хмель.

– И то верно, госпожа Кемма, стоит проучить их хорошенько. А я достану ключи, обойду дворец, как когда-то, и задвину засовы; каждый из них я нареку в честь одного из владык потустороннего мира, чтобы не забыть, какой из них идет за каким. Да, сейчас же засвечу свою лампаду и пойду, будто я снова молод, а жена с малышами ждут, когда я вернусь домой.

Спустя полчаса старик появился в царских покоях и до-

ложил, что все входы во дворец заперты. С удивлением он добавил, что все ворота и двери были настежь, и он не увидел ни одного ключа.

– Они позабыли, что у меня вторая связка, – усмехнулся старик, – да к тому же я знаю, как закрывать внутренние засовы; они думают, будто я, старый глупец, только и гожусь, чтобы приготовить ванну бальзамировщику. А вот и ключи, госпожа Кемма; отдаю их тебе с радостью, уж очень они тяжелы для меня. Обещай только не проговориться, что это я закрыл двери и оставил этих бездельников ночевать на холоде. Если тайна откроется, они изобьют меня завтра. Вот если бы у вас нашлась чашечка вина для меня!

Кемма налила старику вина, смешав с водой, чтобы напиток был не слишком крепким. Затем Кемма попросила его пройти в домик у ворот царских покоев и внимательно следить, не идет ли кто; ему следовало тогда сообщить об этом Ру, который нес стражу перед лестницей, что вела в прихожую царских покоев.

Ободренный вином и радуясь, что жизнь его вновь нужна кому-то (хотя толком и не понимая, что происходит), старик пообещал все исполнить.

Затем Кемма открыла свои подозрения великану Ру; тот выслушал ее, кивая головой и поправляя на своем могучем теле панцирь из бычьей шкуры. Он проверил, легко ли дротики вынимаются из колчана, остро ли лезвие боевого топора. В нишах стены он затем расставил лампы, чтобы они

осветили тех, кто вздумал бы подняться по лестнице, сам же Ру, стоя наверху, оставался в тени.

Когда приготовления были завершены, Кемма вернулась к царице, но не сказала ей о них ни слова; Рима, задумавшись, сидела у постели малютки.

– Зачем тебе копье? – удивилась царица, увидев Кемму.

– На него очень удобно опираться, а при случае сгодится и для другого. Будто вокруг все и тихо, но эта зловещая тишина и тревожит меня. Кто знает, может быть, еще до рассвета в этой безмолвии мы услышим голоса богов, которые укажут нам, пойти ли на барку Тау или остаться здесь.

– Странная ты женщина, Кемма, – отвечала царица, вновь погружаясь в раздумья; затем она уснула.

Но Кемма не спала; в тревоге она то и дело бросала взгляд на занавес, который отделял ее от лестницы, где нес стражу Ру. Наконец в тревожной тишине ночи, которая изредка прерывалась лишь тоскливым воем собаки, ибо чуть не все население города отправилось на праздник, Кемме послышался шум: кто-то тряс двери или ворота дворца, пытаясь войти. Неслышно поднявшись, она подошла к занавесам, за которыми на верхней ступени лестницы сидел Ру.

– Ты заметил что-нибудь? – шепотом спросила она.

– Да, госпожа, – ответил нубиец. – Какие-то люди хотят войти в ворота, а они заперты. Старый раб доложил, что они идут, а потом убежал, чтобы где-то спрятаться. Подымись-ка на башенку, что над этой дверью, и скажи, видишь ли ты что-

нибудь.

Кемма по узкой темной лестнице поднялась на кровлю пилона, находившуюся в тридцати локтях от земли; на то место, где полагалось быть стражнику. Площадку окружала зубчатая стена с бойницами, сквозь которые можно было метать копья или стрелять из лука. Луна ярко сияла, озаряя дворцовые сады и весь город серебристым светом; реки не было видно из-за крыш, хотя отдаленные возгласы веселившихся горожан доносились до Кеммы – она знала, что люди эти вернутся лишь с восходом солнца.

В тени у ворот Кемма заметила группу людей, видимо совещавшихся о чем-то. Когда они вышли на свет. Кемме удалось пересчитать их. Их оказалось восемь, и все были вооружены – лунный свет играл на копьях. Они, видимо, приняли какое-то решение и теперь двинулись через пустой двор к дверям царских покоев.

Кемма сбежала по лестнице вниз.

– Если б я стоял там, – сказал Ру, – я проткнул бы кого-то из этих ночных птиц еще до того, как они подойдут к дверям.

– Не надо, – отвечала Кемма, – быть может, они пришли с добрыми вестями; или это воины, которые станут охранять царицу. Пусть они обнаружат чем-то свои намерения.

Ру кивнул:

– Та старая дверь не из самых крепких. В ней легко пробить брешь, и стычки не избежать, – один против восьмерых, госпожа Кемма. А если со мной что случится? Есть ли еще

здесь выход, через который царица с девочкой могли бы спастись?

– Нет, двери, что ведут в зал Совета, заперты; я уже пыталась открыть их. Остается только прыгнуть с задней стены дворца, но как спрыгнуть с девочкой на руках? Поэтому, Ру, с тобой ничего не должно случиться: молись, боги придадут тебе сил и ума.

– Сил у меня хоть отбавляй, а вот ума, боюсь не хватает. Я сделаю, что могу, и пусть Осирис будет милостив к тем, кого поразит мой топор.

– Слушай меня, Ру. После того как ты перебежишь этих змиев или обратишь в бегство, приготовься следовать за нами и не выражай удивления, если вместо царицы и придворной ты увидишь двух крестьянок с ребенком на руках.

– Меня нелегко удивить, госпожа, а фиванцев я видеть не могу с тех пор, как пал благой бог, господин мой Хеперра и все эти гордецы вступили в сговор с Апеви. Но куда вы собрались бежать?

– У царского причала нас должен ждать корабль; Тау, кормчий его, встретит нас в часовне за два часа до восхода солнца, так что осталось уж немного времени. Ты знаешь это место.

– Знаю. Ш-ш-ш! Я слышу шаги...

– Говори с ними как можно дольше, Ру; нам надо еще кое-что сделать.

– Дел еще много, – согласился Ру, и Кемма скрылась за

пологом.

Приход Кеммы разбудил царицу.

– Твои боги не явились, – сказала она, – и не подали знака.

Видно, судьба предназначила нам остаться здесь.

– Царица, похоже, боги или демоны уже направляются сюда. Смени свои одежды. Молчи, не надо слов; молю тебя, делай, как я скажу.

Рима, глянув в лицо Кеммы, повиновалась. В мгновение ока все было готово; обе женщины облачились в крестьянский наряд и сменили одежду девочки. Затем Кемма побросала в суму старинные драгоценности, регалии древних царей Египта, и немного золота.

– Все эти знаки царского достоинства, короны и скипетры, жемчуг и золото, что ты так бережно собрала, будет тяжело нести, Кемма; ведь у нас с тобой есть еще драгоценность, которую необходимо оберегать прежде всего! – И царица бросила взгляд на малютку.

– Есть человек, который понесет ее, царица, – тот, кто вынес с поля сражения нашего государя Хеперра. А если и он не сможет, какая разница, у кого окажутся сокровища царей Юга.

– Ты полагаешь, что наша жизнь в опасности, Кемма?

– Да, так оно и есть.

Огонь вспыхнул в глазах Римы и, казалось осветил ее прекрасное, горестное лицо.

– Лучше нам умереть, – проговорила она. – А ты, друг

мой, думала ли когда-нибудь о том прекрасном мире, что лежит за воротами смерти; блаженство, покой, вечность; если этого и нет – глубокая темень бесконечного сна? Жизнь! Я устала от нее и бросилась бы навстречу опасности. Но ведь есть еще дитя, мною рожденное, наследница престола Египта, и вот ради нее...

– Да, – спокойно отвечала Кемма, – ради нее!

За дверью, скрытой занавесом, послышались громкие возгласы:

– Откройте!

– Попробуйте открыть сами. Но смерть ждет тех, кто вздумает оскорбить Ее Величество, царицу Египта, – глубоким гортанным голосом отвечал Ру.

– Мы пришли, чтобы проводить царицу с царевной к тем, кто станет надежно охранять их! – выкрикнул кто-то из-за двери.

– Не смерть ли станет охранять их? – отозвался нубиец.

На мгновение наступила тишина. Затем раздался грохот, послышались гулкие удары топоров, но дверь не подавалась. Тогда в дверь принялись бить чем-то тяжелым, возможно большим бревном, и скоро створки ее, сорванные с петель, рухнули на пол.

Рима, подхватив малютку, бросилась в темный угол покоев. Кемма тоже мгновенно скрылась за пологом, держа в руке копьё. Вот что представилось ее взору.

Великан-нубиец стоял на верхней ступени лестницы в те-

ни, так как свет лампад, помещавшихся в нишах, устремлялся вниз. В правой руке Ру держал копье, левая сжимала рукоять боевого топора и небольшой щит из кожи бегемота. Грозно высился он у входа в покои царицы.

Но вот какой-то высокий человек с мечом в руке прыгнул на поваленную дверь, и лунный свет засверкал на его оружии. Мелькнуло копье, человек этот рухнул бесформенной грудой, и доспехи его проскрежетали по бронзовым петлям двери. Его оттащили в сторону. В пролом бросилось несколько человек. Ру перекинул топор в правую руку, наклонился вперед и, прикрыв голову щитом, застыл в ожидании. На щит посыпались удары. Снова обрушился на кого-то топор нубийца, и еще один из нападающих, обмякнув, упал. Ру громко запел боевую песнь своего народа, разя нападавших ударами безжалостного топора. Но пришельцы с безрассудством отчаяния продолжали наступать. Впереди их, возможно, ожидала смерть, но и в случае отступления, они наверняка, не избежали бы смерти от рук соучастников заговора. Одному Ру было трудно оборонять широкую лестницу. Кто-то проскользнул под его рукой и спрятался в складках занавеса, наблюдая за происходящим. Кемма увидела его лицо. То был фиванский сановник, который прежде сражался вместе с Хеперра, а теперь, подкупленный, предался гиксосам. Гнев охватил Кемму. Бросившись вперед, она что было сил вонзила копье ему в горло. Тот упал, Кемма наступила на тело ногой и воскликнула: «Умри, пес! Умри, предатель!»

На лестнице схватка стихла. Вскоре показался улыбающийся Ру; он был весь в крови.

– Все мертвы! – крикнул он. – Только один бежал. Где этот негодяй, что проскользнул мимо меня?

– Здесь, – отвечала Кемма, указав на бездыханное тело.

– Хорошо, очень хорошо! – воскликнул Ру. – Теперь я стану думать о женщинах лучше, чем прежде. Но поторопимся! Одна собака спаслась, – она созовет всю свору. Это что – вино? Позволь мне глотнуть. И разыщи какой-нибудь плащ. В таком наряде я не смею явиться перед царицей.

– Ты ранен? – спросила Кемма, подавая ему чашу с вином.

– Нет, ни одной царапины! И все же мне не подобает быть в таком виде, хотя на мне кровь предателей. То месть богов! Пью за преисподнюю, куда они попали! Одеяние это мне не по росту, да ладно, оно еще послужит. Что за мешок ты даешь мне?

– Не спрашивай. Понесешь его ты, Ру. Теперь из воина ты обратился в носильщика. Держи его, славный Ру, да не потеряй: в нем короны Египта. Идем, царица, топор Ру освободил нам путь.

Рима, державшая ребенка на руках, отшатнулась, увидев залитую кровью лестницу. Дрогнувшим от ужаса голосом она произнесла:

– Вот знамение ваших богов, Кемма, – она показала на кровь, залившую пол и стены, – а вот посланцы их. Взгляни на них. Я знаю их в лицо. Они были друзьями и воинами по-

койного Хеперра, моего господина. Зачем ты, Ру, убил друзей фараона; они ведь пришли, чтоб отправить меня и мое дитя в безопасное место.

– Да, царица, – вмешалась Кемма, – под сень смерти или тюрьмы Апепи.

– Не верю, женщина, и не желаю идти за тобой, – проговорила разгневанная Рима. – Спасайся, если хочешь, делай, что пожелаешь, запятнанными кровью руками; я же с моим дитя остаюсь здесь.

Кемма глянула на царицу и в раздумье опустила глаза.

– Прикажи, и я понесу ее на руках, – шепнул ей нубиец.

В этот миг взгляд Кеммы упал на тело сановника, которого она поразила собственной рукой; на глаза ей попался свиток папируса, наполовину торчавший из-под панциря. Кемма наклонилась и подняла папирус. Она принялась быстро читать, – этому ее выучили хорошо. Послание предназначалось убитому сановнику и его сотоварищам. Скреплен папирус был печатями верховного жреца и других лиц.

Послание гласило:

«Во имя всех богов и ради блага Египта приказываем тебе задержать Риму – вавилонянку, супругу благого бога, царя, коего нет более, а равно и дитя ее, наследную царевну Нефрет, и доставить их к нам живыми, если удастся, дабы затем переправить оных царю Апепи, как мы поклялись в том. Прочти и повинуйся».

– Знаешь ли ты египетское письмо, царица? – спросила

Кемма. – Здесь кое-то имеет отношение к тебе.

– Прочти, – отвечала Рима безучастно.

Кемма внятно прочла приказ, чтобы смысл слов проник в сознание царицы.

Выслушав, охваченная трепетом Рима прижалась к Кемме.

– О, зачем явилась я в эту землю предателей? – простонала Рима. – Лучше б мне умереть!

– Это и случится, если ты удержишься здесь, хотя бы ненадолго, царица, – с горечью сказала Кемма, – пока что мертвы предатели или некоторые из них; о проделках их расскажи Хаперра, нашему господину. Идем. Поспешим, в Фивах еще есть негодяи.

Но Рима без чувств опустилась на пол. Кемма успела подхватить малютку и взглянула на Ру.

– Так-то лучше, – сказал великан, – царица теперь слова не скажет, и я просто понесу ее. Но что делать с мешком? Не лучше ли бросить его? Жизнь-то подороже всех корон.

– Нет, Ру, клади его мне на голову – так крестьянки таскают свою ношу. Я буду придерживать его левой рукой, а правой понесу ребенка.

Нубиец помог Кемме, а затем легко поднял царицу – силы ему было не занимать. Так они спустились по лестнице, переступая через тела, и вышли из дворца. Их окутала ночь.

К пальмам надо было идти по открытому пространству. Девочка тихо плакала; Кемма, кутая ее в свой плащ, стара-

лась заглушить слабый голосок. Ноша тяжело давила голову, острые края драгоценностей, украшавших короны и скипетры, впились в лоб, но Кемма шла вперед. Оказавшись в тени пальм, на мгновение она задержала шаг, чтобы перевести дух, и оглянулась. Какие-то люди – их было много – бежали к дверям царских покоев.

– Не следовало нам медлить, – прошептал Ру. – Скорее вперед!

Они двинулись дальше, но вот перед ними возникла разрушенная часовня. Кемма, шатаясь, подошла к ней и опустилась на колени: силы покинули ее.

– Пока не придет помощь, останемся здесь, – сказал Ру. – Двух полуживых женщин я еще смог бы унести, и даже мешок на голове. Но девочка... Ведь это царица Египта. Даже ценой чьей-то смерти ее надо спасти.

– Да, – еле выговорила Кемма. – Брось меня, спасай девочку. Возьми ее и мать и ступай к реке. Быть может, лодка уже там.

– А может, и нет, – проворчал Ру, оглядываясь.

Послышались шаги, из-за пальмы появилась фигура Тау.

– Вы пришли чуть раньше, госпожа Кемма, – сказал он. – Но, к счастью, я тоже, и даже попутный ветер с верховьев не задержался. По крайней мере вы трое тут. Но кто это с вами? – Тау пристально посмотрел на великана-нубийца.

– Тот, на кого можно положиться, – отвечал Ру, а если сомневаешься, проберись ко дворцу и взгляни на лестницу

царских покоев. Если понадобится, человек этот сломает кости и тебе, как раб ломает прутья.

– Этому я верю вполне, – согласился Тау, – но ломать кости или нет, решим после. Теперь же следуй за мною, и поскорей!

Тау перебросил мешок через плечо и, поддерживая Кемму, направился к реке.

У ступеней причала качалась лодка, а в некотором отдалении виднелась барка с приспущенным парусом, стоявшая на якоре.

Тау взялся за весла и стал грести в сторону барки. Оттуда ему бросили веревку; поймав ее, Тау закрепил конец и начал подтягивать лодку к борту. Несколько рук протянулись навстречу, и вскоре все были уже на палубе.

– Поднять якорь, – приказал Тау. – Поставить паруса!

– Слушаюсь, господин, – отозвался чей-то голос.

Еще немного, и судно заскользило вниз по реке, подгоняемое сильным южным ветром. С корабля, тихо удалявшегося под покровом ночи, беглецы увидели людей с факелами, обыскивавших пальмовую рощу, которую они только что покинули. Обеих женщин и девочку поместили в каюте. Тогда лишь Тау обратился к нубийцу:

– Ну, Костолом, скажи что-нибудь; быть может, чаша вина и немного пищи развяжут тебе язык.

Так царица Рима, наследница престола египетского Нефрет, воспитательница ее Кемма и эфиоп Ру совершили побег

из Фив, ускользнув из рук предателей.

Глава IV. ХРАМ СФИНКСА

День за днем барка плыла вниз по Нилу. По ночам или если ветер не был попутным, ее подводили к берегу, обычно в каком-нибудь пустынном месте, подальше от городов. Дважды останавливались вблизи больших храмов, разрушенных гиксосами при завоевании этих земель и не отстроенных еще заново. С наступлением темноты из руин или из гробниц вокруг них появлялись люди, которые приносили что-то на продажу; Кемма, посвященная во многое, что касалось отправления культа, по некоторым жестам угадывала в них жрецов, хотя она не знала, каким богам они служат. Пришедшие, выказывая глубокое почтение Тау, беседовали с ним наедине, и потом под разными предложениями Тау приводил их в каюту, где находилась маленькая царевна; те с благоговением глядели на нее, а порой простирались ниц, словно перед божеством; затем они покидали барку, призывая к ней благословение богов, которым поклонялись. Похоже было даже, что люди эти никогда не брали вознаграждение за принесенную ими пищу.

Кемма примечала все это, да и Ру также, хоть и казался простаком; лишь царица Рима почти что не обращала внимания на происходящее. С той поры, как в сражении был убит ее господин, царь Хеперра, силы оставили царицу; измена ее советников и военачальников, казалось, целиком сломила ее

волю; теперь ее не тревожило ничто, кроме судьбы малютки.

Очнувшись, Рима обнаружила, что она на корабле; царица задала несколько вопросов, а увидав Ру, которого очень любила, она отшатнулась – ей казалось, что от него пахнет кровью. С Тау она почти что не говорила; после всего, что она пережила, мужчины внушали ей опасения. Откровенна она была лишь с Кеммой, и главное в этих беседах было: как спастись из ненавистного Египта, вернуться к отцу, царю Вавилона?

– Пока что боги Египта обошлись с тобой не слишком жестоко, царица, – убеждала ее Кемма. – Они вызволили тебя с дочерью из предательских сетей; и совершили боги все это уж после того, как ты объявила, что не веришь в них.

– Может быть, Кемма. Но твои боги распорядились так, что царственный супруг мой убит, а те, кому он и я верили, оказались подлыми предателями; они искали случай, чтоб отдать супругу царя и его малютку-дочь в руки врагов. Лишь твой ум да сила и храбрость эфиопа спасли нас. И не обо мне, чужеземке, пекутся боги, а о роде фараонов Египта, продолженном мною. Пусть тебя не удивляет, что это не мои боги, хотя я, жена фараона, не раз возлагала приношения на алтари их. Помяни слова мои: я еще вернусь в Вавилон и перед смертью преклоню колена в храмах моих предков. Доставь меня назад в Вавилон, Кемма, где люди не изменяют тому, чей хлеб насыщает их, где их не обуревают жажда продать в рабство или предать смерти наследницу тех, кто погиб, сра-

жаясь за них.

– Я исполню это, если смогу, – проговорила Кемма, – но увы, Вавилон далек, а земли между ним и нами в огне войны. Мужайся, царица, и наберись терпенья.

– Не осталось во мне мужества, – отозвалась Рима, – одно желание у меня: найти своего господина, восседает ли он за столом вашего Осириса, плывет ли в облаках вместе с Белом или спит в глубокой тьме. Где б он ни был, я хочу быть рядом и нигде больше, а менее всего – в этом ненавистном Египте. Дай мне малютку, я покормлю ее, подержу на руках, пока еще могу. Мы сильнее любим тех, кого вскоре должны оставить, Кемма.

Жрица передала девочку и отвернулась, чтобы скрыть слезы, ибо горе, как полагала Кемма, сокращало жизнь обездоленной вдовы, дочери царя Вавилона.

Проплывая Мемфис, который Тау хотел миновать на ранней заре, прежде чем люди выйдут из жилищ, беглецы подверглись большой опасности. К барке приблизилась лодка с воинами, которые потребовали, чтобы барка остановилась. Тау счел за благо подчиниться.

– Помните, что надо говорить, – шепнул он Кемме. – Ты моя сестра, царица – больная жена. Ступай, вели ей позабыть на время свое горе и коварством уподобиться змее. Ты же, Ру, прячь подальше свой боевой топор, да так, чтоб его можно было легко достать при надобности. Ты мой раб, за которого я дорого заплатил в Фивах; я собираюсь зарабатывать

деньги, показывая твою силу на рынках; и ты очень плохо или даже совсем не говоришь по-египетски.

Лодка причалила к борту. У двух воинов, сидевших в ней, вид был сонный, похоже, глаз не сомкнули всю ночь; на веслах сидел какой-то простолюдин. Стражники поднялись на палубу и спросили кормчего. Появился Тау, на ходу поправляя одежду, и недовольно спросил, что им надо.

– Наше дело узнать, что тебе надо здесь? – сказал один из них.

– Ответ прост, господин. Я вожу зерно вверх по реке, а спускаясь вниз, везу скот. Есть у меня несколько породистых бычков, вы их, часом, не купите? Если так, можно бы глянуть на них. У одного даже есть метка Аписа или что-то в этом роде.

– Похожи мы на торговцев, скупающих скот? – спросил высокомерно один. – Показывай разрешение.

– Вот, пожалуйста, господин. – И Тау протянул папирус, скрепленный печатями торговцев Мемфиса и других городов.

– Жена, ребенок и сестра – небось старшую жену за сестру выдаешь? – и большая команда. Мы ищем двух женщин с ребенком, надо нам взглянуть на них.

– Зачем? – усомнился второй воин. – Барка не похожа на царский военный корабль, что нам велено задержать; к тому же зловоние от этих быков ужасное, я не выдержу – вчера ведь был праздник.

– Военный корабль, господин? Вы его дожидаетесь? За нами шел какой-то. Мы его видели, но вода стоит низко, и корабль тот сел на мель; уж не знаю, когда достигнет он Мемфиса. Очень ладный корабль, много воинов на борту. Они собирались пристать в Сиуте, что был пограничным городом Юга, пока мы не разбили этих заносчивых южан. Но взгляните на женщин, если угодно.

Сообщение в военном корабле заинтересовало стражников настолько, что они двинулись вслед, мало думая о спутницах Тау. Один взял лампаду и сунул ее за полог, прикрывавший вход в каюту, пробормотав:

– Чтоб злые духи ее забрали! Совсем не светит.

– Ее погасят злые запахи, – отозвался другой, зажимая нос и глядя внутрь. Тусклый язычок пламени едва светил, и воины увидели не слишком опрятно одетую Кемму, сидевшую на мешке (знали б они, что в нем хранятся сокровища царей Верхнего Египта!). Она мешала молоко с водой в тыквенном сосуде, другая женщина с неубранными волосами лежала, прижав к груди какой-то сверток.

В этот миг лампада совсем потухла, и Тау принялся вспоминать, где найти масло, чтоб вновь засветить ее.

– Ни к чему, друг, – сказал старший, – мы уже поглядели. Плыви с миром и продай своих бычков как можно удачнее.

Воин вернулся на палубу, где – словно по велению злого рока – взгляд его упал на Ру, который присел, стараясь скрыть свой рост.

– Какой рослый негр! – удивился стражник. – Не о нем ли донес наш соглядатай: будто какой-то негр поубивал там много наших сторонников. Встань-ка, малый!

Тау сделал вид, что перевел его слова; Ру поднялся, растерянно улыбаясь и тараща свои глаза так, что засверкали белки.

– О, – воскликнул воин, – вот так громадина! Клянусь богом! Какая грудь, что за руки! Послушай, кормчий, что это за великан? Зачем он понадобился на торговом судне?

– Господа, – отвечал Тау, – я решился купить его, вложив в это дело большую часть того, что имел. Он очень силен, прямо-таки чудеса выделяет, потому я надеюсь заработать на нем в Танисе.

– Вот как? – недоверчиво произнес один из воинов. – Ну-ка, – обратился он к Ру, – покажи свою силу.

Ру нерешительно покачал головой.

– Не понимает он вас, господа, он ведь эфиоп. Пойдите, я ему скажу.

И Тау обратился к Ру на непонятном языке. Ру словно пробудился и кивнул, ухмыляясь. В следующее мгновение он подскочил к стражникам, ухватил каждого за одежду и, словно детей, поднял над палубой. Затем с громким хохотом нубиец подошел к борту и, будто желая кинуть обоих в реку, вытянул руки над водой. Стражники кричали, Тау с бранью пытался оттащить Ру от борта. Ру обернулся, продолжая держать воинов в воздухе и задумчиво рассматривая люк, слов-

но собирался швырнуть туда своих пленников. Наконец слова Тау дошли до него, и он плашмя кинул обоих на палубу.

– Это его любимая шутка, – пояснил Тау, помогая воинам подняться на ноги, – он так силен, что мог бы еще и третьего удержать в зубах.

– Ладно, с нас довольно трюков твоего дикаря, – сказал воин. – Смотри, как бы не угодить тебе из-за него в тюрьму. Придержи-ка его, пока мы сядем в лодку.

Стража отплыла, и барка, незаметная в тумане, что с восходом солнца таял над рекой, продолжила свой путь мимо набережных Мемфиса.

Тогда нубиец, подойдя к рулевому веслу, что держал Тау, тихо проговорил:

– Сдается мне, Тау, что ты – большой господин или даже князь, хоть и желаешь сойти за владельца торгового суденышка. А было б хорошо, если б ты приказал мне бросить тех молодцов в реку. Она-то уж молчит о том, кого хоронит. Скоро узнают, что нет никакого военного корабля, о котором ты так хорошо рассказывал, и тогда...

– И тогда, Костолом, тем стражам, что щебетали, как зяблики в траве, несдобровать; ведь настоящая добыча тем временем ускользнула из их рук. Жаль, по-своему, они не такие уж скверные люди. А бросить их в реку, быть может, и неплохо бы, хотя и жестоко, да оставался свидетель. Что сказал бы лодочник, что привез их, обнаружив, что воины его не вернулись?

– Ты мудр, – сказал Ру восхищенно, – мне это в голову не пришло.

– Да, Ру. Если б к твоей неразумной силе и природной доброте добавить мой разум, ты смог бы править этим жестоким миром, но мой разум остается при мне, и оттого смирись с тем, что на тебе ярмо, как на буйволе, и ярмо это удерживает не только тебя, но и более сильных, чем ты...

– Если дело в разуме, отчего же ты не властитель, господин? Ведь ты вроде всем взял, хоть и не такого роста, как я? Почему везешь ты беглецов на грязном торговом суденышке, а не восседаешь на царском троне? Объясни это мне, простому чернокожему, кого учили только сражаться да быть честным.

Тау искусно вел корабль среди множества барок, подымавшихся по Нилу с грузом. Затем кормчий подозвал матроса, чтоб тот сменил его, – теперь на реке не видно было ни одного судна, – а сам присел на ограждение борта и заговорил:

– Потому, друг мой Ру, что я избрал путь служения. Если человек не привык предаваться размышлениям и задумывается также мало, как большинство простосердечных людей, – особенно если он молод и простого звания, – ему известны лишь любовь, коей жив род человеческий, да война, что уносит множество людей; и ты, наверно, не поверишь, если я скажу, что истинная радость жизни – в служении. Разное бывает служение. Многие служат фараонам, отчего те слепы и

самодовольны: ветер, отравленный дыханием толпы, влечет их, преисполненных тщеславия, словно пузыри по воде, хоть сами они не ведают того; они – рабы рабов – несут зла более, нежели добра. Кто служит истинно – живет иначе: отринув своекорыстие и тщеславие, он смиренно трудится во имя добра и находит в том себе награду.

Ру потер лоб и спросил:

– Но кому же подобный человек служит, господин?

– Он служит богу, Ру.

– Богу? О каких только богах не слышал я в Эфиопии, Египте и других землях. Какому богу он служит, где находит его?

– В сердце своем, Ру; но имя его я не смогу назвать тебе. Одни нарекли его Справедливостью, другие – Свободой, некоторые – Надеждой, а кое-кто – Духом.

– А как те, кто служат только себе, своему желанью, кому безразлично все прекрасное, – как они называют его, господин?

– Не знаю, Ру. Хотя все ж, пожалуй, знаю – Смерть.

– Но живут те люди так же долго, как и другие, и нередко пожинают богатый урожай.

– Да, Ру, но все же дни их сочтены, и если они не раскаялись, души их умирают.

– Ты веришь, как тому учат жрецы, что души продолжают жить?

– Верю, что они живут дольше самого Ра, бога солнца,

дольше звезд, и из века в век пожинают плоды честного служения. Но не спрашивай меня; лучше тебе об этом расскажет тот, кого вскоре ты увидишь; я лишь ученик его.

– Не стану я спрашивать, господин, мысли мои и так уж путаются, – но вот только объясни мне, если пожелаешь, что тебе даст в конце концов служение, которое велит тебе с большой опасностью плыть вверх по реке, дабы спасти двух женщин и ребенка?

– Быть может, награда за истинное служение заключается в самом служении. И не мне доискиваться до цели его, я ведь дал клятву повиноваться, не задавая вопросов и не выражая сомнений.

– Так у тебя есть наставник, господин мой, кто он?

– Это ты вскоре узнаешь. Не жди, что пред тобою окажется царь на троне или жрец, окруженный почестями и великолепием. Я расскажу тебе кое-что, Ру, ты ведь многого не знаешь. Ты уверен, будто фараон, войско, богатство составляют силу, что правит Египтом, да и всем миром. Не так это. Есть сила, тебе не явленная, она-то и правит миром; имя ей – Дух. Священнослужители учат, будто у всякого человека есть свое Ка, свой двойник, – нечто невидимое глазу, но более сильное, чистое, мудрое и долговечное, чем сам человек. Нечто такое, что время от времени, возможно, зрит лик божества и нашептывает человеку о воле его. Пусть это притча, но в ней есть доля истины, ибо каждому живущему сопутствует приданный ему дух. Или даже два: один – дух добра,

другой – зла; один ведет вверх, другой же тянет вниз.

– Еще раз скажу, господин: ум мой мутится от таких слов. Но куда и к чему ведет тебя твой собственный дух?

– К вратам мира, мира для меня самого и для всего Египта, Ру; в край, где для тебя мало дел, ибо там нет войны. Посмотри, там, вдали, Великие пирамиды; то – дома мертвых, а возможно – и обители душ, что не умирают. А теперь помоги мне убрать парус – мы должны проплыть мимо них медленно. Ночью мы вернемся и высадим здесь кой-кого из наших спутников. Там, быть может, тебе станет яснее смысл того, о чем я говорил.

Спустилась ночь. Тау привел свое судно назад, к пристани. Во время половодья причал оказывался недалеко от Великих пирамид и Сфинкса, что лежал рядом с ними, вперив свой вечный взор в пустоту. Тут под покровом темноты беглецы сошли к корабля и сразу же укрылись в зарослях тростника.

Едва они спрятались на берегу, как над рекой забрезжил свет: показались барки, полные вооруженных людей, с большими факелами, укрепленными и на носу, и на корме. Они шли вниз по течению. Тау проводил их взглядом и обернулся к спутникам.

– Похоже, кто-то донес мемфисским стражникам, что никакой военный корабль из Фив за нами не шел, – сказал он, – теперь они ищут торговое судно, на борту которого две жен-

щины с младенцем. Ладно, пусть ищут; птицы упорхнули, а туда, где они вьют гнезда, гиксосам не подступиться.

Отдав распоряжения матросу, – лицо которого было столь же непроницаемым, как и у других матросов на судне, – Тау подал руку царице Рима и двинулся в темноту, за ним следовала Кемма с девочкой на руках, а замыкал шествие Ру, который нес сокровища царей Верхнего Египта.

Долго брели они вперед, сначала через пальмовую рощу, затем по пустынным пескам, пока в тусклом свете вошедшей луны им не открылось вдруг удивительное зрелище. Перед ними появилась огромная, высеченная из целой скалы фигура льва с человеческим лицом, в головном уборе царя или бога; внушающий ужас недвижимый взор изваяния обращен был к востоку.

– Что это? – дрогнувшим голосом спросила Рима. – Мы в подземном мире и перед нами бог его? Это лицо со страшной улыбкой, конечно, принадлежит богу.

– Нет, госпожа, – отвечал Тау, – то лишь образ бога, Сфинкс, который возлежит здесь с незапамятных времен. Смотри! На фоне неба видны очертания пирамид позади него; в их подземельях – защита и покой для тебя и твоего ребенка.

– Спасенье для ребенка – может быть, – согласилась Рима, – для меня же, думаю, самый долгий из всех покой. Ибо знай, о Тау, – из суровых улыбающихся глаз Сфинкса на меня глядит сама смерть.

Тау промолчал; даже его мужественная душа, казалось, содрогнулась от столь зловещего предсказания. Кемма, как и он охваченная страхом, прошептала:

– Мы поселимся среди гробниц, и это к лучшему, ибо, может быть, нам вскоре придется искать укрытия.

Ру тоже почувствовал ужас, хотя скорее при виде величественной фигуры Сфинкса чем от слов царицы, которые он не очень-то уразумел.

– Здесь так страшно, что сердце мое дрожит, да и ноги подкашиваются, – чистосердечно признался он. – Я не из пугливых, а сейчас вот испугался – с тем, что я тут вижу, не сразишься, я тут бессилен. Сама судьба предстала перед нами, а что человек может перед лицом судьбы?

– Внять ее велению, как должны внимать все смертные, – внушительно произнес Тау. – А теперь вперед; храм этого бога открыт, другие оставим судьбе.

Отойдя примерно на пятьдесят шагов от вытянутых лап могучего изваяния, путники приблизились к лестнице, уводившей куда-то вниз, спустились по ее ступеням, и оказались перед стеной, в которой выделялся большой гранитный блок. Подняв с земли камень, Тау условным стуком постучал по стене. Трижды повторял он свой стук, звучащий каждый раз несколько иначе. Вскоре огромный камень слегка сдвинулся с места, приоткрыв узкий проход. Тау подал знак следовать за ним. Путники очутились в непроглядной тьме; слышались слова пароля. Потом из темноты выплыл свет лампад;

их держали люди в белых одеждах жрецов, но носившие, подобно воинам, мечи и кинжалы. Их было семеро, один, видимо, старший, – шел впереди. К нему и обратился Тау:

– Я доставил сюда тех, за кем отправился на поиски. – И он указал на царственного младенца, покоившегося на руках Кеммы, царицу и великана Ру, которого жрецы разглядывали с недоумением.

Тау принялся было объяснять, кто такой Ру, но старший перебил его:

– Не продолжай. Благочестивый пророк говорил о нем. Пусть этот человек знает: того, кто раскроет тайны сего места, ждет страшная смерть.

– Только еще ждет? – отозвался Ру. – А мне казалось, будто я уже мертв и погребен.

Жрецы один за другим почтительно поклонились младенцу и, завершив церемонию, знаком велели всем следовать за ними.

Они двинулись по длинному проходу, выложенному алебастровыми плитами, и скоро очутились в просторном зале, потолок которого поддерживали массивные гранитные колонны, а вдоль стен возвышались величественные изваяния богов и царей. Миновав зал, процессия прошла в галерею, куда выходили двери жилых помещений, имевших окна. Покои эти предназначались, видимо, для вновь прибывших: там виднелись ложа и прочая мебель, не были забыты и женские одеяния. В одной из комнат стоял стол, уставлен-

ный всевозможными яствами.

– Подкрепитесь и отдыхайте, – обратился к беглецам Тау. – Я доложу обо всем пророку. Завтра же сам он будет говорить с вами.

Глава V. ПРИНЕСЕНИЕ КЛЯТВЫ

На следующее утро солнечный луч, пробившись через окно, рано разбудил Кемму.

Значит, мы не в гробнице, – с облегчением подумала она, – мертвым окна не нужны.

Она повернула голову и увидела, что царица сидит на своем ложе и глаза ее восторженно сияют.

– Ты проснулась, Кемма, – проговорила Рима. – Солнце светит тебе прямо в глаза; благодарение за это богам – значит, мы живы. А мне приснилось, что господин мой добрый Хеперра – кого, увы, нет в живых – явился ко мне и сказал:

«Супруга моя, ты завершила все труды: наша дочь в безопасности, ты принесла ее в священное место, где обитают души тех, кем прежде славен был Египет, – они защитят ее. Возлюбленная моя, готовься теперь вернуться к супругу твоему».

«Этого я желаю более всего! Но укажи, господин мой, как найти тебя?» – проговорила я.

И тут, Кемма, дух царя Хаперра отвечал:

«Ты найдешь меня там, где нет ни войн, ни страха, ни горя, и долгие годы мы пребудем с тобой в счастье, что же случится потом, мне неизвестно».

«Но наше дитя? – вопрошала я. – Неужели нам суждено потерять дочь?»

«Нет, любимая, – ответил он, – она вскоре будет с нами».

«О господин мой, – испугалась я, – неужели она покинет сей мир, так и не узнав его?»

«Нет, возлюбленная моя, но в этом мире нет времени, а срок ее жизни на земле вскоре завершится, и она присоединится к нам».

«Но она не узнает нас, господин, – ведь мы покинули ее, когда она была еще младенец».

«Усопшие знают все; но что кажется утраченным, они обретают вновь; в смерти все прощается, даже те жрецы и савонники, что предали вас гиксосам, будут прощены; те, кого боевой топор Ру послал сюда, стоят подле меня и испрашивают твоего прощения. В смерти приходит прозрение. Поэтому иди сюда скорее и не страшись».

И тут я пробудилась, в первый раз чувствуя себя счастливой с тех пор, как Ру вынес тело царя Хеперра с поля битвы.

– Станный сон. Очень странный сон, царица. Но разве можно верить видениям ночи? – воскликнула Кемма. В растерянности, не зная, как отвлечь царицу, она продолжала: – Поднимись, госпожа моя, если то угодно тебе, позволь облачить тебя в одеянья, что припасены тут. Мы позовем господина Тау, я убеждена, что он знатный господин, а не простой корабельный кормчий, мы осмотрим место, куда попали и которое могло оказаться куда хуже: тут нас ожидали и тонкие явства, и удобные покои, и друзья, и глубокие подземелья, где можно укрыться, если нападут враги.

– Ах, Кемма, я поднимусь, но в последний раз: я хотела бы взглянуть в лицо этому Рои, пророку, благодаря которому мы оказались здесь; я передам под его покровительство свою дочь, прежде чем отправлюсь туда, куда ему идти еще не пришел срок.

– Значит, ты, царица, уйдешь действительно далеко, если правда все то, что я слышала о Рои, – отозвалась Кемма.

Некоторое время спустя, когда женщины сидели за утренней трапезой, вошел Тау и пригласил их следовать за ним к его наставнику, прорицателю Рои.

Женщины повиновались. Рима двинулась к двери, опираясь на руку Тау, Кемма несла девочку, замыкал процессию Ру. Вскоре послышалось тихое пение; войдя в большой зал, куда свет проникал через маленькие окна, располагавшиеся под самым потолком, они увидели людей в белых одеяниях: мужчины стояли справа, женщины – слева. В глубине зала помещался алтарь, позади него – часовня из алебастра с большой статуей бога мертвых Осириса в погребальных пеленах. Пред алтарем на троне из черного камня сидел старец, облаченный в светлые одеяния жреца; необычной формы амулеты поблескивали на нем золотом и драгоценными камнями.

Ру воззрелся на старца в крайнем удивлении: длинная белая борода, тонкие, как у мумии, руки, нос с горбинкой, живые, казалось, всепроникающие глаза горели огнем. Хотя Кемме уже много лет не доводилось видеть Рои, она сразу

признала в нем потомка царей, своего двоюродного деда; под именем пророка Рои он был известен всему Египту своей святостью, тайным могуществом и волшебной силой. Кемма вспомнила, как образ прорицателя явился ей в полуразрушенной фиванской часовне, когда она пыталась понять, кто же такой Тау: правда ли, что он посланец друзей или враг, который пытается заманить ее в ловушку.

Беглецы приблизились; присутствовавшие в зале молча наблюдали за ними. Внезапно Рои поднял голову и, устремив на них пристальный взгляд, громко обратился к Тау:

– Кто те, кого ты ввел в собрание тайной Общины Зари, куда вход без должного разрешения карается смертью? Ответствуй же, сын мой по духу.

Тау отвечал после троекратного поклона:

– О источник мудрости, благороднейший из царей, глас небес, выслушай меня! В прошлое полнолуние ты повелел мне:

«Жрец Общины нашей, ты обратишься в торговца. Отправься в Фивы и, прибыв туда, проникни в дворцовый сад и спрячься за пальмой, что растет у забытой часовни. Там ты найдешь царскую няньку Кемму, в жилах коей течет и моя кровь. Покажи ей этот обломок талисмана и, если она покажет тебе второй, откройся ей, объявив, что послан мною. Если же она усомнится, вознеси молитвы и призови меня, я услышу твой зов и приду на помощь. Когда же она доверится тебе, исполни порученное, как сочтешь нужным».

Я внял твоему повелению. Перед тобой Рима, дочь Дитаны, царя вавилонского, вдова фараона Верхнего Египта Хеперра, а также и Кемма, воспитательница царской дочери Нефрет, царицы Египта.

– Вижу, сын мой, но кто же четвертый, вот этот сильный негр, о ком я ничего не говорил?

– Отец, без его помощи, поистине ниспосланной богами, никто из нас не стоял бы здесь сегодня: это он не впустил предателей в дверь, секирой своей убив всех восьмерых.

– Не совсем верно, сын мой, или мой дух ввел меня в заблуждение: ведь одного сразила госпожа Кемма.

Ру, слушавший обоих со все большим удивлением, не смог сдержаться:

– Истинная правда, о пророк, а может, и бог! – воскликнул он. – Это она убила негодяя, что проскользнул мимо меня. И то был сильнейший удар, который когда-либо наносила женская рука. О пророк, твои глаза и впрямь очень зорки, если ты видел все это.

Слабая улыбка скользнула по лицу Рои.

– Подойди сюда, Ру, – так, кажется, тебя зовут, – промолвил он.

Великан повиновался и по собственной воле пал на колени перед ним.

– Слушай же меня, эфиоп Ру, – продолжал пророк. – Ты человек бесстрашный и верный. Ты сразил тех, кто убил господина твоего, царя Хеперра, и вынес тело его с поля битвы.

Сейчас же дарованные тебе свыше сила и доблесть спасли наследницу трона Египта и царицу от заточения и гибели. Потому я принимаю тебя в нашу Общину, в которой никогда доселе не было негров. Тебя обучат простым ритуалам и некоторым молитвам. Но знай, Ру, стоит тебе выдать самую малую тайну или учинить зло кому-нибудь из своих братьев, ты умрешь, и вот как. – И, наклонившись, Рои прошептал что-то эфиопу.

– Не надо, молю тебя, прорицатель! – воскликнул в ужасе Ру, поднимаясь с колен. – Ни о чем подобном не слышал я ни в Эфиопии, ни в Египте, ни на войне, ни в дни мира. Но твои угрозы излишни: я в жизни никого не предал, уж тем более не предаю тех, чей хлеб ем и кого люблю. – И Ру обратил взор на царицу и младенца.

– Слушай же! – продолжал пророк. – Отныне ты – телохранитель и страж наследницы престола Египта. Куда бы она ни двинулась, следуй за нею. Если она почивает, твое ложе – у ее двери. Если ей придется воевать, будь рядом, прикрывая ее, словно щитом, своей жизнью. Когда бы она ни отправилась в путь, – днем ли, ночью ли, – ты пойдешь рядом, а если она умрет, умрешь и ты и проводишь ее в царство мертвых. Это будет наградой тебе, ибо те благословения и сила, коими наделена она, осенят и тебя, и ты станешь служить ей вечно. А теперь отойди назад.

– Лучшей участи мне и не надо, – прошептал Ру, повинуясь.

– Воспитательница, поднеси мне дитя, – молвил затем пророк.

Кемма вышла вперед, неся спящую девочку; по приказанию Рои она подняла ее, чтоб та была видна всем, и каждый, кто находился в зале, преклонил колена и поклонился ей.

– Братья и сестры Общины Зари, взгляните в облик сего младенца: пред вами наследница престола, будущая царица Египта! – воскликнул Рои, и снова все преклонили колена и поклонились. Затем жрец, наклонившись к ребенку, тихо произнес несколько слов и благословил Нефрет, ритуальными жестами призывая богов и духов вечно хранить ее. Свершив этот обряд и поцеловав царевну, Рои передал ее Кемме и сказал:

– Будь благословенна и ты, верная женщина. Пусть и на тебя сойдет благословение; позже тебя посвятят в наши тайны и введут в Общину. Иди с миром.

Все это время царица Рима сидела на поставленном для нее кресле, устремив на Рои невидящий взор и слушая его так, словно речи не имели к ней никакого отношения. Когда же Рои кончил, она подняла голову и произнесла:

– Привет и благословение рабу. Привет и благословение воспитательнице. Приветствие малютке и преклонение перед ней, в коей течет царская кровь Египта и Вавилона. Каково же будет приветствие царице и матери, о прорицатель, по велению коего мы попали сюда, в это мрачное место, обителище заговорщиков, чьи намерения неизвестны?

Рои поднялся со своего трона, стоявшего пред алтарем и, приблизившись к убитой горем царице, взял ее руку и поцеловал.

– Для Вашего Величества я не нахожу приветствия, – произнес старец, склонив свою убеленную сединами голову, – ибо я вижу ваше приобщение у тому, кто сильнее меня. – И Рои поклонился в сторону величавого изваяния Осириса, глядевшего на них из-за алтаря.

– Я знаю, – отвечала царица со слабой улыбкой.

– Но мне доложили, что прошлой ночью Вашему Величеству было видение. Так ли это? – продолжил Рои.

– Да, прорицатель, хотя мне непонятно, кто мог донести тебе об этом?

– Не все ли равно, как я узнал? Куда важнее то, что мне надлежит поведать Вашему Величеству: сон ваш – не греза, взлелеенная человеческими надеждами и ожиданиями, но истина. О царица, сей мир и его страдания – лишь тень и жалкое зрелище; над ними, подобно пирамидам, высящимся над песками и пальмами, – над всем земным возносится вечная истина по имени Любовь. Пески сметает ветер, пальмы порой бури вырывают с корнем, либо, принеся плоды, они стареют и гибнут, одни лишь пирамиды вечны.

– Я поняла и благодарна тебе, прорицатель. А теперь выведи меня отсюда, я очень утомлена.

На третью ночь после этой беседы Рима, чувствуя, что терзавшая ее лихорадка сделала свое дело и пришло время про-

щаться с земным миром, послала за прорицателем. Рои пришел немедля, и Рима обратилась к нему с такими словами:

– Не знаю, кто ты, не знаю, что это за Община Зари, о которой ты говоришь, и какие у нее цели; не знаю, зачем повелел ты доставить сюда наследницу престола Египта, не ведомо мне, каким богам ты служишь, ибо мне еще немного открылось в вашей вере, хотя это истинная правда – две египетские богини явились мне в видении в ночь рождения моего дитя. Но вот что добавлю: сердце говорит, что ты человек праведный, и сама судьба предназначила тебе быть прорицателем, чтоб исполнять ее волю; думаю, что и ты, и люди вокруг тебя, – вы затеваете что-то во благо царевне, которой, если есть справедливость на земле, суждено в будущем стать царицей Египта. Полагаюсь на волю Небес; сама же я, совершив все, что могла, умираю несчастная и бессильная. Случится то, что должно, и слова здесь излишни. Но от тебя я требую клятву, Рои, и от Тау, а также от всех братьев и сестер, что подвластны тебе. Вы набальзамируете мое тело так, как это умеют делать в Египте, а когда представится на то случай, отправьте его Дитане, царю Вавилона, моему отцу, или тому, кто сменил его: на груди моей должен лежать свиток, куда я записала мою предсмертную волю; и если то будет возможно, пусть моя дочь, наследная царевна престола Египта, сопроводит мои останки к родительскому дому. Я жду клятвы и в том, что царю Вавилона передадут: я заклинаю во имя наших богов и нашей общей кровью отмстить

за беды, что претерпела в Египте, за смерть моего возлюбленного господина, супруга моего, царя Хеперра. Я взываю к отцу своему, чтобы он, – под страхом мести моего духа, – обрушился со всем своим войском на Египет, дабы истребить псов гиксосов, а дочь мою, царевну Нефрет, посадить на трон Египта; изменников же схватить и покарать. Вот клятва, что я требую от тебя.

– Царица, – возражал ей Рои, – клятва эта мне не по душе; исполнение ее приведет к войне, а мы, сыновья и дочери Общины Зари, – ибо Гармахис, который в образе Сфинкса сторожит наши врата, есть бог Зари, – мы жаждем мира, а не войны. Прощение, а не месть – вот закон, которому мы следуем. Правда, мы желаем, если удастся, свергнуть царей-гиксосов и восстановить Египет в тех пределах, что существовали при законных его правителях, чьей наследницей явилась к нам царевна Нефрет. А если откажут нам боги в большем, объединить Север и Юг, дабы Египет усилил свою мощь и величие и залечил раны.

– Объединения ищут и гиксосы, – тихо отозвалась Рима.

– Да, но они желают впрячь Египет в ярмо; мы же хотим сбросить это ярмо не мечом. Гиксосов множество, но народа Египта еще больше, и если оба народа сольются, добрая египетская пшеница заглушит сорняк гиксосов. Кое-что сделано, уже цари-гиксосы поклоняются египетским богам, чьи алтари они некогда разрушили, они перенимают уже законы и обычаи Египта.

– Может быть и так, пророк, и в конце концов все придет к тому, чего ты желаешь. Но в моих жилах течет иная кровь, чем у вас, кротких египтян. Тяжкие страдания выпали на мою долю: супруга моего убили; те, кому я верила, хотели продать меня и дочь мою в рабство. Вот почему я ищу возмездия, хоть и не придется самой мне увидеть, как свершится оно. Не мягкими речами и не дальними расчетами хочу я восстановить справедливость, а копьями и стрелами. Тело мое немощно и конец близок, но душа моя в огне. Я знаю, что все ваши надежды, так же как и мои собственные, связаны с моей дочерью, и дух мой говорит мне, как лучше всего их осуществить. Принесете ли вы клятву? Отвечайте и не медлите. Если нет, я, возможно, найду другого защитника. Что, если я возьму малютку с собой, пророк, чтобы искать защиты у небесного судьи? Кажется, я могу еще это сделать.

На этот раз Рои вник в мысли Римы и понял, что она в отчаянии.

– Я должен испросить совета у того, кому служу, – отвечал он. – Быть может, он ниспошлет мне прозренье.

– А если и я и она умрем прежде, чем ты испросишь совет, пророк? Ты полагаешь, что сможешь завладеть моим дитя, но ты не знаешь что в последней воле матери заключается огромная сила. Ведь у нас, вавилонян, тоже есть тайны: в свой смертный час мы можем взять с собою тех, кто рожден нами.

– Не страшись, царица, у меня тоже есть тайны; Осирис

не сейчас еще призовет тебя.

– Верю, прорицатель, в таких делах ты не стал бы лгать. Испроси совета у своего бога и скорей возвращайся.

Незадолго до рассвета Рои вернулся вместе с Тау в опочивальню, где витала смерть; с ними была и первая жрица Общины Зари. Рима, полулежа на подушках, ожидала его.

– Ты сказал правду, прорицатель, – промолвила она, – я чувствую себя крепче, нежели вчера. Но поспеши, ибо сила моя подобно вспышке угасающего светильника. Говори и будь краток.

– Царица, – обратился к ней прорицатель, – я получил совет от властелина, коему служу, кто направляет мои шаги здесь, на земле. Он милостиво соблаговолил отозваться на мои молитвы.

– Каков же ответ, прорицатель? – спросила Рима с нетерпением.

– Вот он, царица: от имени Общины Зари, где я властвую, в присутствии моих приближенных, – тут Рои указал на Тау и жрицу, – я приношу клятву, которую ты пожелала, ибо так мы лучше всего достигнем цели. Клянусь во имя Духа, что превыше всех богов, твоего и моего Ка, во имя младенца, кого уже теперь мы почитаем здесь царицей, – я клянусь, что при первой возможности, – которой, надеюсь, не придется долго ждать, – тело твое будет доставлено в Вавилон, а послание твое – его царю, и возможно, он услышит его из уст твоей дочери. Твоя воля и полученное мною предсказание

внесены в эту грамоту, которую сейчас прочтут тебе; скрепленная тобою, она будет послана царю Вавилона, равно как и запись клятвы, опечатанная мною и Тау, преемником моим.

– Читай, – сказала царица. – Нет, пусть прочтет Кемма, которая тоже обучена чтению.

Кемма начала читать с помощью Тау.

– Все это верно, – промолвила Рима. – Но добавьте еще вот что: если отец мой, царственный Дитана, или тот, кто взойдет на трон за ним, откажутся исполнить последнее моление мое, я призову проклятья всех богов Вавилона на его народ; я, Рима, стану преследовать его всю его жизнь и призову к ответу, когда мы встретимся в царстве мертвых.

– Пусть так, – отозвался Рои, – хотя слова твои не добры. Все же, Тау, запиши их: умирающим должно повиноваться.

Тау присел на пол и начал писать, держа свиток на колене. Потом принесли воск, смешанный с глиной. Рима сбросила с похудевшего пальца кольцо с вырезанной на нем фигурой вавилонского бога и прижала его к воску, а Кемма как свидетельница запечатала свиток скарабеем, висевшим у нее на груди.

– Положите это послание вместе с кольцом среди пелен, когда будете обертывать мое тело, чтобы царь вавилонский нашел его в моей мумии, и второе такое же спрячьте в надежное место, – сказала Рима.

– Так и будет сделано, – согласился Рои.

Он ждал. Но вот, точно сияющие стрелы, ударили в окно

первые лучи восходящего солнца, а с ними вдруг сила влилась в Риму – она взяла на руки дочь и подняла вверх, в золотистое солнечное сияние.

– Царевна Зари! – вскричала она. – Пусть же заря осияет и коронует тебя! И да будут исполнены величия дни твоего царствования, о Владычица Зари, и прославишься ты в веках, а наступит ночь, и снова припадешь ты к груди моей.

Глава VI. НЕФРЕТ ПОКОРЯЕТ ПИРАМИДЫ

Удивительно, поистине удивительно открывалась Книга жизни юной Нефрет, наследницы древней династии фараонов Египта. Оглядываясь потом на свои детские годы, Нефрет вспоминала только высокие колонны в огромных залах, взирающие на нее каменные изваяния и причудливые фигуры на стенах, высеченные или нарисованные, которые, казалось, обречены вечно следовать друг за другом из тьмы в тьму. Далее возникало видение мужчин и женщин в белых одеяниях, время от времени они собирались в этих залах и пели печальные мелодичные песни; отзвуки этих песен потом еще долгие годы слышались ей во сне. Появлялась в этих воспоминаниях и высокая, статная госпожа Кемма, ее воспитательница, которую она очень любила, хотя и побаивалась немного, и великан-эфиоп, по имени Ру, с большим бронзовым топором в руке, который, похоже, не отходил от нее ни днем, ни ночью и которого она тоже очень любила, но ничуть не боялась.

И еще одно видение вставало перед глазами – и первые два почтительно отступали перед ним: седобородый старец с черными, пронизательными глазами, Пророк – так все вокруг его называли и поклонялись ему, точно божеству. Она

вспоминала, как иной раз вдруг просыпалась ночью и видела его, склонившегося над ее кроватью, с лампадой в руке, или как в дневное время, повстречав ее в темных проходах храма, он благословлял ее. Маленькой девочке казалось, что он – привидение и надо скрыться поскорее от него, хотя и доброе привидение, потому что иной раз он давал ей вкусные сладкие фрукты и даже цветы, которые нес в корзине служитель.

Миновало младенчество, наступила пора детства. Все те же залы были вокруг, все те же люди заполняли их, но теперь иногда вместе с ее воспитательницей Кеммой, в сопровождении великана Ру и других служителей, ей позволялось побродить около пирамид, чаще всего ночью, когда в небе светила полная луна. Так, в лунном свете, она впервые увидела наводящего ужас льва-сфинкса, возвышающегося над пустыней. Поначалу она испугалась каменного зверя с человеческим лицом, разрисованным в красный цвет, в царском головном уборе и с бородой. Но позднее, привыкнув к этому зрелищу, она даже полюбила величественное изваяние, ей казалось, что в улыбке Сфинкса светится дружелюбие, а огромные спокойные глаза так внимательно смотрят в небо, словно разгадывают какие-то тайны. Иной раз она отсылала Кемму и Ру на некоторое расстояние, а сама садилась на песок и поверяла Сфинксу свои детские заботы, советовалась с ним, задавала ему вопросы, на которые сама же и отвечала, потому что с громадных каменных уст не слетало ни единого

слова.

Позади Сфинкса высились величественные пирамиды – три главных, которые вонзались своими вершинами в самое небо, с храмами у подножия – в них когда-то поклонялись мертвым царям – и другие пирамиды, поменьше, как представлялось Нефрет, пирамиды царских детей. Она восхищалась пирамидами, считая, что их сотворили боги, но потом ее наставник Тау сказал, что их построили люди, чтобы хоронить в них царей.

– Должно быть, то были великие цари, если у них такие могилы. Как бы мне хотелось поглядеть на них! – сказала Нефрет.

– Когда-нибудь ты, быть может, и увидишь их, – ответил ей Тау, который был очень мудр и многому обучал ее.

Кроме Нефрет жили здесь и другие дети, рожденные в семьях членов Общины. Все они посещали школу, с ними вместе училась и Нефрет; рели уроки в этой школе посвященные. Вообще-то, за малым исключением, все члены Братства равно владели знаниями, хотя слуги Общины и те, кто возделывали поля неподалеку от Сфинкса и жили в поселениях вдоль границ больших некрополей, казалось бы, ничем не отличались от самых обыкновенных землепашцев. По их виду никто бы и не догадался, что они принимают участие в таинствах, про которые они дали торжественную клятву ничего не рассказывать и оставались верны этой клятве даже под угрозой смерти и пыток.

Скоро Нефрет стала лучшей ученицей в школе, и не потому, что она была выше других по рождению, а по той причине, что была куда сообразительнее, ее восприимчивый ум впитывал знания, как сухое руно впитывает росу. При всем том, случись кому-то посетить школу и понаблюдать, как дети слушают учителя или, сидя на табуретках, копируют египетские письма, переписывая их на глиняные черепки или клочки папируса, отличить ее от других девочек было трудно, может, лишь бросалось в глаза то, что Нефрет всегда сидела впереди и было что-то особенное в ее лице. На ней было такое же простое белое одеяние, что и на ее сверстницах, такие же простые сандалии, защищавшие ноги от камней и скорпионов, в такой же пучок были стянуты ее волосы. Ибо так было установлено в Общине: ни одеждой, ни украшениями она не должна была выделяться среди других детей.

Обучение Нефрет не ограничивалось школьными уроками, в послеполуденные часы и в дни отдыха она постигала более глубокую науку. В небольшой комнате, которая когда-то служила спальней жрецу храма, Тау, в присутствии Кеммы, учил ее тому, чему не учили других детей, и посвящал в таинства их веры.

Так, он научил ее вавилонскому языку и письму, рассказал о движении звезд и планет, открыл таинства религии, объяснив, что все боги священнослужители – лишь символы незримой Силы, символы Духа, который правит всем и присутствует всюду, даже в ее собственном сердце. Он открыл

ей, что плоть – это земная оболочка души и что между плотью и душой идет вечная борьба, что на земле она живет, дабы исполнить то предназначение, что определил ей всемогущий Дух, который создал ее; к нему когда-то в будущем, в назначенный день, она должна будет возвратиться, чтобы снова быть посланной в этот или другие миры, но предугадать его намерения не дано никому, даже мудрейшему из смертных. В те часы, когда Тау занимался с Нефрет, а она внимательно слушала его, случалось, в комнату заглядывал пророк Рои и тоже слушал, вставляя слово то тут, то там, а затем, подняв руку, благословлял Нефрет и уходил.

Так, хотя внешне Нефрет почти что ничем не отличалась от остальных детей и так же играла и веселилась, она все же была другой, и душа ее раскрывалась, точно цветок лотоса навстречу солнечным лучам.

Шли годы, и из ребенка Нефрет превратилась в высокую, ласковую и очень красивую девушку. Только в эту пору ее жизни Рои и Тау, в присутствии одной лишь Кеммы, открыли ей, кто она такая: наследная царица Египта по крови и предназначению Небес. Они поведали ей, кто были ее отец и мать, а также рассказали о поколениях фараонов, что правили Египтом до них, и про разделение египетских земель.

Услышав все это, Нефрет задрожала, и из глаз ее полились слезы.

– Увы, зачем так должно было случиться! – воскликнула она. – Теперь я уже не могу быть счастливой. Скажи мне,

святой отец, кого люди называют вместилищем духов и кто, как они говорят, может общаться с ними во сне, – скажи, как может несчастная девушка исправить столько бед и установить мир там, где безумствуют жестокость и кровопролитие?

– Царевна, – сказал Рои, впервые обращаясь к ней как к царского рода особе. – Это не ведомо мне и никому другому. Все же нам дано знать, что каким-то неведомым образом ты совершишь все это. То же было явлено в видении и твоей матери, царице Рима, при твоём рождении, ибо в этом видении та ипостась Вселенского Духа, которую мы в Египте знаем как Мать Исиду, явилась к ней и в числе прочих даров нарекла тебя, царское дитя, высоким именем Объединительницы Земель.

Тут Кемма подумала про себя, что вместе с Исидой явилась и другая богиня и дала малютке другие дары, и хотя вслух Кемма ничего не сказала, Рои, казалось, прочел ее мысли, потому продолжал так:

– Про тот сон и чудеса, которые свершились при твоём рождении, расскажет воспитательница Кемма – таково веление свыше. Она же покажет тебе и запись всех этих событий, сделанную в то время и скрепленную печатью, и еще одну запись – клятву, которую я и члены нашей Общины дали твоей матери, царице Рима, пред ее смертным одром, в том, что в должное время ты совершишь путешествие. Но довольно об этом. Теперь, по велению свыше, я должен сообщить тебе, что в один из грядущих дней, о котором я объявлю особо,

когда мне будет дана о нем весть, на пороге своей зрелости ты будешь коронована и станешь царицей Египта.

– Может ли это быть? – спросила Нефрет. – Царей и цариц коронуют в храмах, так мне рассказывали, в присутствии множества придворных, торжественно и шумно. Здесь же... – И Нефрет огляделась вокруг.

– Разве это не храм, Нефрет, и притом один из самых древних и священных в Египте? – спросил Рои. – Что же до остального, то слушай. С виду мы всего лишь скромное Братство, избравшее жилищем гробницы и пирамиды, к которым мало кто осмеливается приблизиться, ибо считают, что здесь обитают призраки и чужестранец, осквернивший их святость, лишится не только жизни, но погибнет и его душа. Но я должен открыть тебе, что наша Община Зари могущественнее царя гиксосов и всех, кто покорился и стал поддерживать его, о чем ты и узнаешь вскоре, когда примешь посвящение. Братья наши находятся повсюду, во всех землях – от нильских порогов до самого моря, да и за морем живут наши почитатели и ученики и, мы верим, на Небесах – тоже; и каждый из них в отдельности и все они вместе повинуются велениям, которые исходят из этих катакомб, и принимают их как глас божий.

– Если так, всеумудрый пророк, почему же ты скрываешься среди этих гробниц, а не пребываешь открыто в Танисе?

– Потому, царевна, что видимая власть во всем ее великолепии и пышности может быть завоевана лишь в войне;

мы же, чье царство есть царство духа, дали обет никогда не вести войн. Может быть, в конце концов нам суждено будет повести войну и тем все и завершится. Но не наше Братство поднимет боевые знамена, мы, если только не будем вынуждены защищаться, не пошлем людей на смерть, ибо наша вера – мир и добро.

– Твои слова полнят мое сердце радостью, – сказала Нефрет, – но теперь позволь мне, о благочестивый пророк, уйти к себе, я так взволнована, что мне нужно отдохнуть.

Год или чуть более спустя после того дня, как Нефрет была открыта тайна ее рождения, но еще до того как состоялись торжества, о которых ей было возведено, жизнь ее подверглась страшной опасности.

С недавних пор у Нефрет вошло в привычку бродить неподалеку от пирамид, меж гробниц, где покоились знатные люди и царевичи Египта. За тысячу лет, а может быть, и больше, до ее рождения ушли они из жизни земной, так давно это было, что теперь уже никто и не помнил имен тех, кто спал под этими надгробьями. Нефрет любила совершать эти прогулки в одиночестве, если не считать ее телохранителя Ру, ну а Кемма постарела за эти годы, и ей трудно было перешагивать через камни и брести по сыпучему песку.

К тому же Нефрет теперь полюбила одиночество, ей нужно было обдумать то, о чем поведал ей пророк Рои, привыкнуть к неожиданному величию, что обрушилось на нее.

Да и сильное юное тело ее жаждало движения, ей наскучили тесные пределы храма и ближних его окрестностей. Нефрет любила высоту, ей хотелось подняться высоко-высоко и сверху озирать раскинувшиеся вокруг пространства. Когда же она попробовала взобраться на самую вершину огромных монументов и даже на небольшие пирамиды, то обнаружила, что делает это с легкостью, ноги у нее не дрожали и голова не кружилась, и это стало ее любимым занятием.

О странной причуде Нефрет Ру и те, кто видел эти ее восхождения, доложили Кемме, а она, поняв, что юная царевна вовсе не склонна прислушиваться к ее увещаниям, сообщила Рои и Тау. Тут впервые Нефрет рассердилась на свою воспитательницу и напомнила ей, что она уже не ребенок, которого надо водить за ручку.

Рои и Тау посоветовались между собой, а затем, как было у них установлено, обратились за советом к Духу, который, как они объявили, направлял их во всех делах.

Кончилось все тем, что пророк Рои приказал своей внучатой племяннице Кемме не выговаривать больше царевне, а дозволить гулять, где ей заблагорассудится, и взбираться, куда она захочет, ибо Дух открыл Рои, что, может, кто и пострадает от этого, но только не Нефрет.

– Коль скоро царевне ничто не грозит, не надо ей препятствовать в таких малостях, племянница, – заключил Рои. – Ни один гиксос и никакой другой враг не осмелятся даже приблизиться к обиталищу призраков. К тому же ее сопро-

вождает Ру, и беседует она не с каким-то мужчиной, а лишь со своей собственной душой.

– Всегда находится смельчак, которому неведом страх других, и неизвестно, кого Нефрет может повстречать, с кем она станет говорить, а когда мы узнаем, будет уже поздно, – возражала ему Кемма.

– Тебе сказано, племянница: не препятствуй, – повторил Рои.

Одержав победу, юная Нефрет, характер которой отличался упорством, продолжала свои прогулки по некрополю и достигла даже большего, чем ожидала.

Среди тех, кто служил Общине Зари, была семья бедуина, в которой из поколения в поколение мужчины владели искусством восхождения на пирамиды. Эти смельчаки, пользуясь трещинами в мраморных плитах пирамид, цеплялись за выступы и приникая к выемкам, что выдолбили за тысячелетия несущие песок ветры, искусно взбирались на самую вершину пирамиды. Так, начав с малых пирамид, они повторяли свои попытки до тех пор, пока не одолевали самые высокие, и лишь тогда им разрешалось жениться и обзавестись семьей. С главой этого рода Нефрет не раз беседовала, и, к ее удовольствию, время от времени он с сыновьями поднимался у нее на глазах на три самые большие пирамиды и они благополучно возвращались из своего головокружительного путешествия.

– Почему бы и мне не подняться, если вы можете? – в кон-

це концов спросила она его. – Я легкая, и нога моя ступает твердо, голова не кружится от высоты, и руки у меня не короче ваших.

Хранитель пирамид – ибо таково было звание главы рода – с удивлением взглянул на нее и покачал головой.

– Это невозможно, – сказал он. – Никогда еще женщина не поднималась на эти каменные горы, если не считать Духа пирамид – только она может это делать.

– Кто это – Дух пирамид? – спросила Нефрет.

– Мы не знаем госпожа, – отвечал Хранитель. – Мы никогда ни о чем ее не спрашиваем, а если видим в полнолуние, как она скользит по пирамиде, то закрываем лицо покрывалом.

– Отчего же вы закрываете лица, Хранитель?

– Оттого, что если мы не сделаем этого, нами овладеет безумие. Так случилось с теми, кто взглянул ей в глаза.

– Но отчего же они стали безумными?

– Несказанная красота порождает безумие, и придет время, может, ты в этом удостоверись, госпожа, – ответил он, а у Нефрет от этих слов краска прилила к щекам.

– Кто же она – этот Дух? – поспешно продолжала она свои расспросы. – И что она тут делает?

– Никто не знает этого наверняка, но существует предание, что в давние времена правила этой землей незамужняя царица, а замуж она не хотела выходить потому, что любила простолюдина. Случилось так, что на земли наши хлынули

чужестранцы и захватили Египет, – он тогда разделился на части и от этого совсем потерял силу. Чужестранный царь, увидев, какая красавица царица Египта, и желая упрочить свою мощь и власть, решил во что бы то ни стало жениться на ней, пусть даже насильно. Но царица убежала от него и в отчаянии поднялась на самую высокую пирамиду. Он последовал за ней. Достигнув вершины, она бросилась оттуда вниз и разбилась, а царя, когда он увидел это, охватили страх и слабость, и он тоже упал на землю и умер. Обоих их похоронили в тайной усыпальнице в одной из этих пирамид – никто не знает, в какой точно, но мне кажется, во второй, потому что на ней чаще всего появляется Дух.

– Красивая легенда, – сказала Нефрет. – И это все?

– Не совсем, госпожа, потому что с ней связано пророчество. Вот слушай: когда другой царь станет подниматься по пирамиде вслед за другой царицей Египта и упадет, но не разобьется, он завоюет ее любовь, – и тогда Дух мести, который обуял когда-то древнюю царицу, отчего она бросилась вниз, успокоится и не будет больше губить мужчин.

– Я хочу увидеть этого Духа, – сказала Нефрет. – Я женщина, и она не сможет навести на меня безумие.

– Думаю, она не покажется тебе, госпожа. Хотя, быть может, она захочет завладеть твоей душой для каких-то своих целей, – задумчиво прибавил он.

– Моя душа принадлежит мне одной, и никто не сможет овладеть ею, – ответила Нефрет, рассердившись. – Но я и

не верю, что есть такой Дух, а ты и прочие глупцы видели всего лишь лунный отсвет, скользящий среди гробниц. Не рассказывай мне больше пустых историй!

– Тут, в некрополе, живут два безумца, которые лучше, чем я, рассказали бы тебе, госпожа моя, об этой лунной тени. А может быть, оно и так, как ты говоришь, – сказал Хранитель, – и низко поклонился, как кланялись в древности на Востоке своим повелителям. – Может быть, ты права. Принимай это как хочешь. – Он хотел было удалиться.

– погоди, – остановила его Нефрет. – Я хочу, чтобы ты научил меня подниматься на пирамиды, потому что ты самый искусный и изучил их лучше, чем твои сыновья. Начнем с третьей – она поменьше других, и начнем сейчас же. А потом, когда я немного освоюсь, поднимемся и на другие.

Хранитель в удивлении воззрелся на нее, а затем сказал, что не может выполнить это ее желание.

– Разве ты не получил наказа благочестивого пророка Рои и Совета Общины во всем мне повиноваться? – спросила его Нефрет.

– Это так, госпожа, я получал такое приказание, хотя и не понимаю, почему я должен повиноваться тебе.

– Я и сама не совсем понимаю – почему, ведь ты можешь взбираться на пирамиды, а я не могу, и значит, ты превосходишь меня. Но приказание есть приказание, и ты знаешь, что случается с теми, кто не выполняет распоряжений Совета. Начнем же.

Хранитель уговаривал ее, умолял и чуть не плакал, но добился лишь того, что Нефрет сказала:

– Если ты боишься подняться на эту пирамиду, я поднимусь одна. Но ты знаешь – я могу упасть.

В конце концов огорченный Хранитель позвал своего сына, сильного, гибкого юношу, который, точно горный козел, легко взбегал на пирамиды, и велел ему принести длинную веревку, свитую из пальмовых волокон, и этой веревкой обвязал он тонкую талию Нефрет. Но теперь возникло новое препятствие: Ру, который до тех пор с удивлением слушал их разговор, спросил, что он делает и почему он обвязывает госпожу веревкой, точно какую-то рабыню.

Хранитель стал ему объяснять, а Нефрет согласно кивала.

– Но это невозможно, – сказал Ру. – Мой долг – повсюду сопровождать знатную госпожу.

– В таком случае, друг мой Ру, – сказала Нефрет, – поднимись вместе со мной на пирамиду.

– На пирамиду? – Ру обиженно насупился. – Взгляни на меня, прошу тебя, госпожа, и ответь: что я – кот или обезьяна, чтобы по гладкому камню взобраться с земли на небо? Да я не поднимусь и на длину этой веревки, как упаду вниз и сломаю шею. Лучше я одной рукой сражусь с десятком вражеских воинов, чем поддамся такому безумию.

– Что верно, то верно. Пожалуй, никогда не побывать тебе на пирамиде, друг мой Ру, – сказала Нефрет, окидывая взглядом исполина-эфиопа, который с годами ничуть не из-

менился. – А потому оставь пустые разговоры, и не будем зря тратить время. Если ты не можешь подняться на пирамиду, стой внизу, вдруг я поскользнусь и упаду, тогда лови меня.

– Ловить тебя, госпожа?! Если ты упадешь?! – У Ру даже дыхание перехватило.

Не сказав больше ни слова, Нефрет направилась к подножию третьей пирамиды, на которую Хранитель, также не говоря ни слова, начал уже подниматься по знакомому пути, укрепив на себе второй конец веревки, которой он обвязал Нефрет. Скинув сандалии и подобрав тунику до колен, как велел Хранитель, она начала подниматься вслед за ним, а чуть ниже Нефрет поднимался сын Хранителя, следивший за каждым ее движением.

– Слушайте мои слова, вы, отец и сын! – простонал Ру. – Если вы допустите, чтобы моя госпожа поскользнулась и упала, лучше вам не спускаться вниз, потому что я убью вас обоих. Оставайтесь тогда наверху до конца вашей жизни!

– Если она упадет, упадем и мы. Но боги свидетели – моей вины в том не будет, – отвечал Хранитель, прильнув к склону пирамиды.

Тут сразу же следует сказать, что Нефрет показала себя способной ученицей. Глаза у нее были зоркие, как у ястреба, смелостью она не уступала льву, а ловкостью – обезьяне.

Она поднималась все выше и выше, ухватываясь за те щели, за которые ухватывался ее проводник, и ставя ноги точно в те места, куда ставил он; так они поднялись до середины

пирамиды.

– Достаточно на сегодня, – сказал Хранитель пирамид. – Ни один новичок из нашего рода не идет в первый раз дальше – это правило. Отдохнем здесь немного, а потом начнем спуск. Мой сын будет ставить тебе ноги, куда надо.

– Повинуюсь тебе, – отвечала Нефрет и так же, как ее проводник, обернулась назад – под ней простиралась пустота, только где-то далеко-далеко внизу стоял на песке казавшийся совсем маленьким Ру. И тут впервые она почувствовала головокружение.

– У меня кружится голова, – тихо сказала она.

– Обернись назад, к пирамиде, – сказал Хранитель размеренно-спокойным голосом, стараясь скрыть охвативший его страх.

Нефрет повиновалась, и сила и воля вновь вернулись к ней.

– Все в порядке, – сказала она.

– Тогда, госпожа, повернись еще раз, потому что, не сделав этого теперь, ты не сделаешь никогда.

Она снова повиновалась, и – о, радость! – она уже не испугалась высоты, душа ее победила страх. Спуск после этого прошел легко, потому что она могла бросить взгляд, куда ставить ногу, в какую расщелину или излом горячего блестящего мрамора, да и юноша, спускавшийся впереди нее, знал все эти расселины наизусть и говорил ей, куда ступать. Так они благополучно спустились на землю; Нефрет немно-

го посидела, чтобы отдышаться; она с улыбкой смотрела на Ру: у того глаза вылезли из орбит – так он напугался, и он все отирал пот со лба краем своего одеяния.

– Может, довольно с тебя пирамид, госпожа? – спросил Хранитель, освобождая ее от веревки.

– Ну уж нет, – отвечала Нефрет, вскочив с песка и потирая саднящие руки. – Мне понравилось, и я не успокоюсь, пока не научусь подниматься на них одна, в свете луны, как, говорят, можешь делать ты.

– Исида! Мать Небес! – воскликнул Хранитель, простирая вверх руки. – Нет, ты не смертная дева, ты, наверное, богиня; может быть, ты и есть Дух пирамид, обретшая облик смертной?

– Ты угадал, – отвечала ему Нефрет. – И я так думаю: я – Дух пирамид. А потому не соблаговолишь ли ты встретить меня завтра здесь, в то же время? Надеюсь, завтра мы поднимемся на самую вершину малой пирамиды.

И пока растерявшийся Хранитель собирался с ответом, Нефрет надела сандалии и удалилась в сопровождении Ру, который от волнения утратил дар речи.

Так все началось, а затем Нефрет исполнила свой зарок. На время все ее помыслы, сила, воля сосредоточились на одном: покорении пирамид. Пусть это была скромная цель, на заре девичьей зрелости, но она поглотила Нефрет целиком. Ей сообщили, что по рождению она – царица Египта. Это не так уж глубоко взволновало ее; здесь, среди покину-

тых храмов и гробниц, царствование над Египтом казалось ей несбыточной мечтой, во всяком случае, если это и было предопределено ей судьбой, то в далеком будущем. Пирамиды же были здесь, перед ней, и пока что ей хотелось стать Владычицей пирамид, которые, как ей тоже было сказано, ее далекие предки воздвигли для своего погребения.

К тому же рассказ о царственной красавице, появляющейся на пирамиде в лунные ночи, возбудил в ней любопытство. Неужели это дух ее бродит по ночам? Молодые люди склонны быть доверчивыми, когда речь идет о любви, и Нефрет была просто зачарована этой печальной историей. Воображение рисовало ей, как молодая дева, которая так же, как и она, научилась подниматься на пирамиды и так же суждено ей было стать царицей, стремительно всходит на вершину самой высокой из них и бросается оттуда вниз, лишь бы избежать страшной участи и не стать женой человека, которого она ненавидит и который поверг в прах ее родную страну; и так она, побежденная, обрекает на смерть победителя. Особенно же волновал Нефрет конец легенды: настает день, и другая прекрасная молодая царица, преследуемая другим влюбленным в нее чужестранцем, взбежит на вершину пирамиды, и там, на краю бездны, любовь победит вражду, и на страну, за власть над которой они сражались, снизойдет благословение.

Нефрет еще ничего не знала о любви, и все же природа берет свое, пробуждаясь даже в малом ребенке. Нефрет до-

гадивалась, о чем повествует эта красивая сказка, и душа ее просыпалась навстречу будущему. Но пока что ею владело лишь одно желание – достичь того, что считалось невозможным для женщины: покорить пирамиды; в ту пору она не отдавала себе отчета в том, что для нее это было еще и символом: взойдет она на вершину пирамиды, и тогда ей, сильной духом и телом, не страшны еще более трудные дела и куда более страшные опасности, которые, быть может, ожидают ее в будущем.

В тот же год Нефрет овладело желание молиться, потребность проникнуть в тайну общения с тем, кто поставлен над родом людским, с тем, кого жители земные зовут Богом, и не Рои с Тау внушили ей это желание – то было веление души. Более всего на свете жаждала теперь Нефрет общения с Богом; странная мечта овладела ею – быть может, иные сочли бы это за безумие, но такие мечтания довольно часто овладевают юношами и девушками на пороге зрелости – или зрелыми людьми на пороге старости, в те сумеречные годы, что предшествуют приходу смертной тьмы. Точно мираж являлся ей, точно видение Истины – ей все время чудилось, что Высший Дух, который витает над ней и над всем миром, лучше услышит ее молитвы и станет внимать ей, если она в полном одиночестве обратит к нему свои молитвы с вершин пирамид. Быть может, то была причуда, но вело к ней чистое и достойное побуждение. И в конце концов Нефрет осуществила свою мечту: спустя год она могла подниматься на все

пирамиды в полном одиночестве.

Хранитель пирамид и его сыновья, чье искусство и ловкость передавались из поколения в поколение, дабы они побеждали в состязаниях и получали награды, лишь удивлялись этому и чувствовали себя несколько уязвленными: эта девушка не только сровнялась с ними, но, пожалуй, даже превзошла их в столь трудном искусстве.

В самом начале обучения Совет Общины, встревоженный сообщениями Ру и Кеммы о странном капризе, который овладел их подопечной, чью драгоценную жизнь они были обязаны денно и ночно охранять, призвал Хранителя и его сыновей и спросил, велика ли опасность. Для тех, кому дан этот дар, – никакой, отвечали они, и подтверждением тому шесть поколений их рода: ни один человек в их роду не умер от падения с пирамиды. Иное дело с теми, кто не принадлежал их роду, продолжал Хранитель, для всех других, кто хотел проникнуть в секрет их искусства, это окончилось печально. Ответ Хранителя испугал Совет. Однако Рои открыл ему, что Нефрет не дано препятствовать в ее увлечении, сама же она упорно совершенствовалась в этом искусстве, и никакой беды с ней не случилось. Наконец настало время, когда Нефрет, при свете ли дня или при свете луны, могла взойти на вершину любой из пирамид так же быстро, как сам Хранитель и его сыновья.

Тогда Хранитель и его сыновья преклонились перед Нефрет и обратились к ней с просьбой стать их предводителем,

ибо она превзошла их всех. Однако Нефрет лишь засмеялась в ответ и сказала, что это вовсе ничего не значит и она не станет их предводителем, а прикажет, чтобы им дали награды, которые она сама назначит. После этого ей была предоставлена полная свобода, теперь она могла одна, без сопровождения Хранителя и его сыновей, подниматься, когда она захочет, на любую из пирамид.

Но вот тогда-то и случилось тревожное происшествие.

Глава VII. ЗАМЫСЕЛ ВЕЗИРА

Как уже было сказано, Нефрет, когда ей овладевало желание помолиться, поднималась на одну из пирамид на восходе или перед закатом солнца и, стоя в полнейшем одиночестве на маленькой площадке на самом верху, обращалась к богам. Иной раз она не молилась, а лишь, блуждая взором по раскинувшимся вокруг пространствам, раздумывала над уготованной ей судьбой или предавалась девичьим мечтаниям.

Об этой ее привычке стало известно не только членам Общины и ее служителям, но и жителям окрестных земель и странникам, путешествовавшим неподалеку от границ Святой Земли – так называли местность, где расположилась Община Зари и чьи границы не осмеливался переступить ни один чужестранец. Да и как было не пойти молве: стройная фигура Нефрет словно парила между небом и землей, ясно вырисовываясь на голубом небосклоне ранним утром и на закате; при разливах ее было видно даже с самого Нила. Люди говорили, что это сам Дух пирамид предвещает Египту тревожные времена, ибо никто не верил, что земная женщина может решиться подняться так высоко на пирамиду, что ей хватит силы и ловкости, точно ящерице, скользить вверх по гладкому мрамору.

Скоро весть об этом чудесном явлении дошла до Таниса. Как-то под вечер Нефрет поднялась на вершину второй

пирамиды и начала было уже спускаться своим обычным путем, однако, заметив, что смеркается, выбрала более короткий спуск – не по южной стороне, где ее ожидал Ру, а повернула на западный склон, который все еще освещался солнцем. Легко спрыгнув на песок, она поискала взглядом Ру, но вместо него увидела четверых приближающихся к ней мужчин, на которых она поначалу не обратила внимания, в сумерках приняв их за Хранителя пирамид и его сыновей; она подумала, что они хотят расспросить ее о новом спуске, который она отыскивала на западном склоне пирамиды. Потому она спокойно стояла, а они подходили все ближе, затем приостановились, словно чего-то опасаясь, и тут чей-то голос выкрикнул:

– Женщина то иди дух – хватайте ее! Только бы она не убежала от нас! Помните о большой награде – хватайте ее!

Ободренные таким образом, неизвестные бросились к ней. Осознав опасность, Нефрет резко повернулась и начала снова взбираться на пирамиду, она уже поднялась на несколько локтей, но тут один из чужестранцев ухватил ее за лодыжку и стянул вниз.

– Ру! – тревожно крикнула Нефрет. – Ко мне, на помощь, Ру! Я в ловушке, Ру!

Случилось так, что Ру находился почти тут же, за углом пирамиды. Потеряв из виду Нефрет и забеспокоившись, он направился к западному склону пирамиды, который был лучше освещен, поглядеть, не там ли Нефрет. Он услышал ее

крик о помощи и бросился вперед; повернув за угол, он увидел Нефрет, лежащую на песке: вокруг нее теснилось четверо мужчин – трое обматывали ее веревками, а четвертый повязывал на лицо полотняный лоскут.

Ру яростно взревел и, подняв топор, прыгнул на них. Тот, который обвязывал Нефрет лицо, первым заметил гигантскую черную фигуру, которую он, конечно же, принял за страшного духа-хранителя здешних мест; он отпрыгнул в сторону и кинулся бежать. Но сверкнул топор, и, разрубленный надвое, он свалился замертво. Затем второй разбойник, который сначала подумал, что это ревет лев, тоже увидел Ру и на миг застыл от изумления. Но Ру, бросив топор, схватил за горло сразу двоих и, с силой стукнув их головами, отбросил злодеев в разные стороны, оба упали на песок и больше не шевельнулись. Четвертый же успел выхватить нож – то ли чтобы защититься от Ру, то ли чтобы заколоть им Нефрет; однако когда он увидел, что случилось с другими, смелость оставила его, и, завизжав от страха, он выронил из руки нож и пустился наутек. Ру подхватил нож с песка и швырнул его вслед беглецу. Страдальческий вскрик боли подтвердил, что Ру достиг цели, хотя в сгустившейся темноте он уже не мог разглядеть самого беглеца. Ру хотел было броситься за ним в погоню, но Нефрет, приподнявшись с песка, крикнула ему:

- Не уходи! Остайся здесь, может быть, их тут много!
- Ты права, – сказал Ру, – а этот пес свое получил.

Не говоря больше ни слова, он схватил Нефрет, прижал

ее, словно малое дитя, к своей груди, придерживая левой рукой, правой подобрал топор и без промедления, даже не взглянув лишний раз на поверженных врагов, побежал вдоль западного подножия пирамиды; он не сбавил шага до тех пор, покуда они не оказались среди надгробий, где уже их никто не мог увидеть.

– Вот и пришел конец твоим забавам, госпожа, – решительно сказал Ру; он весь дрожал, но, конечно же, не от страха – он думал о том, какой опасности только что избегла царица.

– Если б не ты, все могло бы кончиться плохо, – отозвалась Нефрет. – Это для меня хороший урок, теперь я буду знать, чего мне опасаться. Опустит меня на землю, мой дорогой Ру, я уже успокоилась.

Страх и тревога охватили Кемму и общинный Совет, когда эта история была им поведена; встревожился даже мудрый Тау. Один только пророк Рои оставался спокойным.

– Никто не причинит Нефрет зла, – сказал он. – Я знаю это от тех, кто не может лгать, – вот почему я позволил ей следовать ее причуде – научиться всходить на пирамиды, ибо не следует держать ее взаперти и препятствовать ее желаниям; Нефрет должна уметь смотреть в лицо опасности и преодолевать любые препятствия. Нам же отныне надо неусыпно охранять царицу, ибо опасности еще только начинаются.

Затем Рои послал людей, чтобы они принесли трупы тех, с кем расправился Ру, по возможности отыскивали раненого

и захватили его живым. Этого они, однако же, сделать не смогли, потому что когда рассвело, от чужестранного злодея остались лишь кровавые пятна на песке, которые вскоре потерялись, а это значило, что раненый, преодолевая боль, стал пробираться дальше по камням, чтобы не оставлять за собой следов.

Мертвые же кое-что поведали о себе: двое были из племени гиксосов и, судя по одежде, служили при дворе царя Апеи. Третий, как видно, был у них проводником, однако, какому народу он принадлежал, определить было невозможно, ибо это на его голову обрушился топор Ру.

Тела презренных похитителей были брошены шакалам и стервятникам, дабы в них больше не могли вернуться их Ка, а души их со всеми полагающимися обрядами, в присутствии членов Общины Рои проклял, дабы из века в век не находили они упокоения. Ведь они не только нарушили соглашение, которое соблюдали многие поколения, и ступили на Священную землю Общины Зари, но и пытались похитить, а возможно, и умертвить деву, чье имя еще не было никому ведомо за пределами этой земли.

Тем история и закончилась, только теперь ни на восходе, ни на закате солнца никто не видел Нефрет на вершине пирамиды.

Немного погодя выбившийся из сил, изможденный гиксос с перевязанной спиной, то и дело харкавший кровью, как бывает, когда ранено легкое, добрался до царского дворца в

Танисе; здесь его признали и отвели к большому военачальнику, который выслушал его с гневным выражением на лице, приказав записать его рассказ слово в слово. Когда писец закончил запись, начальник выбранил пришедшего за то, что тот не справился с порученным ему делом.

– Разве это моя вина? – спросил пришедший. – Разве это правильно – посылать тех, кто рожден женщиной, чтобы захватить в плен дух или колдунью? Ибо ни одна дева, если в ней течет теплая кровь, не может бегать вверх и вниз по пирамиде, выложенной гладкими блестящими плитами, так, словно это муха летает вверх-вниз по стене, а мы это видели своими глазами. Разве это справедливо – ожидать от простых людей, что они одолеют черного дьявола из преисподней, страшного великана, какого и не видел никто из живущих на этом свете, чудище, которое рычит, точно лев, а руки его крушат человеческие черепа, точно это плоды граната? Разве справедливо – приказывать простым смертным людям ступить на Священную землю, где поселились боги, волшебники и призраки умерших? Зачем только я, глупец, слушал тебя и польстился на твои щедрые посулы; глупцами были и мои товарищи, и, верно, так сейчас себя и называют в преисподней, ибо есть ли хоть один человек в Египте, кто бы не знал, что вторгнуться в Священную землю Общины Зари – значит навлечь на себя проклятие и смерть! А теперь дай мне вознаграждение, чтобы я мог поделить деньги между моими детьми.

– Вознаграждение! – зловеще прошептал начальник. – Не будь ты ранен, не миновать бы тебе порки. Убирайся отсюда, собака!

– Куда же мне, преданному проклятью, идти? – спросил несчастный.

– Туда, куда уходят все, кто проиграл, – в преисподнюю, – отвечал начальник и подал знак слугам.

И они вышвырнули его, в ад или куда-то еще он отправился в очень скором времени. Ибо его же собственный нож, который Ру подхватил и метнул в него, был отравлен, а удар пришелся ниже плеча, и нож пронзил легкое.

Военачальник прошел в покои царя Апепи, где находились также его советники и молодой царевич Хиан, единственный наследник престола. Большой, грузный, с горбатым, как у всех гиксосов, носом и злыми черными глазками, царь гиксосов отличался бешеным нравом и был очень жесток и мстителен, как и все его соплеменники, и в то же время беспокоен и труслив.

Не таким был сын его Хиан, рожденный египтянкой, в чьих жилах текла царская кровь. Апепи взял египтянку в жены, преследуя свои государственные соображения, он по своему любил ее и, когда она умерла, дав жизнь своему единственному дитя – Хиану, Апепи не заменил ее другой царицей, хотя в гареме его было много женщин. Хиан вырос и возмужал. Кровь отца-гиксосога не сказалась на внешности, не

наложила отпечатка на его характер; это был добрый по натуре, красивый юноша с приветливым взглядом мягких черных глаз, однако сильный телом и быстрый умом, из тех, кто любит учиться и склонен к размышлениям, воин и охотник и в то же время человек, приверженный всей душой мирной жизни, правитель, мечтающий о том, чтобы залечить раны Египта и возродить его величие.

Перед отцом и сыном и предстал старый везир Анат, он рассказал о случившемся, а затем прочитал то, что было записано со слов раненого воина.

Апепи выслушал его внимательно.

– Знаешь ли ты, везир, кто эта безумная дева, которая восходит на вершины Великих пирамид? – спросил он, когда тот закончил чтение.

– Нет, не знаю, Ваше Величество, хотя, быть может, и могу высказать одну догадку, – неуверенно отвечал везир.

– Тогда я скажу тебе, везир. Это единственная дочь фараона Юга Хеперра, который пал в битве много лет тому назад. У меня сомнений нет. Известно, что эта дочь была рождена, и ты должен помнить: мы подкупили тогда многих фиванских вельмож, приближенных Хеперра, чтобы захватить ее и ее мать, царицу Риму, дочь царя Вавилона. Но, как видно, боги вступились за младенца, потому что обе исчезли, а из тех, кому поручено было их схватить, лишь один остался в живых. Всех остальных сразил черный великан, охранявший царицу Риму и ее дочь. Такой же точно черный великан сра-

жался рядом с Хеперра и вынес его тело с поля битвы. Видели его и на торговом судне, плывущем вниз по Нилу, и с ним двух женщин и ребенка, конечно же, в простой одежде, и лица они прятали. Хитростью и обманом эти трое сумели проскользнуть мимо моих дозорных в Мемфисе, – я прогнал потом их всех! – а поплыло то судно в сторону Вавилона, – так мне было доложено. Но вот что странно: наши лазутчики донесли нам, что в Вавилон они не прибыли. Значит, либо их нет в живых, либо они прячутся где-то в Египте.

– Похоже, так оно и есть, фараон, – сказал везир, и все советники кивнули в знак согласия.

– А в последнее время, – продолжал Апепи, – от Порогов до самого моря разносятся слухи, и в городах и селениях вдоль всего Нила люди нашептывают друг другу, будто египетская царица жива и вскоре объявится, чтобы занять престол. Более того, говорят, нашла она убежище в Братстве мудрецов, что расположилось среди гробниц и пирамид неподалеку от Мемфиса, а называют они себя Общиной Зари. И еще известно мне, что ты, везир Анат, чтобы узнать, правдивы ли эти слухи, без совета со мной, пообещав щедрую награду, послал туда нескольких смельчаков, чтобы они вызнали правду об этой общине, где своих предателей не водится, и поглядели на эту чудесную деву, которая может взбираться на пирамиды и которая, если верить слухам, и есть сама царица Египта. Но я-то утверждаю другое: обманщица она, и больше никто.

– Или дух, – предположил везир, – потому что не может быть женщина такой ловкой и смелой, и все это, конечно, выдумка.

– Пусть дух, хотя я и не очень-то верю в духов. Так, значит, отправляются они туда, пробираются на Священную землю – так называют те места, как эта дева спускается с пирамиды, и, хоть я и не давал им такого приказа, хватают ее, а это говорит о том, что она из плоти и крови; она громко кричит, и черный великан – заметьте, опять этот черный великан! – с ревом бросается к ней на помощь. Он убивает троих из этих людей с такой легкостью, словно они малые дети, и бросает нож в четвертого, тяжело ранит его, и дева исчезает, а Община Зари увеличивает свою стражу. И вот теперь я скажу, что дева эта не кто иная, как Нефрет, египетская царица, а охраняет ее все тот же эфиоп, который вынес с поля боя тело ее отца.

Когда стих шепот согласия, Апепи продолжал:

– Скажу также, что все это очень опасно. Давайте взглянем правде в глаза. Кто мы такие – гиксосы? Много лет тому назад мы вторглись в Египет, захватили самые богатые его земли, прогнали царя Египта обратно в Фивы и присвоили весь Север. Им я владею и по сию пору, да и Югом тоже, поскольку мы подкупили его знать и верховных жрецов, оплели их золотыми цепями. Но теперь мы в опасности: непрерывные войны с Вавилоном очень ослабили нас; к тому же многие наши мужчины женились на египтянках, как сделал и я

сам, так гиксосы испортили свою кровь и цветом кожи стали походить на жителей Нильской долины. Египтяне – упрямый и коварный народ, к тому же они блюдут верность старым обычаям, им по крови ближе цари, которые правили на этих землях много веков. И если они узнают наверняка, что жива прямая наследница древней династии, они поднимутся, подобно Нилу в сезон дождей, и сметут нас с этих земель. Потому я говорю: царица эта, а вместе с ней и Община Зари должны быть уничтожены.

Наступило молчание. И тогда со своего кресла, которое стояло у подножия трона, поднялся царевич Хиан и, отвесив почтительный поклон отцу, впервые вступил в разговор.

– О царь, мой отец, выслушай меня, – так начал Хиан. – Как тебе известно, я глубоко изучил обычаи и тайные обряды Древнего Египта и помимо всего прочего от сведущих людей и из старинных рукописей многое узнал об Общине Зари. Это старинная, очень могущественная Община, а члены ее – мирные люди, которые побеждают духом, а не мечом, и хотя вроде бы никто не знает о ее существовании, учение ее исповедуют тысячи людей по всему Египту, оно насчитывает тысячи сторонников, и я не поручусь, что нет таких и при твоём дворе, отец. Известно мне, что много ее сторонников живут и в дальних странах, в особенности в Вавилонии. Еще следует сказать, что возглавляет эту Общину всеведущий пророк, которого зовут Рои, очень старый человек – если он и вправду человек; это он общается с богами, и

боги покровительствуют ему, как и всем, кем он правит. И вот что еще я скажу: по договору, заключенному с нашими праотцами, первыми царями гиксосов, и подтверждаемому каждым последующим царем, – и тобой, мой отец, он тоже был подтвержден, – земля, где находятся захоронения египетских предков и где, под сенью пирамид, нашла себе приют эта Община, – считается священной и неприкосновенной. Страшное проклятье падет на того, кто нарушит этот договор, и, как видно, оно и поразило тех четверых, кто, без твоего на то согласия и, конечно же, против моей воли, нарушили договор и ступили на Священную землю, вознамерившись не только вызнать там что-то, но и силой захватить то ли деву, то ли духа. На землю эту нельзя ступать – таков обычай и договор, и нельзя причинять вред обитателям Города мертвых. Потому, о фараон, отец мой, прошу тебя, не помышляй больше о том, как принести вред этой Общине или деве, которую ты считаешь дочерью Хеперра, ибо, если ты посягаешь на них, ты навлечешь погибель на себя самого и на всех, кто служит тебе.

Слушая Хиана, Апепи гневался все больше и больше.

– Можно подумать, царевич, – сказал он с ухмылкой, – что ты и сам служишь этой Общине Зари. Что значат клятвы и договоры, когда мое царство в опасности! Во владениях наших неспокойно. Вавилон то и дело нападает на нас. А почему? Потому, говорят они, что мы нехорошо обошлись с их царевной, которая стала супругой царя Хеперра, что из-

за нас она умерла. Ты не знаешь об этом, но мне сообщили лазутчики. Хочешь ты того или нет, гнездо заговорщиков должно быть разрушено – так говорю я, фараон Апеги.

Царевич Хиан ничего на это не ответил, но везир Анат сказал:

– О фараон, вот о чем я подумал: не пойти ли нам более осторожным путем и достичь цели, не отступаясь от нашего договора с Общиной Зари, ибо это могущественная Община, и ее нельзя не опасаться, и я, как и царевич Хиан, верю, что само Небо покровительствует ей. Ты полагаешь, что эта дева пирамид – законная дочь фараона Хеперра, и, может, ты прав. Но вот что я задумал: направь посольство к пророку Рои и объяви, что хочешь взять эту деву себе в жены – ведь у тебя сейчас нет жены. Так ты скрепишь весь Египет узами любви и не запятнаешь своих рук кровью.

Выслушав речь Аната, Хиан громко рассмеялся, а советники заулыбались. Апеги же сначала не сводил с Аната гневного взгляда, а затем опустил глаза, помолчал, размышляя о чем-то. Но вот он поднял голову и сказал:

– Тебе, Анат, не откажешь в мудрости. Львиного детеныша можно убить, а можно приручить, да только, если приручишь, не забывать, что со временем детеныш вырастет и станет большим львом, и тогда его потянет бродить по пустыне и насыщаться сырым мясом, как спокон веков делали его прародители. Отчего бы мне и вправду не жениться на этой деве – если это дочь фараона Хеперра? Значит, как я пред-

полагал, она осталась в живых, и так я объединю царский род гиксосов с древней династией фараонов Египта. Это положит конец многим распрям, Египет соединится и будет жить в мире; тогда можно будет не опасаться Вавилона. Но что скажет царевич Хиан? Я ведь еще не стар, и от такого союза могут родиться дети; тогда старший наследник, рожденный в этом браке, как все фараоны древних династий, должен будет унаследовать двойную корону Севера и Юга, ибо по египетским законам право на престол переходит от матери из рода фараонов – таким путем изначально объединялись династии.

Везир и советники повернулись к Хиану: слово было за ним, от его ответа зависело, быть ему в будущем правителем Севера или не быть.

Он молчал минуту-другую, потом улыбнулся и сказал:

– Видно, так я должен понять твой вопрос, о фараон, отец мой: если живет на свете некая дева – законная дочь Хеперра, покойного фараона Юга, и, следовательно, продолжательница древнего царского рода, что правил Египтом долгие тысячелетия, до той поры, когда гиксосы отняли часть их наследных земель; если согласится она выйти замуж за моего царственного отца; если, вступив с ним в брак, она родит ему ребенка, тогда я, теперешний законный наследник, по условиям такого союза могу лишиться права наследования престола. Но когда столько «если» и никому не дано знать наперед, свершатся ли эти «если» и когда свершатся, разве

это важно – принимать сейчас какое-то решение? Столь ли сильно желаю я стать правителем Севера и тем самым унаследовать войны и беды; желаю ли я занять трон и тем самым помешать Египту залечить раны и слить воедино два мощных престола? Жизнь человеческая коротка, и фараон ли, простой ли землепашец – и тот, и другой скоро будут забыты, и, быть может, лучше содействовать наступлению мира, чем принять на себя верховную власть, которой не жаждешь.

– Воистину, я был прав, когда сказал, что и сам ты, как видно, член этой Общины, ибо будь я на твоём месте, Хиан, не такой ответ дал бы я своему царственному отцу, – сказал пораженный Апеви. – Но пусть каждый лелеет свои мечты и тешит свои причуды. А потому ловлю тебя на слове: значит, как законный наследник царского престола, ты не имеешь ничего против этого моего плана – как я считаю, смелого и дерзкого – который, если выйдет все, как задумано, многое может изменить в нашей жизни, – ты не возразил против него, хотя и отдаешь себе отчет, что если он исполнится, это нанесет тебе большой ущерб. А теперь слушай мое решение, Хиан: я посылаю тебя, царевича Севера, послом в Общину Зари, к пророку Рои. Возьмешься ли ты, кто оказался столь разумным и пекущимся о благе страны, за такое дело?

– Прежде чем я отвечу тебе, о фараон, скажи: какие слова будут вложены в уста посла? Будут это слова мира или войны?

– И те и другие, Хиан. Посол скажет людям Общины Зари:

фараон Севера опечален тем, что против его воли договор между Общиной и его царством нарушен безумцами, которые состояли у него на службе; все они жестоко поплатились за свое преступление, и во искупление его он привез дары, которые возложит на алтари богов, которым они поклоняются. Затем он спросит, правда ли, что среди них живет Нефрет, дочь фараона Хеперра и супруги его Римы, дочери правителя Вавилона. Они могут прятать ее где-то в тайном месте и отрицать, что им известно о ней, но если ты поймешь, что она там, ты должен объявить в присутствии Совета и самой девы, если то будет возможно, что Апепи, царь Северного Египта, еще не старый мужчина, лишившись супруги, своей законной царицы, хочет взять царевну Нефрет себе в жены, соблюдая все подобающие церемонии. Далее ты сообщишь, что, заимев на то твое согласие, Апепи принесет клятву: рожденный ею от него сын, если он будет дарован им богами, после смерти Апепи будет коронован как фараон всего Египта, и Верхнего, и Нижнего. Все это посол сможет удостоверить письменно и скрепить моей печатью, которая будет ему дана.

– То, что я услышал, – слова мира, о фараон. А теперь поведай мне о войне.

– Тут все будет короче и проще, царевич. Если Нефрет живет среди них и она сама или Совет от ее имени отвергнет мое предложение, тогда ты скажешь, что я, царь Апепи, отныне отказываюсь соблюдать все соглашения между мной и

Общиной Зари и покараю их как заговорщиков против моей власти и мира в Египте.

– А если я удостоверюсь, что они не укрывают царевны, тогда что?

– Тогда ты не выскажешь им никаких угроз, а возвратишься и сообщишь обо всем мне.

– С тех пор, как я вернулся с Сирийских войн, о фараон, придворная жизнь наводит на меня скуку. Сам не знаю почему, но мне по душе твое поручение. Поэтому, если хочешь, назначай меня твоим посланцем, я берусь за это дело, – помедлив немного, сказал Хиан. – Только вот о чем хочу тебя спросить: хорошо ли это, что я: царевич Хиан, прибуду к ним под своим именем? Хоть и в твоей власти решить, кому ты передашь наследование престола, все же до сего времени твоим наследником считался я, и потому Община Зари может проявить недоверие к такому послу и поступить с ним, как сочтет нужным. Они могут оставить меня заложником.

– С чем я и попрошу тебя смириться, Хиан. Пусть ты станешь живым доказательством моего честного намерения, пока не свершится свадебная церемония. Пойми одно, Хиан: если царевна Нефрет в самом деле жива и скрывается в Общине, мое самое большое желание – жениться на ней, ибо теперь я понял: она, и только одна она принесет нам спасение. Тот же, кто захочет помешать мне, станет моим смертельным врагом, кто бы он ни был – пророк Рои или кто другой, – его ожидает смерть!

– Однако ты скор на решения, отец. Еще час назад тебе и в голову не приходила мысль о женитьбе, теперь же ты одержим ею.

– Это так, сын мой, ибо теперь – и я благодарю за это Аната – я увидел корабль, который вывезет меня и Египет из разлива бед, которые грозят в скором времени захлестнуть всех нас, и, следуя примеру своих великих предшественников, я вхожу на него, покуда его не увлекло течением прочь. Везир, ты издалека разглядел этот корабль, ты сослужил мне добрую службу, вот тебе золотая цепь в награду, и обещаю тебе еще многие награды впереди. Нет, побереги свою благодарность до того дня, когда корабль благополучно доставит нас в гавань. А тебе, Хиан, я скажу вот что: если ты считаешь, что посольство это слишком опасно – а оно таит много опасностей, – я поищу другого посла, хотя и предпочел бы тебя. К тому же я сомневаюсь, что, назвавшись другим именем и притворившись, что ты – не царевич Хиан, а придворный сановник или кто-то еще, ты проведешь этих востроглазых хитрецов. Но, впрочем, поступай как знаешь.

– А почему бы мне не стать простым человеком, коль скоро ты и сам того хочешь, о фараон? – с улыбкой спросил Хиан. – Ведь если все пойдет хорошо, тогда я, кто еще этим утром был законным наследником престола – так тебе было угодно меня называть, о фараон, – стану просто одним из царских сыновей. Если судьбе угодно будет распорядиться так, я попросил бы тебя оставить мне, кто лишится столь

многого, поместья и доходы, которые перешли мне от матери или дарованы Твоим Величеством. Ибо, хоть царский трон и не слишком влечет меня, я все же хотел бы остаться богатым человеком и жить спокойно, отдавшись своим любимым занятиям.

– Клянусь исполнить твое желание, Хиан. И пусть это будет записано здесь и сейчас и скреплено моей царской печатью.

– Благодарю тебя, о фараон. А теперь позволь мне удалиться – я хочу побеседовать с тем раненым беднягой до того, как он умрет, быть может, он даст мне полезные советы.

С этими словами царевич склонился перед фараоном в глубоком поклоне, а затем вышел.

«Сколь же велик душой этот молодой человек, – думал про себя Аепи, провожая взглядом сына. – Мало кто не дрогнул бы от такого удара, если только он не замыслил предательства. Но Хиан не способен на предательство. Мне даже горько сознавать, что я лишил его престола. Все же так должно поступить. Если царица Нефрет живет на свете, я женюсь на ней и принесу клятву передать престол ее детям, ибо только тогда покой снизойдет на меня и на Египет».

А вслух он произнес:

– Совет окончен, и проклятие тому, кто выдаст, о чем тут шла речь. Предатель будет брошен на растерзание львам.

Глава VIII. ПИСЕЦ ПО ИМЕНИ РАСА

Через тридцать дней после этого совета на границе Священной земли, в том месте, где Нил в разливе поднимался выше всего, появился чужестранец и крикнул землепашцу, работавшему в поле, что принес письмо, которое просит доставить пророку Общины Зари.

Землепашец подошел поближе и, тупо уставившись на пришельца, спросил:

– Что это за община такая и кто ее пророк?

– А ты поспрашивай об этом у людей, друг, – сказал чужестранец, протягивая ему свиток и вместе с ним дорогой подарок. – Я же тем временем подожду ответа; на рассвете или на закате, когда я возношу молитвы, ты непременно найдешь меня вон под теми пальмами.

Крестьянин поскреб в затылке и, приняв свиток и подарок, отвечал, что постарается оказать услугу столь щедрому господину, хотя и не знает, о какой общине и о каком пророке тот ведет речь.

На следующий день, на закате, он появился снова и вручил посланцу другой свиток, который, как он объявил, дал ему незнакомый человек, и сказал, что это письмо царю Аппе-пи, что находится со своим двором в Танисе. На что посла-

нец лукаво ответил, что сроду не слыхивал ни о каком царе Апепи и не знает, в какой стороне Танис. Все же по доброте сердечной он постарается разыскать этого Апепи и передать ему свиток; после этого оба, улыбнувшись, разошлись в разные стороны.

Несколько дней спустя послание это было прочитано Апепи его личным писцом. Оно гласило:

«Именем Всевышнего духа, что правит миром, и его слуги Осириса, бога умерших, мы приветствуем Апепи, царя гиксосов, расположившегося теперь в городе Танисе, в Нижнем Египте.

Знай, о царь Апепи, что мы, пророк Рои и Совет Общины Зари, которая нашла себе приют под сенью древних пирамид, в давние времена возведенных царями Египта, бывшими когда-то членами нашей Общины, для того чтобы они служили усыпальницами телам и памятниками их величию, на которых до скончания мира будут останавливаться взоры всех смертных; мы, кто из века в век черпает мудрость у Сфинкса, устрашающего Владыки Пустыни, получили твое послание и пришли к такому решению. Знай, о царь, что, несмотря на то, что недавно твои люди нанесли нам тяжкое оскорбление, за что несчастные и поплатились жизнью, как поплатятся все, кто попытается хитростью и обманом проникнуть на нашу Священную землю и выведать наши тайны, мы, следуя заповедям нашей Общины, прощаем это зло и не станем придавать значения столь мелкому происшествию;

мы примем посла, которого ты желаешь к нам направить, дабы обсудить с ним дело, суть которого ты нам не открыл. Знай далее, о царь, что посол этот, кем бы он ни был, должен явиться один, ибо против наших правил допускать более чем одного чужестранца на нашу Священную землю. Если, узнав все это, ты все же захочешь направить к нам своего посла, пусть придет он перед следующим полнолунием в ту же пальмовую рощу, где был вручен твоему посыльному этот свиток. Наш человек отыщет его и проводит к нам в обитель; мы также обещаем не причинить ему никакого зла».

Выслушав это послание, Апепи призвал царевича Хиана и, оставшись с ним наедине, спросил, не изменил ли он своего решения и отважится ли он один, без охраны, отправиться в эту Общину, которую, по слухам, часто посещают призраки.

– Отчего же нет, отец? – спросил Хиан. – Если против меня замыслено злодейство, меня не спасет никакая охрана, да и призраков воплями не утратишь. Уж если идти туда, то лучше одному. К тому же в послании ясно сказано, что Братство не примет больше чем одного человека, значит, у нас нет выбора.

– Решай как знаешь, сын, – ответил Апепи. – А теперь иди и готовься в дорогу. Завтра везир вручит тебе наше послание, а заодно передаст и мои наставления; небольшой отряд проводит тебя до назначенного места. Иди и возвращайся целым и невредимым, и помни, о чем мы с тобой договори-

лись: привези мне царевну со всей ее челядью, наградой же будет мое тебе благословение.

– Я отправляюсь, – сказал Хиан, – а вернусь или нет – на то воля богов.

Когда все было готово, Хиану вручили свиток, в котором были изложены предложения и угрозы Апепи, а также золото для подношения богам детей Зари и драгоценности для царевны Нефрет, которые надлежало преподнести лишь в том случае, если будет доказано, что она и есть та чудесная дева, что живет среди братьев Общины. Хиан, однако, пустился в путешествие не как царевич, а под видом придворного писца по имени Раса, которого Апепи якобы заблагорассудилось выбрать своим доверенным лицом. Тайно покинув Танис, так что лишь немногие знали о его отъезде, он отплыл вверх по Нилу, и хотя команде корабля было приказано во всем ему подчиняться, никто из матросов не увидел его воочию и у них не возникло никаких подозрений: они считали, что он и есть тот, за кого выдает себя – писец Раса, который едет куда-то по высочайшему повелению. Даже сопровождавшая его стража, шестеро воинов, – все были из дальнего поселения и не знали царевича в лицо.

В назначенный день корабль причалил к пристани, и Хиан, сопровождаемый воинами, которые несли золото и другие дары, а также его дорожные вещи, отправился к пальмовой роще, о которой упоминалось в послании. Ошибиться он не мог – никакой другой рощи в окрестностях не было

видно. Здесь он отпустил воинов, которые с большими опасениями оставили его одного, хотя и рады были вернуться на корабль до наступления темноты; как все, живущие в Египте, они верили, что в этом месте блуждают призраки великих фараонов прошлого и Дух пирамид, чей взгляд сводит мужчин с ума.

– Как нам было приказано везиром Анатом, – сказал начальник стражи, – корабль, на котором вы, господин Раса, прибыли сюда, мы отведем теперь в Мемфис, где нас можно будет найти, если мы вам понадобится, хотя мы и не уверены, что еще понадобится вам.

– Почему же не понадобится? – спросил Хиан, он же писец Раса.

– А потому, что у этого места дурная слава, мой господин. Говорят, ни один чужестранец, что ушел вон в те пески, не вернулся назад.

– Что же с ними случается?

– Этого никто в точности не знает, только рассказывают, что их заживо замуровывают в гробницы – так они умирают. А если кто и избегнет подобной участи и сам он молодой и красивый, как вот вы, господин, может так случиться, что он повстречает ту чудную красавицу, что бродит при луне по пирамидам, и станет ее возлюбленным.

– Может, это и не так уж плохо, мой друг, если она такая чудная красавица?

– Хуже некуда, господин Раса, потому что, когда он поце-

дует ее в губы, а она взглянет ему в глаза, им овладеет безумие и он погонится за ней по пирамиде, покуда совсем не помешается и не свалится вниз, а если и выживет, то все равно останется безумным до конца своих дней.

– Но почему он не может ее догнать?

– Да потому, что она непременно заманит его на ту высокую пирамиду с гладкими плитами и заскользит по ней, как лунный луч, она то ведь дух, и ему за ней никак не угнаться. И когда он видит, что теряет ее, мозг у него вскипает – и он уже не человек.

– Ты навел на меня страх, друг. Какая печальная участь! Неужели она ожидает и меня, ученого писца, – ибо таково мое ремесло, – и именно сейчас, когда я снискал расположение при царском дворе! Но мне дано поручение, а тебе, я думаю, известно, что ожидает того, кто проявил неповиновение и не выполнил приказа Его Величества царя Апеви.

– О да, господин Раса, об этом мне хорошо известно; Апеви жесток, и если задумал что-то, лучше ему не перечить. А уж если кто осмелится ему возразить, пусть считает себя счастливецом, если его всего лишь укоротят на голову, а если он невезучий, то запорют плетью до смерти.

– Если так, друг, пожалуй, я предпочту призраков, а быть может, и ужасный взгляд этой красавицы, Духа пирамид, и не стану возвращаться назад, хотя, признаться, хотел бы этого. На груди у меня амулет, который, как мне сказали, защитит меня от обитателей могил и прочих призраков, вверяю

себя ему и силе молитв. Я все же не теряю надежды, что скоро снова встречу с тобой и мы отправимся на твоём корабле в обратный путь, но если дойдет до тебя слух, что меня уже нет в живых, прошу тебя, в память о моей душе возложи подношения на первый же алтарь Осириса, который повстречается на твоём пути.

– Я не забуду об этом, господин Раса, потому что ты мне нравишься и от всего сердца я пожелал бы тебе более счастливой судьбы, – отвечал начальник стражи, который был добрым человеком, а потом добавил: – Возможно, ты чем-то обидел фараона или везира и кто-то из них хочет таким образом избавиться от тебя, – и ушел со своим отрядом.

«Вот весельчак! Квакает, точно лягушка в ночь перед грозой, – думал про себя Хиан. – Но даже если он и прав, что значит моя жизнь перед лицом вечных пирамид?»

И он сел под пальму. Прислонясь спиной к стволу, он разглядывал величественные очертания пирамид, которые прежде видел лишь издали, и, подобно Нефрет, размышлял о могуществе царей, которые их построили. Думал он и о том – и не без удовольствия, потому что любил путешествия и приключения, – какая странная миссия выпала на его долю и как удивительно повернулась его судьба.

«Если вправду царственная дева жива и скрывается в этой Общине и я успешно выполню свою миссию, я лишусь короны; если же ничего не получится, я все равно ее потеряю, ибо мой отец не прощает тех, кто не выполнил его поруче-

ния. По правде говоря, для меня будет всего лучше, если такая царевна вовсе не существует и я не обнаружу никаких ее следов. Но ведь какая-то дева всходит на пирамиды – тот воин, который хотел ее похитить, умирая, поклялся мне, что видел ее собственными глазами. И поклялся также, что она прекрасна, а это доказывает другое: она не царевна, ибо боги не одаривают всем сразу, и царевны не бывают красавицами. И уж конечно, не бегают царевны по пирамидам, а возлежат на своих ложах и объедаются лакомствами. Или, может быть, та, которую видел наш похититель, или ему показалось, что видел, – дух, и если это так, мне уготовано судьбой увидеть ее и потерять рассудок? Однако же эти дети Зари – странный народ, если верить всему, что я о них узнал, да к тому же говорят, они очень добрые, – может, они не убьют меня, даже если догадаются или узнают, что я – царевич Хиан. Зачем им убивать меня, если царевичей так много, их можно делать указом или мановением скипетра».

День выдался очень жаркий, на корабле было слишком много народу, отдохнуть Хиану не пришлось, и теперь, сидя под пальмой и размышляя о превратностях судьбы, он заснул.

А тем временем благочестивый пророк Рои, достойный Тау и царевна Нефрет держали совет в храме.

– Посланец сошел на берег, о пророк, – сказал Тау. – Мне сообщили, что он уже в пальмовой роще.

– А что тебе еще стало известно, Тау? – спросил Рои. –

Если ты что-то знаешь, говори, ибо мне сообщено, что настало время, когда наследница престола Египта, – он показал на Нефрет, – должна принимать участие в наших советах.

– Я понял тебя, о пророк. Так вот, слушайте: один из наших братьев, который служит при дворе царя Апеги – не смотри на меня с таким удивлением, царица, ибо наши братья находятся повсюду – так вот, наш брат сообщил мне тем способом, о котором ты, пророк, знаешь, что дело это очень близко касается той, которую мы почитаем. Скажу коротко: когда четверо гиксосов пытались похитить нашу госпожу, эфиоп Ру допустил оплошность, ибо он убил троих, а четвертому дал убежать, хотя и смертельно ранил его. Этот шакал добрался до Таниса и, прежде чем отправился в преисподнюю, успел сообщить о случившемся. Из его рассказа и разных историй, которых не счесть, царь Апеги заключил, что дитя, которое ускользнуло из его рук в Фивах много лет назад, живет здесь, среди нас, и что это не кто иная, как царица из древнего рода фараонов Египта.

– Однако Апеги не откажешь в проникательности, – заметил Рои.

– Да, он сразу все понял, ему хватило лишь намека, данного везиром Анатом, а тому тоже не откажешь в хитрости, к тому же он скор на решения, – сказал Тау, – и без отлагательств принял такое решение: не убивать ту деву, как замыслил поначалу, а сделать ее своей супругой, пообещав оставить рожденному ею наследнику все царство, и таким

образом, без войн и кровопролития, объединить Верхний и Нижний Египет.

Нефрет хотела что-то сказать, но Рои ее опередил.

– В этом намерении таится большое благо, – сказал он, – ибо объединятся наши земли и многие наши горести и опасности растают, точно утренний туман. Однако, – закончил он со вздохом, – послушаем, что скажет царица Нефрет, которая после церемонии, что свершится сегодня ночью, станет нашей царицей.

– Я скажу, что меня нельзя продать ни за одну, ни за сотню корон, – холодно отвечала Нефрет. – Этот бешеный гиксос Апепи – захватчик, враг нашего народа. Он – вор, укравший половину Египта, который правит силой и обманом. Он, кто по возрасту годится мне в отцы, убил моего отца, фараона Хаперра, и хотел убить меня и мою мать, царицу Риму, дочь царя Вавилона. Ему это не удалось, и теперь он хочет купить меня, хотя даже не видел меня ни разу в жизни, купить, как бедуины покупают кобылу редких кровей, и посадить на трон рядом с собой, лишь бы достичь того, что замыслил. О пророк, я не хочу даже думать о нем! Лучше я брошусь вниз с самой высокой пирамиды и найду себе убежище у Осириса, чем вступлю невестой в его дворец.

– Мы получили ответ, который я предвидел, – сказал Рои, и его старые, совсем истончившиеся губы растянулись в улыбке. – Ответ этот не огорчает меня, ибо будь такой союз заключен, он стал бы нечестивым союзом. Но да будет неве-

дом тебе страх, царевна! Пока наша Община могущественна и сильна, ты в безопасности, мы не отдадим тебя на растерзание волку Апеги. Скажи мне, Тау, это все, о чем тебе стало известно, или царь Севера предлагает нам что-то еще?

– Нет, больше ничего, пророк. Однако думаю, когда его посланец доставит сюда письмо, развернув его, мы прочтем вот что: если египетская царевна не будет отдана ему в жены, он возьмет ее силой, а если это ему не удастся, то убьет, а заодно, нарушив все наши договоры, уничтожит и весь народ Общины Зари – от древних старцев до грудных младенцев.

– Так вот что он замыслил, – сказал Рои. – Что ж, если глупец вытянет спящую змею из ее норы, змея проснется и ужалит его, получит свое и Апеги, пусть только начнет. Когда царская рука потянется в нору и попробует схватить укрывшуюся там смертоносную змею, тогда и решим, что делать дальше. А пока что посол Апеги должен быть принят с тем радушием, которое было ему обещано, и сопровожден из пальмовой рощи в храм. Не хочешь ли ты, царевна, накинуть поверх своих одежд мужской плащ и привести его сюда? Ру и Кемма будут сопровождать тебя, только незаметно. Если ты согласна, отправляйся; ты умна и, быть может, сумеешь еще что-то узнать от него: увидев проводника-юношу, он не станет опасаться ловушки и наверняка разговорится с тобой.

– Охотно исполню твое веление, – отвечала Нефрет, – но только если ты уверен, что они не устроили засаду или какую-нибудь ловушку. Последнее время меня точно в клетку

заперли, приятно будет прогуляться до пальмовой рощи.

– Засады быть не может, – заверил ее Рои. – После того, что случилось недавно у пирамид, мы усилили охрану наших границ; стража проследит каждый твой шаг, хотя ты никого и не заметишь. А потому ничего не бойся. Вызнай все, что сможешь, у этого посланца и доведи его до Сфинкса, там же на глаза ему следует надеть повязку, и пусть его проводят сюда.

– Иду, – засмеявшись, сказала Нефрет. – Завтра меня уже будут называть царицей, и, кто знает, позволят ли мне тогда ходить одной.

В сопровождении Тау, который велел также позвать Ру и Кемму, она прошла в один из покоев, где Тау дал им и ожидавшим там людям наставления. Сделав это, Тау возвратился к Рои и тихо сказал ему следующее:

– Знаешь ли ты, о пророк, кому известно столь многое, как зовут этого посланца и кто он такой?

Обратив на него взгляд, Рои ответил:

– Не важно, как и когда эта мысль посетила меня, но я знаю, что хотя этот человек прибыл к нам под видом придворного писца, имя которого мне не известно, на самом деле он не кто иной, как царевич Хиан, наследник Апепи.

– Так же думаю и я, – сказал Тау, – и у меня есть на то основания. Скажи мне, благочестивый пророк, ведомо ли тебе что-то об этом Хиане?

– Многое, Тау. Наши друзья при дворе Апепи наблюдали

за Хианом с самого его детства и говорят о нем много хорошего. Конечно, есть в его характере и какие-то слабости, но это свойственно молодости. Иной раз он излишне горяч и неосторожен, иначе разве взялся бы он за это дело при таких странных условиях? Говорят также, что и лицом и нравом он больше похож на египтянина, чем на гиксосу; как видно, в нем возобладала кровь матери, и если он и чтит каких-то богов, – в чем я не уверен, ибо он любитель размышлять, – то это египетские боги. Он образован, умен, смел, красив и великодушен; быть может, отчасти мечтатель, ибо ищет того, что невозможно найти в мире, однако главная его дума о том, как помочь Египту залечить раны. Похоже, в нем много достоинств, и скажу тебе прямо: имей я дочь, такого человека я и избрал бы ей в мужа, будь это возможно. Вот что известно мне о царевиче Хиане. Столь ли хороши отзывы и у тебя, Тау?

– Они во всем совпадают с твоими, благочестивый пророк. Одно непонятно мне: почему принял он на себя такое поручение – ведь если он выполнит его успешно, он лишится престола. Я опасаюсь ловушки.

– Думаю, ему хочется повидать как можно больше в мире; к тому же его привлекает наше учение, вот он и захотел увидеть все собственными глазами и услышать собственными ушами. Однако ему еще неизвестно, что найдет он, быть может, больше, чем ищет.

– Потому, пророк, ты и предложил царевне Нефрет по-

встречать его в пальмовой роще?

– Ты угадал, Тау. Когда я сказал, что брак, который предлагает Апеви, имеет много достоинств, я вовсе не имел в виду, что она должна быть брошена в пасть гиксосскому льву, я хотел дать ей понять, что брак с царевичем Хианом принес бы все эти блага. Можно ли представить лучший путь для объединения Египта? Пусть мы достаточно сильны, чтобы победить врага, но мы ненавидим войны и даже во имя объединения наших земель не пошли бы на войну, мы не хотим кровопролития и убийств. Но как же нам этого избежать, если та, которую мы чтим, объявила нам, что она не из тех, кого можно продать или принудить? Лишь ее сердце ведет и повелевает ею, и откликнется она лишь на его зов.

– Девичье сердце скорее потянется к царевичу, нежели к скромному посланнику. Что, если тот, кто ждет под пальмами, не понравится ей?

– Тогда это будет означать, Тау, что нашему замыслу не суждено исполниться и мы должны искать другой путь. Пусть решит Судьба, а пред ней все равны, что царевич, что простой человек. Мы тут бессильны. Слушай же дальше. Этот посланец, кем бы он ни был, явился к нам, чтобы удостовериться в том, о чем знает уже множество людей: он хочет узнать, живет ли здесь, среди нас, дочь и наследница фараона Хеперра. Мы можем открыть ему правду, а можем и отрицать все. Как, ты думаешь, нам поступить?

– Если мы будем отрицать, о благочестивый пророк, он

все равно узнает правду, а нас сочтет за обманщиков и трусов. Если же признаем, что царица Нефрет с нами, он и все, живущие в Египте, будут уважать нас как честных и смелых людей и скажут, что клятва, которую мы принесли богине Истине, – не пустые слова. Чем бы нам это ни грозило, мы сохраним честь и заслужим уважение даже наших врагов. А потому мое слово: признаемся и мужественно встретим испытания, если они нам уготованы.

– Так говорю и я, и Совет Общины, Тау. Сегодня вечером перед посланцами, которые придут со всего Египта и из других стран, в большом храмовом зале Нефрет будет коронована, она станет царицей Египта, и торжество это невозможно скрыть – даже летучие мыши разболтают об этом по всему свету. Мы поступим умно, если пригласим его на это торжество, а он, если захочет, сообщит об этом Апеи. И еще об одном должен он будет сообщить, Тау: возьмет ли коронованная царица себе в мужа Апеи.

– Ответ нам уже известен, о пророк, но тогда... что будет потом?

– Потом – Вавилон. Слушай меня, Тау. Апеи пошлет свое войско, чтобы разгромить нас и пленить царицу, но ему не с кем будет сразиться, некого будет громить, ибо нашей Общине есть где укрыться, – в Египте много гробниц и катакомб, куда не осмелятся ступить воины, царица же в это время будет уже далеко. Если Апеи ищет проклятия, пусть оно падет на него – несметное вавилонское воинство хлынет

на Танис, чтобы исполнить волю покойной царицы Рима и исправить зло, причиненное ее дочери.

– Да свершится воля богов, – сказал Тау, – и пусть тот, кто ищет войны, в ней и погибнет, ибо таков закон Бога и людей.

В длинном плаще с капюшоном Нефрет приближалась к пальмовой роще в сопровождении Ру и Кеммы, которая была очень недовольна.

– В такой-то жаркий день тащиться по солнцепеку – кому только это в голову пришло! – негодовала она. – Вечером у нас большое торжество, и ты, царевна, играешь в нем главную роль. Надо еще приготовить твои одеяния и драгоценности, а мы тут время тратим, какая еще фантазия пришла тебе в голову? Кого ты ищешь?

– Того, кого ищут все женщины, – так ты наставляла меня, Кемма, – мужчину, – смеясь отвечала Нефрет. – Мне кажется, вон в той пальмовой роще прячется мужчина, и я иду, чтобы найти его.

– Мужчина! Мало ли мужчин, что живут поближе к дому, если только гробницы можно назвать домом. Хотя, уж если говорить правду, почти все наши мужчины либо седобородые старцы, жрецы да отшельники, которые думают только о своих душах, либо семейные люди, которые трудятся день напролет, а по ночам им снится, что Нил намоет, нанесет на их поля целую гору ила. Ну вот мы и дошли до рощи, а я не вижу никакого мужчины. Не могу я больше брести по этому

проклятушему песку, вот стоит статуя бога, а может, и какого-то царя, чье имя уже тысячу лет никто не слышит. Но кто бы он ни был – бог или царь, он дарует нам тень, здесь я посижу, и ты сделаешь то же самое, если у тебя есть голова на плечах, а Ру пойдет поищет этого твоего мужчину, хотя когда тот увидит гиганта с огромным топором в руке, боюсь, он пустится наутек.

– Я бы тоже пустилась, – сказала Нефрет, – но все же, Ру, пойдем со мной, ты должен меня охранять.

Войдя в рощу с правой стороны, Нефрет, неслышно ступая, стала переходить от дерева к дереву, приказав Ру незаметно следовать за ней. Вскоре она увидела молодого человека в одежде гиксоса, сидящего под пальмой, рядом с ним лежало несколько свертков, а сам он – вот неожиданность! – крепко спал. Тут Нефрет пришло что-то на ум, и она сказала Ру, чтобы он тихо приблизился, взял свертки и спрятался за статую, где сидела Кемма. А потом, когда она поведет этого молодого человека к Сфинксу, они с Кеммой и с этими свертками должны постараться следовать за ними таким образом, чтобы тот их не заметил.

Захватив свертки, Ру бесшумно удалился; великан, как все эфиопы, умел двигаться совсем бесшумно, этому искусству их обучают с детства, чтобы они могли неслышно выслеживать зверя или преследовать врага. Он исчез со своей ношей за статуей, однако Нефрет знала, что глаз он с нее не спускает и в случае опасности немедленно придет на по-

мощь. Стоя под пальмой напротив, она с интересом разглядывала спящего. Никогда еще она не видела молодого мужчину с таким красивым и одухотворенным лицом – это Нефрет поняла с первого взгляда.

«Если глаза его, которые я сейчас не могу увидеть, столь же красивы, как и остальные черты, он прекрасен. К тому же по его виду можно сказать, что дух владеет его плотью, а не плоть духом», – так размышляла она и вдруг почувствовала какое-то неведомое ей ранее волнение, что-то смутило ее спокойствие и немного испугало, хотя она не могла дать себе отчет, что же произошло.

Нефрет не отводила глаз от Хиана, а он по-прежнему спал. Но вот наконец он встрепенулся, протянул руки, точно ловя уходящий сон, зевнул и открыл глаза.

«Они так же прекрасны, как и все в нем» – сказала себе Нефрет и скользнула за дерево. Глаза Хиана и вправду были прекрасны – большие, карие, чуть грустные глаза.

Хиан вспомнил о свертках с подарками и золотом и стал их искать.

– О, боги, они исчезли! – воскликнул он хоть и встревоженным, но приятным и мягким голосом. – Как это могло случиться, если они лежали у меня под рукой? Видно, правду говорят люди: здесь бродят призраки.

Плотнее запахнувшись в свой длинный плащ, Нефрет выступила из-за пальмы и спросила:

– Ты что-то потерял, господин? И если так, быть может,

я помогу тебе?

– Ты сможешь мне, юноша, если вернешь мои вещи, которые, как я думаю, ты и украл. Но юноша ли ты? – добавил он с сомнением. – Голос у тебя...

– Ломается, господин, – поспешила ответить Нефрет, стараясь говорить хрипло.

– Однако ломается странным образом. Он должен бы становиться грубым, а не девичьим. Но пусть будет так. Возврати мне мои вещи, юноша, иначе, как это ни печально, мне придется убить тебя...

– И тем самым потерять свои вещи, и, быть может, безвозвратно, господин мой.

– Похоже, ты не слишком-то испугался моей угрозы. Скажи мне, кто ты?

– Я твой проводник, господин, и должен сопроводить тебя – если ты и есть посланник Апепи, – туда, где ты должен находиться до того часа, как ты предстанешь перед Советом Общины Зари. Зная, что ты здесь один, и опасаясь, как бы вооруженная стража не напугала тебя, Совет поручил тебя мне, совсем молодому человеку, которого ты не можешь испугаться. Мне велено было найти и проводить тебя.

– Совет принял доброе решение. Однако, молодой человек, где же все-таки те свертки, что мои слуги сложили рядом со мной, прежде чем отправиться в обратный путь?

– Они уже в пути, господин. Как ты только что изволил сказать, место это – обитель призраков, а призраки поспеша-

ют быстрее нас.

– Значит, они могли унести и меня, хоть я и доволен, что они этого не сделали, – мне так весело разговаривать с тобой, юноша. Что же касается моих вещей, надеюсь, ты сказал правду, а если солгал, тогда я убью тебя позже. А если не я, то это сделает сама Община, ибо она лишится дорогих подарков. Что же дальше?

– Изволь следовать за мной, господин.

– Тогда в путь. Веди меня, юноша.

Глава IX. КОРОНАЦИЯ НЕФРЕТ

Они пустились в долгий путь, ибо Нефрет повела Хиана в обход древней статуи, за которой прятались Кемма и Ру.

– Ты живешь здесь? – вскоре спросил ее Хиан.

– Да, господин, здесь, неподалеку, – туманно отвечала Нефрет.

– А могу ли я спросить, чем ты занимаешься, когда не сопровождаешь путешественников, которые столь редки в здешних краях, и не устраиваешь доставку вещей столь необычным образом?

– Да чем угодно, – еще более неопределенно отвечала Нефрет, – но чаще всего меня посылают с разными поручениями.

– С поручениями? И куда же?

– Повсюду. Однако скажи мне, господин, знаком ли ты с пирамидами?

– Совсем нет, друг, я видел их только издалека. Пирамиды, как известно, теперь принадлежат Общине, о которой ты говорил и которой я, такой же посыльный, как и ты, должен передать письмо и подарки. Никто не может приблизиться к пирамидам. Я слышал рассказ о том, какая ужасная смерть настигла здесь недавно несчастных, которые хотели разглядеть пирамиды поближе и увидеть всякие чудеса. Говорят, черный лев прыгнул из-за пирамиды, убил троих и тяжело ра-

нил четвертого, так что он вскоре скончался. Только, может, это был не лев, а один из ваших призраков. Но как бы то ни было, человек этот умер.

– Странная история, господин! Удивительно, что ни о чем подобном мы даже не слышали; правда, живем мы в уединении, и слухи до нас доходят редко. Посмотри сам, как прекрасны пирамиды, как величественно высятся они на фоне неба! Их ясные контуры словно врезаны в небо. И чудится, будто великие мертвые, что покоятся в них, говорят с нами через бездну времен.

– Должен признать, мой юный друг, у тебя очень живое воображение, не часто встретишь такого проводника. И все же не могу с тобой согласиться. Да, эти каменные громады красивы той красотой, которая сокрушает рассудок, хотя горы, изваянные самой природой и увенчанные снежными шапками, какие я видел в Сирии, еще красивее. Но мне эти пирамиды вещают не о могущественных мертвых, чью память они прославляют, а о тысячах преданных забвению несчастных, сгинувших в тяжком труде в те годы, когда возводились эти громады, дабы нашли в них вечное упокоение останки царей и имена их сохранились в людской памяти. Надо ли ценой страданий и гибели множества людей воздвигать такие памятники ради восхищения грядущих поколений?

– Не знаю, господин, такие мысли не приходили мне в голову. Одно я знаю: роду человеческому суждено страдать – так мне было сказано, хотя я и совсем неученый...

– ...юноша, – подсказал Хиан.

– Нет конца этим страданиям, – продолжала Нефрет, словно не расслышала его подсказки, – и никаких воспоминаний, никаких записей не остается от них. Здесь же по крайней мере хоть что-то осталось – прошла уже вечность с тех пор, как те, кто причинял страдания и кто страдал, канули во мрак, а люди все еще восхищаются этими пирамидами и будут восхищаться еще не одно тысячелетие. Страдание во имя высокой цели, страдание, которое принесет плоды, даже если мы не знаем, что это за цель, и никогда не увидим плодов, можно принять с радостью, но пустое, бесплодное страдание – это безводная пустыня, это мука без надежды.

Хиан взглянул на говорившего, вернее, на капюшон его плаща, потому что лица не было видно.

– Как ясно и точно выражена мысль, – заметил он. – Как видно, посыльным тут сообщают глубокие знания.

– Братья нашей Общины – люди ученые, и даже молодым достаются крохи знаний с их пиршественного стола, – конечно, если молодые ищут их, господин... Однако я не знаю твоего имени...

– Моего имени? Ах да – меня зовут писец Раса.

– Вот как? Я потому, наверно, не догадался, что писцы носят при себе свитки папируса и перья, а не копьё, и руки у них совсем другие. Я бы скорее принял тебя за воина или за охотника, а может, и за путешественника, что любит подниматься высоко в горы, ты ведь говорил о них, но уж никак

не за того, кто сидит в жаркой дворцовой комнатке и переписывает древние папирусы.

– Но я к тому же и воин и охотник, – поспешно пояснил Хиан, – а горы я очень люблю, в Сирии я поднимался на высочайшие вершины. Скажу к слову, что слышал я удивительные истории про ваши пирамиды. В Танисе, да и в других местах люди рассказывают, что по ночам, а иной раз и при свете дня по склонам пирамид скользит какой-то дух в женском облике, потому что это не может быть обыкновенная женщина.

– Почему же, писец Раса?

– Потому что, если верить слухам, дух этот – женщина такой чудесной красоты, что от одного взгляда на нее мужчины теряют разум. Да и может ли обыкновенная женщина, подобно ящерице, взбежать на такой высокий и гладкий склон?

– Если ты, господин, и сам умеешь подниматься на горы, ты должен знать, что зачастую не такое уж трудное это дело, как кажется. В здешних местах живет одно семейство, где мужчины из поколения в поколение овладевают этим искусством, днем ли, ночью ли, они могут подняться на самую вершину, – рассказывала Нефрет, уходя от прямого ответа на его вопрос.

– Если я пробуду здесь долго, я попрошу их обучить меня этому искусству, тогда, быть может, и мне посчастливится встретить на вершине эту необыкновенную красавицу и испить из чаши Красоты, пусть я и стану потом безумным. Но

ты не ответил мне. Правда ли, бродит по пирамидам женщина-дух, и если это так, что мне сделать, чтобы увидеть ее? Чего бы я только не отдал, лишь бы увидеть...

– Смотри, писец Раса, – вон там, впереди, Сфинкс, и когда мы подойдем к нему поближе, ты сам поймешь, какой он замечательный. Задай ему свой вопрос; говорят, иной раз, если ему понравится тот, кто спрашивает, он разгадывает всякие загадки, хотя сам я и не сумел исторгнуть ни одного ответа из этих каменных уст.

– Вот как? Огорчительно мне это слышать, ибо я хотел бы разгадать немало загадок, и одна из них – кто мой проводник, скрывающийся под длинным плащом, – столь юный и столь ученый?

– Тогда, писец Раса, ты должен отложить разгадки до другого часа – пред тем, как задавать Сфинксу загадки, надо совершить положенные молитвы и обряды. А теперь, с твоего позволения, я должен завязать тебе глаза, – так мне было приказано сделать, ибо мы вступаем в святую обитель Общины Зари, тайны которой не дано узнать ни одному чужезланцу. Прошу тебя, стань на колени, потому что ты очень высокий, писец Раса, и я не дотянусь до твоей головы.

– Что ж, стану и на колени, – отвечал Хиан. – Сначала у меня похитили вещи, затем задали столько загадок, что у меня голова закружилась от любопытства, теперь же еще и завязывают глаза, и быть может, мой юный проводник, – из-за которого я, между прочим, совсем потерял голову, словно

она-то и есть тот самый Дух пирамид, – сейчас отрубит мне голову; но все же я преклоняю колени. Завязывай.

– Почему ты, обращаясь к бедному юноше, который зарабатывает себе на хлеб нелегкой работой, говоришь «она», а также склонен видеть в нем вора или даже убийцу и сравниваешь его с Духом пирамид, писец Раса? Будь так добр, не поворачивай головы и не пытайся больше заглянуть через плечо, как ты уже делал, потому что я могу повредить тебе глаза. Устрями взгляд на Сфинкса, что прямо перед тобой, и припомни все загадки, что ты хотел задать этому божеству. Вот так, я начинаю.

И Нефрет проворными мягкими движениями обвязала ему голову душистым шелковым платком, который был еще теплым, потому что хранился у нее на груди.

– Готово. Ты можешь встать, – сказала она.

– Сначала я осмелюсь ответить на твой вопрос, потому, что не можешь ведь ты гневаться на ослепленного. Я казал «она», потому что, когда мы шли, я на минуту забыл твой запрет и случайно взглянул вниз, вместо того чтобы смотреть вверх, и увидел твои руки – руки женщины; к тому же ты носишь на пальце старинный перстень с печатью, а когда ты склонилась надо мной, из-под капюшона выскользнул длинный локон...

– Кемма! – прервала его Нефрет. – Все, что мне было приказано сделать, исполнено, а теперь я пойду за тем, что мне причитается. Прошу тебя, проводи этого писца или послан-

да к благочестивому пророку Рои, и пусть человек, что стоит возле тебя, отдаст ему вещи, чтобы он пересчитал их, потому что всю дорогу он обвинял меня в том, что я украл их.

Тот, кто назвался писцом Расой, сидел перед пророком Рои, жрецом Тау и другими старейшинами Общины Зари, одетыми в белые одеяния.

Речь держал Рои.

– Мы прочли послание, которое доставил ты нам, о писец Раса, от Апепи, царя гиксосов, что правит в Танисе, на земле Египта. Если сказать коротко, в нем изложены два вопроса и одна угроза. Вопрос первый: правда ли, что Нефрет, египетская царица, дочь и наследница фараона Хеперра, который пребывает сейчас в царстве Осириса, куда отправило его копье Апепи, и Римы, дочери царя Вавилона, живет среди нас? Ответом на этот вопрос будет тебе та церемония, которая состоится сегодня вечером. Вопрос второй: станет ли дочь царя Хеперра, если она еще видит Солнце, супругой Апепи, царя гиксосов, как он того требует. На этот вопрос Ее Величество Нефрет, если она жива и находится среди нас, даст ответ сама, обдумав его, ибо то будет ответ царицы Египта, а царица Египта выбирает себе в супруги, кого захочет.

Затем следует угроза: если та, которую мы почитаем, отвергнет это предложение, Апепи, царь гиксосов, нарушив все договоры, которые были заключены его предками и им самим с нашим древним Братством детей Зари, отомстит

нам, стерев нас с лица земли. На это мы ответим сразу же, а затем повторим письменно, что мы не боимся Аепи, и если он пойдет на нас войной, камни Великих пирамид – всего лишь пушинки по сравнению с проклятьем Небес, что обрушится на предателя.

Передай Аепи, о посол, что мы, живущие здесь в уединении и отправляющие свои скромные ритуалы, мы, кто не имеет войска и ни разу ни на кого не поднял меча, если только не требовалось защитить свою жизнь, все же сильнее, чем он и любой из царей, живущих на земле. Мы не бьемся в битвах, как бьются друг с другом цари, воинство наше невидимо глазу, – ибо это сила божия. Пусть нападает на нас Аепи – одни лишь могилы, населенные мертвыми, найдет он здесь. Тогда пусть приложит он ухо к земле и прислушается к тяжелой поступи бесчисленного воинства, которое сотрет его с лица земли. Таков наш ответ Аепи, царю гиксосов.

– Я выслушал все, – почтительно поклонившись, сказал Хиан, – и рад был узнать, о пророк, что вы напишете все это в послании, иначе царь Аепи, что отличается крутым нравом и не любит, когда ему говорят суровые слова, может лишиться головы того, кто произнесет их перед ним. А также прошу помнить, о благочестивый пророк и советники, что я, писец Раса, всего лишь человек, которому приказано вручить вам послание и доставить затем ваш ответ, а также по возможности кое-что узнать. Что же касается договоров между царями гиксосов и вашей Общиной, то о них я ничего не знаю, и

мне не велено было обсуждать эти договоры. Об угрозах вам и о том, чем эти угрозы могут обернуться, я также не был извещен, хотя догадывался, что может случиться. И потому прошу вас уделить этому время и изложить в послании все подробно. Для себя же прошу: обеспечьте мне безопасность на то время, что я буду находиться в вашей Общине, и разрешите свободно ходить по вашей земле; скажу откровенно, ваши величественные гробницы напоминают мне тюрьмы, и мне странно, когда вы завязываете мне глаза, ибо я посол, а не лазутчик, которому поручено вызнать ваши тайны.

Рои бросил на него пытливый взгляд, затем сказал:

– Если ты поклянешься перед нами, что никому не станешь рассказывать о том, что увидишь здесь, и не откроешь никому наши нехитрые тайны, которые не касаются твоего посольства, а также в том, что не попытаешься скрыться от нас, пока не придет должное время и мы не напишем ответ царю Апепи, мы, со своей стороны, предоставим тебе полную свободу, и ты будешь жить среди нас и ходить, куда захочешь, о посланец, который сообщил нам, что имя его Раса и что он – царский писец. Мы жалуем тебе такое право, ибо наделены проницательностью, и потому знаем, что ты человек честный, хотя, быть может, и получил приказание путешествовать под иным именем, чем то, под которым ты известен при дворе царя Апепи; ведомо нам и то, что ты не таишь против нас, ни в чем не повинных людей, никакого зла.

– Благодарю тебя, пророк, – ответил с поклоном Хиан, – и

с полной охотой даю клятву выполнить все твои требования. Теперь же позволь мне, как мне было поручено, принести дары вашим богам во искупление зла, что было нанесено вам недавно четырьмя злодеями.

– Наш бог, писец Раса, царит над всеми богами, что правят землей, мы зрим его меж звезд небесных, но не подносим ему никаких даров, лишь души наши отданы ему. И сами мы тоже не принимаем дары, ибо служим друг другу в нашем Братстве и не нуждаемся в золоте. А потому, посол, сделай милость, унеси эти дары обратно и проси царя гиксов отдать их вдовам и детям тех, кто, как мы полагаем, выполняя приказ царя, тайно проникли на нашу землю и хотели совершить насилие над нашей сестрой, а также выведать наши секреты, что и навлекло на них смерть.

– Хотел бы я узнать, кто этот ваш бог, что царит над всеми богами. Если то не воспрещают ваши установления, прошу тебя, о святейший пророк, наставить меня в знаниях о нем и рассказать про обряды и моления, ему возносимые, поскольку я жажду познать Истину.

– Если будет на то время, мы поведаем тебе о нашей вере, – ответил Рои.

– Что же касается даров, – продолжал Хиан, отвесив низкий поклон в знак благодарности за обещание, – мне нечего сказать в ответ, прошу лишь не поручать мне это дело, а самому возратить их, сопроводив особым посланием. Ты, о пророк, прожив на свете немало лет и преисполнившись

мудрости, конечно же, заметил, что великие цари не любят, когда их дары возвращают им, говоря при этом слова, которые сказал ты; когда же такое случается, они склонны винить во всем того, кому велено было поднести их.

Улыбка тронула уста Рои; ничего не ответив на просьбу Хиана, он продолжал:

– Мы приглашаем тебя сегодня ночью на церемонию, пи-сец Раса. А теперь ты можешь удалиться в отведенные покои, где тебе будет подана еда и где ты сможешь отдохнуть до назначенного часа, если, конечно, ты изъявишь желание присутствовать на нашем торжестве.

– Можно ли в этом сомневаться? – отвечал Хиан, и служитель вывел его из зала Совета.

Близилась полночь. Хиан, облачившись в праздничные одеяния, какие в подобных случаях надевают писцы, лежал на постели в своем покое, раздумывая над тем, в какое странное место забросила его судьба и какие странные люди его населяют. Мысли его обращались к величавому старцу с орлиным взором и его почтенным советникам, собравшимся в подземном храме; раздумывал он и о том, в честь чего назначена церемония, на которую его пригласили, – если только о нем не позабыли и он дождетя, когда за ним придут. Думал о том, как его отец, Апепи, примет гордый ответ этих отшельников; об улыбке могучего Сфинкса, которого он увидел сегодня впервые, и о многом другом.

Однако более всего мысли его занимал проводник, что вывел его из пальмовой рощи, а потом завязал ему глаза. Без сомнения, то была женщина, вернее, юная девушка – у нее такие прекрасные волосы и красивые маленькие руки, а на пальце – царский перстень. Вот и все, что он о ней знал; на самом деле она могла оказаться уродкой, а перстень, быть может, нашла или украла. Но одно было неоспоримо: пусть она простая женщина с ничем не примечательным лицом, ум ее никак не назовешь заурядным. Ни одна крестьянская девушка, сколько бы ее не обучали, не выскажет таких высоких мыслей, облачив их к тому же в столь ученые слова. Как хотелось ему увидеть своего проводника без длинного плаща и капюшона и открыть тайну той, у кого был такой приятный голос.

Тут раздумья его были прерваны: кто-то густым басом спрашивал его разрешения войти, которое он и дал. Хиан поднялся с постели: в тусклом свете светильника перед ним возник чернокожий великан с огромным топором в руке – таких великанов Хиан еще не встречал.

– Прошу, скажи мне, кто ты и что ты хочешь со мной сделать? – спросил Хиан, протирая глаза, потому что ему показалось, что все это ему снится.

– Я твой проводник, – сказал гигант, – и пришел, чтобы отвести тебя на церемонию.

– Великий Сет, еще один проводник! Но до чего непохож на первого! – воскликнул Хиан, подумав при этом: «Уж не

казнь ли моя – эта церемония? Этот гигант с топором куда как подходит для такого дела. Или он – еще один призрак, что рыщет по пирамидам?»

Хиан снова обратился к Ру, потому что это был он.

– Достопочтимый господин Великан, живущий на земле, или дух, обитающий в подземном мире, ибо мне неизвестно, кто ты, – сказал он, – я не испытываю ни малейшего желания отправиться куда-то вместе с тобой. Я очень устал и предпочитаю остаться там, где нахожусь. Доброй ночи тебе, господин.

– Почтенный посол, или писец, или переодетый царевич, или воин, – вот уж в этом-то меня не обманешь: у тебя вид воина, и шрамы тебе не стило писца нанесло, – как бы ты ни устал, не можешь ты остаться в постели. Мне повелели доставить тебя в другое место. Пойдешь ты сам или мне отнести тебя, как я нес твою поклажу?

– Ах, так, значит, это ты украл мои свертки, а вести меня через пески предоставил сладкоречивой девчонке.

– Девчонке! – взревел Ру. – Девчонке... – И он взмахнул топором.

– Что ты, что ты, друг! Но кто же она? Не мужчина – в этом я могу поклясться, а ничего среднего между мужчиной и женщиной нет. Прошу тебя, скажи, кто она, – я сгораю от любопытства. Садись, друг, а то с твоим ростом тут не выпрямишься, выпьем с тобой вина. Однако ваши братья неплохие виноделы. Такого вина я не пробовал даже... на

царских пиршествах. Выпей же!

Ру взял кубок, который ему протянул Хиан, и осушил его.

– Благодарю тебя, – сказал он. – Вот почему плохо жить с этими отшельниками – они одну воду пьют, хотя у них и такого питья немало припрятано в какой-нибудь гробнице. А теперь пойдём – я тебе уже сказал: мне велено...

– Да, ты сказал, что велено, дружище великан. Но кто велел тебе?

– Она ве... – начал было Ру и умолк.

– Она? Кто – она? Ты говоришь о девушке, которая вела меня сюда и завязала мне глаза? Не спеши, друг. Выпей еще кубок этого прекрасного вина.

Ру выпил и снова сел.

– Ты почти отгадал, но мой рот на замке, – сказал он. – Пойдем, царевич.

– Царевич? – удивленно вскричал Хиан, всплеснув руками. – Мой друг великан, похоже, вино уже ударило тебе в голову. Что ты хочешь сказать?

– То, что сказал, хотя и не должен был говорить. Разве тебе не известно, царевич, что жители этих гробниц – чародеи и волшебники, они знают все на свете, хотя и делают вид, что не знают ничего? Думают небось: вот глупый эфиоп, только и умеет, что махать своей секирой. Может, так оно и есть, только уши-то у меня на месте, и слышу я хорошо – вот так я узнал, что ты царевич, а также воин, как и я сам, хотя тебе почему-то захотелось притворяться, что ты писец. Но я

никому про эту свою догадку даже и словом не обмолвился, даже самой... а-а, это я про то. Будь уверен – она ничего не знает. Думает, все ты сидишь да переписываешь всякие там папирусы. И хватит об этом, теперь молчок. Пойдем же, а то опоздаем. А потом ты расскажешь мне, какие войны идут сейчас в Египте, потому что, живя тут, я совсем ничего не слышу ни про какие войны, я стал нянькой, а ведь был воином.

И, схватив Хиана за руку, Ру потащил его по темным галереям. Но вот в конце одной из них замерцал свет, и они вошли в огромный дворцовый зал. Под самым потолком его протянулся ряд окон, через них внутрь вливался лунный свет. Тут собралось множество людей; мужчины то или женщины, Хиан не мог разглядеть, потому что все они были в длинных белых одеяниях и лица их были закрыты. Точно белые призраки. В глубине зала, на возвышении, освещенном светом лампад, также в белых одеяниях, но с открытыми лицами, сидели члены Совета Общины Зари. В центре этого полукруга помещался наполовину скрытый занавесом алебастровый алтарь, перед ним стояло кресло с подлокотниками, украшенными головами сфинксов. Когда Хиан вошел, в зале царила тишина – казалось, его прихода ожидали.

– Мы опоздали, – прошептал Ру и повлек Хиана к боковому нефу; собравшиеся поворачивали головы, когда Хиан проходил мимо, – сквозь прорези покрывал на лицах он видел обращенные к нему глаза.

Они подошли к креслу, помещавшемуся перед возвышением, но на некотором расстоянии от него, так что Хиан мог хорошо видеть все, что происходит на возвышении. Ру усадил своего подопечного, шепнув ему, чтобы он не вздумал куда-нибудь уйти. Затем он поспешно удалился и вскоре появился на возвышении, где встал по левую сторону от алтаря, по правую сторону которого уже стояла седовласая статная Кемма.

– Закройте вход и выставите стражу, – произнес Рои, и по движению в глубине зала Хиан понял, что приказание верховного жреца исполнено. Затем Рои поднялся со своего кресла и начал говорить: – Братья и старейшины священной, древней и могущественной Общины Зари, Совет которой нашел теперь пристанище среди гробниц и пирамид, охраняемых великим Сфинксом, образом восходящего солнца, слушайте меня, пророка Рои. Вы пришли отовсюду, из всех номов и городов Египта, из Тира и Вавилона, из Ниневии, из Сирии и с Кипра и многих других заморских стран; вы были избраны в этих городах и странах теми, кто зажигает в сердцах людей свет и наставляет их в истине и добре, дабы сбросить притеснителей наших всеми праведными действиями и объединить мир воедино в служении Всевышнему Духу, которому мы поклоняемся и кому служат все боги.

Отчего были призваны вы из дальних мест? Я скажу вам: чтобы принять участие в коронации царицы Египта, законной наследницы древних царей, которые не одно тысяче-

тие правила Египтом, введенной недавно в нашу Общину Зари, давшей обет служить ей верой и правдой и исполнять ее обряды, дочери царя Хеперра и царицы Римы из рода царей Вавилонских, призванных теперь Осирисом. Мы, Совет Общины Зари, где царица нашла убежище с младенческих лет, клятвенно утверждаем, что та, что сейчас появится перед вами, не кто иная, как Нефрет, египетская царица, дочь и единственная наследница Хеперра и Римы. Почтенная Кемма, ее воспитательница, что стоит сейчас перед вами, может это удостоверить, ибо она присутствовала при ее рождении и была с ней рядом вплоть до этого часа. Верите ли вы нам, советники и старейшины Общины, или требуете дальнейших доказательств?

– Верим, – в один голос отвечали присутствующие.

– Тогда пусть Нефрет, египетская царица и законная наследница египетских цариц, правивших Верхним и Нижним Египтом, явится пред вами.

При этих словах занавес перед алебастровым алтарем раздвинулся, и собравшимся предстала Нефрет. Так прекрасна была она в царственном одеянии, на котором сверкали и переливались инситнии и драгоценности древних цариц, так величава и стройна, что зал ахнул от восхищения; Хиан замер, не сводя с нее изумленного взгляда, и сердце горячо забилось у него в груди.

Нефрет стояла у алтаря совершенно неподвижно, так что он вдруг усомнился, земная ли она женщина? Быть может,

это сама богиня любви Хатор или статуя, которую кто-то искусно нарядил в роскошные одежды? Но тут его сомнения рассеялись: о чудо, – она улыбнулась! – затем отошла от алтаря и была проведена к резному трону. Она опустилась на него, и все присутствовавшие в храме, а вместе со всеми и Хиан, трижды поклонились ей, и она трижды поклонилась в ответ. Затем к трону подошел Рои и обратился к ней с такими словами:

– Царевна Египта, – сказал он, – здесь собрались честные и чистые сердцем люди из многих стран и земель, чтобы в их присутствии ты была помазана и провозглашена царицей Египта. Не так и не в таком месте следовало бы совершать этот святой обряд, но мы переживаем трудные и опасные времена: чужестранный царь захватил половину наших земель и выставил на границах вооруженную стражу. Вот почему тайно, в полночный час, на этой земле, где одни лишь гробницы и призраки, а не под ярким солнцем в присутствии множества людей в Мемфисе или Фивах примет твоя рука скипетр и корона Египта увенчает твою голову. Но знай, что вскоре от нильских порогов до моря и за морем, да и при дворе самого царя гиксосов, разнесется новость, что в Египте снова есть царица. Принимаешь ли ты верховную власть, как бы ни тяжела была эта ноша и какие бы она ни несла с собой опасности?

– Принимаю, – произнесла Нефрет приятным ясным голосом, и Хиану показалось, что он уже слышал где-то этот

голос. – Недостойная, я принимаю то, чего не домогалась и не желала, но что досталось мне по праву крови. Опасностей я не боюсь, не страшусь и тяжести этой ноши, ибо сила, что привела меня к этому трону, охранит меня.

По залу пробежал ропот одобрения, – Хиан тоже безотчетно произнес восторженные слова, – и когда шум стих, Рои поднял алебастровую чашу, наполненную маслом и, окунув в нее палец, прочертил на лбу Нефрет какой-то знак. Вперед выступила Кемма и подала Рои золотой венец с царским урем и скипетр из слоновой кости, украшенный драгоценными камнями. Венец Рои надел Нефрет на голову, а скипетр вложил в ее правую руку. Затем он опустился перед ней на одно колено и сказал:

– Именем духа, что правит миром, я, убеленный сединами Рои, сын твоего почтенного предка, всемогущим духом определенный быть вашим пророком, пред этим собранием братьев и слуг Общины Зари совершаю помазание и объявляю тебя, Нефрет, царевну Египта, лучшую из сестер Общины Зари, достигшую совершеннолетия, по священному праву рождения царицей Верхних и Нижних земель, и да снизойдет на тебя благословение святого духа. Пусть не имеешь ты пока что царского двора и войска и твои права незаконно присвоены другим, однако знай, о царица, что в сердцах своих бесчисленное множество людей признают тебя своей повелительницей, и если увидишь ты где-то, что сошлись поговорить пятеро, знай, что трое из них – твои верные слуги, хотя

и держат это в тайне. Будущее нам неведомо, ибо скрыто от людей, но мы верим, что впереди тебя ожидает много радостей и что придет время – и корона, которой мы увенчали тебя сейчас тайно, засияет открыто пред взорами великого множества людей, населяющих этот мир. От имени Египта и Общины Зари клянемся служить тебе верой и правдой.

Он преклонил колени и коснулся губами руки коронованной царицы, а все присутствующие простерлись ниц.

Нефрет подняла скипетр в знак того, что Рои и все остальные должны подняться. Затем сама она сошла с трона.

– Что мне сказать достойнейшим и почтенным моим соотечественникам, собравшимся здесь для того, чтобы оказать мне великую честь и ради блага Египта возложить на меня, столь молодую и неумудренную, корону царицы Египта? – начала она. – Только одно могу я сказать: что клянусь жить и умереть ради Египта. Мне открыли, что, когда я родилась, египетские богини явились во сне моей матери и сообщили ей, что мне будет даровано звание Объединительницы земель. Да сбудется этот сон! Пусть я воистину стану объединительницей Верхних и Нижних земель, и когда настанет мне время отправляться к своим праотцам, оставлю Египет единым и великим. Об этом я молюсь. Благодарю вас всех и отпускаю.

– Еще не время, о царица, – сказал Рои. – Ответ сначала на один вопрос. К нам прибыл посланник от царя гиксосов, что держит свой двор в Танисе, с посланиями, которые зав-

тра должны быть рассмотрены тобой в Совете. Но есть среди них одно послание, на которое, как мы решили, ответ должен быть дан сейчас и здесь, перед всеми собравшимися и перед посланником – вот он сидит перед тобой. Царь Апеги, будучи вдов, просит руки Твоего Величества, он хочет взять тебя в жены и дает обещание, что дети и внуки твои станут царями всего Египта. Что ответит на это Твое Величество?

Не сразу заговорила Нефрет – она молчала, плотно сжав губы, точно удерживала готовые сорваться с уст опрометчивые слова. Затем ответила:

– Благодарю царя Апеги, но дело это столь важное для всего Египта и царицы египетской, что мне надлежит рассмотреть его вместе с моими советниками, а потому прошу посла царя Апеги, – тут Нефрет бросила быстрый взгляд на Хиана, – милостиво принять гостеприимство в нашем тайном убежище до следующей полной луны, что поднимется над пирамидами; я же тем временем обдумую все сама и спрошу совета у тех, кто теперь пребывает в дольном мире. К царю Апеги отправят гонцов, чтобы объяснить, почему задерживается с возвращением его посол. Если же посол царя Апеги захочет сам без промедления сообщить об этом моем решении своему повелителю, пусть поступит так.

Поднявшись с места, Хиан низко поклонился царице и отвечал:

– Нет, госпожа и Совет Общины Зари, этого делать я не хочу. Мне, писцу Расе, было велено самолично доставить от-

вет на все те вопросы, что изложены в посланиях, а потому я останусь здесь, пока ответы эти не будут мне даны. Если же вы сейчас хотите направить сообщение царю Апеви, не в моей власти указывать вам, как поступить. Делайте, как считаете нужным.

– Пусть будет так, – сказала Нефрет.

Она поклонилась всем и, сопровождаемая Кеммой и членами Совета, скрылась за занавесом.

Так закончилась полночная коронация Нефрет, которая стала царицей Египта.

Глава X. ПОСЛАНИЕ

Наутро Хиан проснулся поздно – слишком он устал накануне, да и всю ночь сновидения сменяли одно другое. Сны были такие диковинные, что он не мог их ясно припомнить; ему грезились пирамиды, люди с закрытыми легкой белой тканью лицами, черный великан с огромным топором в руке и пальмы, где веял ласковый ветерок, который вдруг зазвучал женским голосом, очень похожим на голос проводника, что вел его по пальмовой роще; а потом тот же голос оказался у царственной особы, восседавшей на троне в храмовом зале. Но – увы! – он не мог понять о чем вещал этот голос, и, сердясь, повернулся к черному великану с топором в руке и спросил, что все это значит. Черный же великан вдруг чудесным образом обратился в Сфинкса, возлежащего над песками, а он, Хиан, стоял перед грозным изваянием, устремив пристальный взгляд на его недвижимый лик. Сфинкс же глядел на него. И вдруг каменные губы раздвинулись, и Сфинкс заговорил. Голос его был подобен дальнему раскату грома.

– Что ты хочешь узнать у меня, древнейшего из древних? – прокатился над пустыней рокочущий голос.

Хиан совсем перепугался и в смятении отвечал:

– Я хотел узнать, как давно ты был изваян и что видел на своем веку, о Сфинкс.

– Миллионы лет тому назад во чреве огня обрел я форму

и в муках рождения был исторгнут в сей мир, – был ответ каменных уст. – Миллионы и миллионы лет лежал я в глубине вод и ширился и рос во мраке. Потом воды отступили, и вот я стал горой, вершина которой поднялась над лесом. Громадные твари лазали по моим бокам и рычали в тумане, одни твари сменяли других и так продолжалось тысячелетия. Туман рассеялся, и я увидел солнце, огромный пылающий красный шар, – день за днем он поднимался надо мной. От страшного жара, что исходил от него, леса иссохли и сгорели в огне. На их месте появились пески, задули сильные ветры – они обтесали меня, они-то и изваяли из меня льва. У ног моих потекла река Нил. Вместо тварей ползающих, которых уже не стало, в моей тени прятались теперь иные звери; они рыскали вокруг в поисках добычи, дрались, соединялись и рождали потомство.

Миновали еще миллионы лет, и явились другие животные, покрытые шерстью; они бегали на двух ногах и болтали без умолку. Но и они исчезли, и тогда стали появляться люди, кожа на которых была то одного цвета, то другого. Мужчины все время сражались из-за пищи и из-за женщин, убивали друг друга камнями и пожирали один другого, жаря мясо сначала в жарких лучах солнца, потом на огне, который они научились высекать.

И это прошло, и появились другие люди, они носили на себе звериные шкуры и убивали свои жертвы стрелами с кремневыми наконечниками и копьями. Ты можешь найти их мо-

гилы, покрытые плоскими камнями, вон на той скале. Те люди боготворили солнце и меня, потому что на меня падали солнечные лучи на закате. Так я впервые стал богом. И снова разразилась война, и все мои почитатели погибли; мужчины и женщины и их светловолосые дети – все были убиты. Но их смуглокожие победители тоже поклонялись солнцу и мне. К тому же они были ваятелями; острыми резцами они придали моему лицу и туловищу такой вид, какой они имеют сейчас. А потом они возвели пирамиды и соорудили гробницы и положили туда своих царей и цариц на вечный покой. Я наблюдал, как они приходили и уходили – одно поколение за другим, но вот и они исчезли; остались лишь их жрецы в белых одеяниях, что и до сих пор обитают среди руин их храмов. Вот моя история, о человек, которая еще только началась, ибо когда уйдут в прошлое все боги и не будет ни мне, ни им никаких приношений, я, забытый, но существовавший с начала начал, пребуду до самого конца. Об этом хотел ты спросить меня?

– Нет, о Сфинкс, не об этом. Скажи, как зовется то дуновение среди пальм, что звучит подобно голосу женщины? Откуда оно является и куда уходит?

– Этот ветер, о Человек, веет с рождения мира и будет веять до самой его гибели. Его насылает бог, и к богу он возвращается; и на небесах и на земле имя ему – Любовь.

Хиан хотел спросить еще о многом, но не смог, потому что сон вдруг исчез; он открыл глаза, и перед ним предстал

не величественный и суровый лик Сфинкса, а эбеновое лицо великана Ру.

– Что такое любовь, Ру? – зевая, спросил он.

– Любовь? – с удивлением переспросил Ру. – Что я могу знать о любви? У любви столько ликов: любовь мужчины к женщине и женщины к мужчине – это проклятие и безумие, ее насылает Сет, чтобы мучить все живое; есть любовь царей к власти – от этой любви рождаются войны; любовь торговцев к богатству – от нее происходят жадность и бедность; ученых – к мудрости, а эту птицу не ухватишь за хвост; матери к своему ребенку – это святая любовь; и наконец любовь раба к своему господину или госпоже – ее-то я только и знаю. Спросил бы ты лучше пророка Рои; но про ту любовь он, наверно, позабыл; ему осталась одна лишь любовь – к богам да к смерти.

– Про самую первую любовь, что ты назвал, хотел бы я узнать, Ру, а о ней, наверно, Рои ничего не скажет, потому что он, – ты верно догадался, – забыл про нее. Кого же спросить мне?

– Спроси первую девушку, что ты повстречаешь, когда луна поднимется над водами Нила. Может быть, она скажет, господин. А если тебе, такому благородному господину, ответ ее покажется нелепым, попробуй спросить ту, кого ты видел этой ночью сидящей на троне, – она так мудра, что может быть, знает и про ту любовь. А теперь поднимись, пожалуйста, с ложа, потому что тебя ждет Совет; только, ду-

маю, речь там пойдет не о любви.

Часом позже Хиан стоял перед Рои и Советом.

– Писец Раса, – обратился к нему пророк, ибо хоть Ру, сам того не желая, своими обмолвками открыл Хиану, что его истинное имя известно Общине, Рои не называл его царевичем Хианом, – вот письмо, в котором изложены наши ответы на послание царя Апепи; они таковы, как мы уже сообщили тебе. Что до предложения царя наследной царевне, которая прошедшей ночью, как ты сам видел, была коронована и стала царицей Египта, мы, кроме уже сказанного, можем сообщить тебе, посланцу царя Апепи, лишь одно: ответ ты услышишь из уст самой царицы в ночь, когда поднимется полная луна, следующая, если вести счет с ночи коронации; чтобы обдумать такое важное дело, необходимо время. Мы предлагаем тебе вместе с нашим письмом отправить и твое собственное, где ты можешь сообщить обо всем, что слышал и видел здесь; наш гонец доставит его твоему повелителю, царю, что сидит в Танисе.

– Пусть так и будет, – отвечал Хиан, – хотя я не могу предсказать, что случится, когда послание мое дойдет до царя Апепи. Хочу еще удостовериться: по-прежнему желаете вы, чтобы я прожил среди вас до полнолуния, и можно ли мне свободно передвигаться в пределах вашей земли?

– Таково желание царицы Нефрет и наше, ее советников, писец Раса. Если только ты сам не желаешь покинуть нас

тотчас же.

– Этого я не желаю, пророк.

– Тогда оставайся с нами, писец Раса, но помни о клятве, которую ты дал: ты не выдашь наших тайн, не расскажешь никому о наших убежищах, а также о нашем учении и наших людях и обо всем прочем, исключая лишь то, что касается дела, тебе порученного.

– Я буду помнить об этом, – с поклоном ответил Хиан.

Хиан помедлил немного, затеяв разговор с досточтимым Тау и другими членами Совета, ибо надеялся, что явится Нефрет и примет участие в их беседе. Но она так и не появилась, и в конце концов ему пришлось уйти; Ру проводил его до отведенного ему покоя.

– Сейчас я должен составить письмо, мой друг великан, – сказал Хиан, – письмо, которое может навлечь на меня гибель. Но об этом я узнаю еще не скоро, не раньше чем через месяц, а пока что, когда закончу его, я хотел бы осмотреть пирамиды и другие здешние чудеса. Моим проводником вчера был юноша, который показался мне очень сведущим. Прошу тебя, отыщи его, я щедро заплачу ему, чтобы он и впредь сопровождал меня.

Ру покачал своей огромной головой.

– Это невозможно, мой господин, – сказал он. – Юноша этот слоняется повсюду, может, стоит сейчас у каких-нибудь ворот и ждет, когда ему повезет и он добудет себе пропитание; не дождется никого у одних ворот, уйдет к другим – ищи

его свищи. Сегодня я нигде его не видал, да и имени его не знаю, а то спросил бы, куда он делся.

– Ну что же, пусть так, – ответил Хиан. – Надеюсь, ты простишь меня, дружище Ру, если я похваляю тебя за честность – лжешь ты не очень-то складно. А теперь дай, пожалуйста, совет, как мне найти другого проводника?

– Очень просто, мой господин. Когда ты кончишь свое письмо, выгляни за дверь и хлопни в ладоши. Здесь всегда кто-то слушает и наблюдает, и он тут же позовет меня.

– А вот этому я верю. У меня такое чувство, что здесь сами стены слушают и наблюдают.

– Они и слушают, – простодушно ответил Ру и удалился.

Хиан написал письмо. Хоть оно и было коротким, а писцом он был искусным, оно отняло у него много времени, так как он не был уверен, о чем надо сказать, а о чем умолчать. В конце концов он написал следующее:

«От писца Расы Его Величеству царю Апепи, благому богу.

Как мне было велено, я, писец Раса, пришел туда, где среди руин храмов и гробниц, под сенью Великих пирамид обитает Община Зари, и принят был пророком Рои и Советом Общины той. Я передал послание Твоего Величества Совету, а также дары, которые Твое Величество соблаговолил послать, но дары они отклонили, ибо вера их не позволяет принимать ценные дары. Нефрет, дочь Хеперра, царя, некогда

правившего Югом, как я узнал, живет здесь, во владениях Общины Зари. Прошлой ночью при большом стечении людей, собравшихся, как мне сказано было, из многих стран, царевну эту торжественно короновали, назвавши царицей всего Египта; я был на торжестве том и видел все собственными глазами. Совет Общины Зари вместе с моим шлет тебе собственное послание, которое мне не показали. Что же касается предложения Твоего Величества о браке, то Нефрет, сидя на троне и говоря со мной как царица, объявила, что должна все обдумать и ответ твоему Величеству даст, когда наступит следующее полнолуние; до той поры я должен оставаться у них и терпеливо ждать. А посему, не имея выбора, я пребываю тут, дабы исполнить повеление твоего Величества, в назначенный же день я получу ответ госпожи Нефрет и затем доставлю его тебе, хотя еще не знаю, в письме или на словах.

Скреплено печатью посла Твоего Величества, писец Ра-са».

Переписав и свернув письмо, Хиан предался раздумьям, пытаясь предугадать, что Апепи скажет и сделает, прочитав его послание и то, что отправят вместе с ним; затем он отдал всех кушаний, которые принесли ему, а окончив трапезу, подошел к двери и, как ему было сказано, хлопнул в ладоши. Тут же из темной ниши галереи выступил Ру, сопровождаемый человеком, одетым в белое, в котором Хиан признал одного из членов Совета. Ему он и отдал свое письмо, чтобы

его доставили в Танис царю Апеги, вместе с посланцем Совета. Когда советник удалился, Ру провел Хиана через большой зал, где совершалась коронация Нефрет, а сейчас не было ни души, и через потайную дверь вывел в пустыню.

– Куда же исчезли все те, кого я видел прошлой ночью? – обратился с вопросом Хиан.

– Куда исчезают летучие мыши, господин, когда всходит солнце? Их нет, хоть они и не умерли, а лишь скрылись. Так-то вот. Ищи их среди рыбаков на Ниле, среди бедуинов пустыни, при дворах царей, ищи где хочешь – ни ты, ни один лазутчик гиксосский не найдут наших людей.

– Воистину, край ваш – край призраков, – сказал Хиан. – И я готов поверить, что все те, кто, скрыв свои лица, собрались здесь вчера во множестве, – не люди, а призраки.

– Кто знает, кто знает, – загадочно молвил Ру. – А теперь скажи, куда тебе хотелось бы сейчас отправиться?

– К пирамидам, – отвечал Хиан.

Они обошли вокруг каждой из пирамид, и Хиан не устал восхищаться их величием.

– Неужели возможно подняться на эти каменные горы? – спросил он.

Ру провел Хиана за вторую пирамиду – там сидели на песке, наигрывая на дудках какую-то странную музыку, Хранитель пирамид и двое сыновей его.

– Вот кто может ответить на твой вопрос, господин, – сказал Ру и, обратившись к Хранителю, добавил: – Этот госпо-

дин, наш гость, посол царя Апеги, хочет узнать, возможно ли взобраться на пирамиды?

– Мы ожидали тебя, как нам повелели, – почтительно отозвался Хранитель. – Желает ли ты, господин, чтобы мы показали тебе наше искусство?

– Да, – ответил Хиан. – И добавлю еще, что смельчака ожидает вознаграждение, хотя мне, человеку, который взбирался на высокие горы, кажется, что на пирамиды подняться невозможно.

– Пожалуйста, господин, отойди немного назад и смотри, – сказал Хранитель.

Затем он и сыновья его скинули длинные одежды, оставшись лишь в полотняных набедренных повязках, избежали на основание пирамиды, что возвышалась перед ними, и разошлись в разные стороны. Один из юношей устремился на южную сторону, другой на северную, в то время как отец стал подниматься по восточной стороне, прыгая, словно козел, по круче. Он взбирался все выше и выше, и вот уже изумленный Хиан увидел, что он достиг самой вершины. Едва он ступил туда, как рядом с ним оказались и его сыновья, поднявшиеся по другим сторонам. Появилась и четвертая фигура, одетая в белое.

– Кто же четвертый? – воскликнул Хиан. – Начали взбираться трое, и вот смотри – там четверо!

Ру поднял взгляд на вершину пирамиды и невозмутимо ответил:

– Это тебе кажется, господин, – плиты отсвечивают под солнцем.

Хиан опять устремил взгляд вверх.

– Да, правда, теперь и я вижу только троих. Но все-таки их было четверо, – упорствовал он.

Хранитель и сыновья его начали спускаться, следуя один за другим по восточной стороне. Они благополучно достигли земли, оделись и подошли к Хиану. Поклонившись, они спросили его, уверился ли он теперь, что на пирамиды можно подняться.

– Да, на эту пирамиду взобраться можно, хотя я не знаю, можно ли на другие, – ответил Хиан. – Однако прежде, чем вознаградить вас, – чего вы вполне заслужили, – ответь мне, Хранитель, как получилось, что ты с сыновьями начал подниматься втроем, а на вершине вас оказалось четверо?

– Поясни, о чем ты говоришь, господин? – почтительно переспросил Хранитель.

– О чем уже сказал, Хранитель. Когда вы стояли на самой вершине, с вами был еще кто-то четвертый: стройная фигура в белом. Клянусь всеми богами!

– Такое возможно, – невозмутимо отвечал Хранитель, – но тогда, господин, тебе дано было узреть ее самое – Дух пирамид; иногда она сопровождает нас, только наши глаза ее не видят. Случись такое, когда светит луна, это было бы не столь удивительно – она часто является тут в полнолуние, так многие говорят, но ты увидел ее при свете дня – это очень

странно, и мы не можем сказать, что это предвещает.

Услышав такое пояснение, Хиан засыпал Хранителя и его сыновей вопросами о женщине – Духе пирамид: увидит ли он ее, если придет сюда в полнолуние, и в какой час надо прийти, и на каком расстоянии от пирамиды он должен стоять, однако ничего не добился, на каждый его вопрос они отвечали, что ничего не знают. Тогда Хиан стал просить их обучить его искусству восхождения на пирамиды, пообещав хорошо вознаграждать за труды. Они ответили, что на то должно быть повеление Совета; только тогда они возьмутся его обучать, ибо дело это очень опасное и, случись что, кровь его падет на них. Кончилось все тем, что Хиан богато одарил их, за что они поблагодарили его, сопровождая слова глубокими поклонами, а поскольку солнце стало клониться к закату, Хиан и Ру отправились обратно в храм.

Хиан шагал, погружившись в раздумья, и не сразу обратил внимание на причитания Ру:

– Вот и еще одного поразили безумием боги – еще одному захотелось карабкаться на пирамиды! Скажи кому – не поверят, что нашлись сразу двое таких безумцев в мире. И что бы это значило? Уж конечно, такая блажь неспроста находит; мои собраты эфиопы говорят: чаще всего вдохновение нисходит на безумцев.

Ру никак не мог успокоиться и повторял свои сетования на разные лады, пока наконец Хиан, вслушавшись в его тирады, не спросил:

– А кто же тот второй глупец, кому боги внушили желание подниматься на пирамиды? Быть может, та самая женщина, которую я видел на вершине рядом с Хранителем и его сыновьями?

– Нет, нет, – отозвался смущенный Ру. – Правда не она, потому что сегодня она занята другими делами. Да и я знал бы... – тут он остановился, как видно поняв, что говорит лишнее.

– Ах, значит, все-таки есть женщина, которая любит это занятие! Я и прежде об этом слышал. Друг мой Ру, похоже, ты знаешь ее, и если сможешь устроить так, чтобы она обучила и меня подниматься на пирамиды, ты сильно разбогатеешь.

– Вот мы и подошли к двери, что ведет в храм, – с усмешкой ответил Ру. – К тому же Тау, второй пророк, велел передать, что приглашает тебя разделить трапезу с ним и другими жрецами сегодня вечером.

– Я принимаю приглашение, – ответил Хиан, надеясь в глубине души, что среди других будет и та красавица, на чьей коронации он присутствовал. Однако надежда его не сбылась – за трапезой собрались лишь Тау и три почтенных члена Совета, которые, умеренно поев, удалились, оставив гостя наедине с хозяином. Началась беседа, в которой каждый старался получше узнать другого.

Хиану открылось, что Тау, второй пророк Общины, хотя и не египтянин по крови, принадлежит к знатному роду, его

ожидало высокое положение и богатство. Он был воином и государственным мужем и мог стать даже царем то ли Кипра, то ли Сирии, – пояснять это он не стал. Он много путешествовал по разным странам, изучил языки многих народов, овладел и другими знаниями, глубоко вникая в разные религии и учения мудрецов. В конце концов он оставил все и сделался одним из жрецов Общины Зари.

Царевич спросил, почему он, кто – как понял Хиан – мог бы восседать на троне, находиться среди великих мира сего и радоваться своим детям, предпочел вступить в тайную общину, ютящуюся среди гробниц.

– Ты желаешь узнать об этом? Что ж, скажу тебе, – отвечал Тау. – Я сделал такой выбор, потому что хочу мира. Мира для Египта и всех живущих на земле, мира для моей собственной души; среди богатства же и при царских дворах каждый думает лишь о том, как бы захватить побольше власти, а кончается это чаще всего войной за еще большую власть и богатство; но ни то, ни другое не приносит счастья, не это нужно человеку. Писец Раса, – продолжал Тау, внимательно вглядываясь в лицо собеседника, – даже если ты и не писец, а кто-то другой, быть может, и царевич, – если бы постиг ты наше учение, в конце концов и ты стал бы совсем другим, как случилось со мной, обрел бы такую же веру, как я или даже как сам пророк Рои, и, не стремясь к тому, что мир называет величием, последовал бы той же тропой мира и служения ближнему.

– Будь я не писцом, а кем-то другим, жрец Тау, такое могло бы случиться; хотя есть иные пути к миру, и каждый из нас должен следовать тем путем, что лежит у него под ногами.

– Это истинно, и ты хорошо сказал, писец Раса.

– Однако, всегда стремясь к знаниям, – продолжал Хиан, – я хотел бы не только постичь ваши таинства, но и понять, какие пути находят ваши братья для достижения мира на земле и как помогают восторжествовать добру. Возможно ли, чтобы кто-то, пока я нахожусь у вас, посвятил меня в ваше учение?

– Мне кажется, возможно, и мы еще вернемся к этому разговору. Желая тебе спокойного сна, писец Раса; обратись за ответом к своей душе, прежде чем ступишь на этот нелегкий путь.

С этими словами Тау поднялся, и тут же в дверях появился Ру, который проводил Хиана в отведенный ему покой.

Глава XI. ПАДЕНИЕ

На следующее утро Ру известил Хиана, что Хранителю пирамид велено учить его искусству восхождения на пирамиды, если он сам еще не отказался от своего намерения. Вскоре Хиан в сопровождении Ру отправился к усыпальницам, где его ожидали Хранитель с сыновьями. Скинув почти всю одежду и сандалии, Хиан приступил к делу; как на первых уроках Нефрет, Хранитель обвязал его вокруг пояса веревкой. Хиан был молод, энергичен и очень смел, как и Нефрет, только, в отличие от нее, он уже умел восходить на горы и оказался еще более способным учеником, чем она. Поднявшись на две трети высоты пирамиды, – насколько ему позволил Хранитель, – и глянув вниз, как это сделала и Нефрет, он начал спускаться почти без помощи своих наставников. И все-таки случилось несчастье. Хиан допустил оплошность: когда до земли оставалось локтей сорок, а Хранитель, уже стоя внизу, говорил что-то Ру, он крикнул одному из сыновей его, находившемуся выше и державшему веревку, чтобы тот отвязался и бросил ее вниз, – поскольку, мол, нужды в ней больше нет.

Веревка скользнула мимо, Хиан и не заметил, что чуть ниже она зацепилась за небольшой выступ. Ничего не подозревая, Хиан спускался дальше, он нащупал ногой этот самый выступ, веревка подалась под его ступней, и он потерял

опору. В следующее мгновение Хиан уже катился по склону пирамиды, причем головой вниз. Хранитель и Ру тут же заметили, что случилось. Оба бросились вперед, чтобы подхватить царевича. Еще мгновенье, и он рухнул вниз, однако тело его своей тяжестью разъединило их, и хотя им удалось немного смягчить падение, Хиан все же ударился головой о песок как раз в том месте, где скрывался камень. Хиан даже не почувствовал боли от удара, сразу лишившись чувств.

Очнувшись, Хиан смутно, будто издалека слышал чей-то голос, но посмотреть, кто говорит, не мог: глаза его залила кровь, и он не в силах был разлепить веки.

– Думаю, он жив, – говорил голос, который, как оказалось, принадлежал лекарю. – Шея как будто цела, руки и ноги тоже. Если только не треснул череп, а это я не могу определить – из раны натекло много крови и прощупать трудно. Наверное, он просто оглушен и скоро придет в себя.

– Пусть твоими устами вещают боги, лекарь, – ответил другой голос – женский, полный смятения и страха. – Вот уж три часа, как он лежит без чувств у этой гробницы и так неподвижно, что я начала думать... ах, смотри! Он пошевелил рукой. Он жив! Жив! Послушай еще раз его сердце.

Лекарь склонился к груди Хиана.

– Теперь сердце бьется сильнее. Не тревожься, госпожа, он поправится, – заключил он.

– Вознесем же молитву богам! – продолжал женский голос, в котором теперь зазвучала надежда; но вот в нем по-

слышались гневные нотки: – Плохо же ты берег его, Хранитель, если кто-то подсунул ему под ноги веревку! А ты, Ру, этакий великан – и не мог удержать его, такого легкого!

– Не мог, госпожа, – зазвучал густой бас эфиопа, – этот легкий повалил и Хранителя и меня и чуть было не оторвал мне руку. Летел с высоты в сорок локтей, точно камень, пущенный из пращи...

В этот момент Хиан разжал наконец губы и едва слышно попросил пить. Вода была немедленно принесена. Чья-то мягкая, нежная рука приподняла его голову, поднесла чашу к губам. Он выпил, вздохнул и снова впал в беспамятство.

Позже он очнулся от острой боли, которая полоснула его, точно ножом, от виска к виску. Хиан открыл глаза и узнал свою комнату; рядом на табурете лежала его одежда. У изножья постели был задернут занавес, из-за него слышались женские голоса.

– Что, Кемма, он очнулся? – спросил певучий голос, который он снова узнал: голос той, на чьей коронации он присутствовал.

Хиан попытался приподнять голову, чтобы заглянуть за край занавеса, и не смог – шея его точно окостенела и не поворачивалась; он лежал и слушал, и сердце его горячо билось от радости, что прекрасная царица тревожится о нем и пришла узнать, как он себя чувствует.

– Еще нет, дитя мое, хотя давно бы пора, – отвечала Кемма. – Один из наших братьев, ученый лекарь, сказал, что не

нашел больших повреждений и он очнется не позднее, чем через двенадцать часов, но вот прошло уже двадцать, а он все спит... или без чувств.

– Ах, Кемма, ты думаешь, он умрет? – в страхе спросила Нефрет.

– Что ты, что ты! Я этого совсем не думаю; но только если повреждена голова, никто не может быть уверен... Уж до чего будет жаль, такой достойный молодой господин, и лицом хорош, и статен, даром что кровь в нем наполовину гиксосская.

– Кто сказал тебе это, Кемма? Когда ты успела все разузнать?

– Птичка на хвосте принесла, а может, ветер нашептал на ухо. Да у нас уж всем до последнего человека известно, только, видно, ты еще не знаешь, – наш гость никакой не писец, а сам царевич Хиан, и если ты пойдешь замуж за Апепи, он станет твоим пасынком.

– Не говори мне про Апепи, пусть будет проклят он всеми богами Египта, да и своими тоже! Но правда, я ничего не знала, хотя и догадывалась, что этот Раса не простой писец. Спаси его, Кемма! Если он умрет... ах, что я говорю! Позволь мне взглянуть на него. Если он спит, то ни о чем не узнает, а я хочу начертать знак здоровья у него на лбу и вознести молитву духу, которого мы почитаем, о его выздоровлении.

– Ладно, ступай к нему, да не медли, потому что скоро

должен прийти лекарь или Тау; им покажется странным, что царица Египта находится в покое больного. И все же поступи как знаешь, только спеши. А я постерегу за дверью.

Хиан, лежавший с закрытыми глазами, услышал, как занавес отодвинулся и кто-то легкой поступью приблизился к его постели. Нежные пальцы вычертили на его лбу какой-то знак: что-то похожее на петлю, перечеркнутую линией, быть может, это крест жизни, – подумал Хиан, а потом та, что прочертила знак, склонилась над ним и стала шептать что-то похожее на молитву, хотя Хиан не мог ничего разобрать. Она шептала, и губы ее приближались к его лицу все больше и больше и вдруг на какое-то мгновение коснулись его губ. Понеслось глубокий вздох, и наступила тишина.

Хиан разомкнул веки – на него смотрели глаза, полные слез.

– Где я? Что со мной? – слабым голосом спросил он. – Мне снилось, что я умер и дочь богов вдохнула в меня новую жизнь. Ах, вспомнил: я ступил на проклятую веревку и упал. Поделом мне – я был так самоуверен и небрежен. Ничего, скоро я поправлюсь и тогда, клянусь, буду взбегать на все эти пирамиды быстрее Духа, что блуждает по ним.

– Тише, тише! – прошептала Нефрет. – Иди сюда, няня! Наш больной очнулся и говорит, хоть и всякие глупости.

– Скоро он опять заснет и тогда уж навсегда, если ты станешь беседовать с ним про пирамиды, – отозвалась Кемма, которая незаметно вошла в комнату. – Уж вы вдоволь нагу-

лялись по ним, и ты, и он, может, хватит с вас? И надо же было тщеславным глупцам воздвигать их, чтобы еще большие глупцы потом с них падали!

– Но все же я поднимусь на них, – пробормотал Хиан.

– Удались отсюда, дитя мое, и попроси Ру привести лекаря, да поскорее, – распорядилась Кемма.

Бросив последний взгляд на Хиана, Нефрет выскользнула из комнаты.

– До чего же странное чувство – любовь: одних она посылает на смерть, других возвращает к жизни. Хотелось бы мне знать наперед, что принесет любовь этим двоим? – приговаривала Кемма, хлопоча возле Хиана.

Она дала Хиану выпить молока и сказала ему, чтобы он лежал спокойно и не разговаривал. Однако он и не подумал ее послушаться и, выпив молоко, мечтательно спросил:

– А Дух пирамид, о котором все только и говорят, в этом святом месте, – она так же красива, как девушка, что сейчас была здесь, как ты думаешь, добрая Кемма?

– Дух пирамид? Не слышать бы мне больше никогда в жизни про эти пирамиды! Что за дух такой?

– Вот о том как раз я и должен узнать, добрая Кемма, даже если это будет стоить мне жизни, и уже чуть не стоило. Я только и думаю, как бы увидеть этого Духа своими глазами; сердце подсказывает мне: не сыскать мне счастья, пока я не увижу его.

– А здесь у нас другое говорят, – сказала Кемма. – Здесь

говорят, что тем, кто взглянет на него, овладевает безумие.

– Разве это не одно и то же, добрая Кемма? Разве счастье – не безумие? Разумные и мудрые – могут ли они испытать счастье? Разве счастлив благочестивый пророк Рои, пусть он благоразумнейший из благоразумных и мудрейший из мудрейших? Счастливы ли те белобородые старцы, что окружают его и думают лишь о смерти? Была ли ты сама когда-нибудь счастлива, добрая Кемма, если только и на тебя не находило когда-то это безумие?

– Отвечу тебе: не находило, – сказала Кемма, но что-то дрогнуло в ее душе – она вспомнила давно забытое. – Впрочем, может быть, ты прав, молодой господин. Мы и правда счастливы тогда только, когда на нас находит безумие, – так и пьяницы говорят. Но если ты хочешь, чтобы я дала тебе совет, послушай: перестань гоняться за духом в небесах или в поднебесье, спустись на землю. Разве ты не видишь достойной здесь, на земле?

– Кто знает, Кемма, может, гоняясь за духом, я обрету женщину, которую ищу, а погонись я за женщиной, найду духа, – сосредоточенно проговорил Хиан, старательно выговаривая слова, как бывает с человеком, у которого все плывет в голове. – Кто скажет мне, что это не одна и та же женщина? Быть может, я сам узнаю, когда взойду на пирамиду при свете полной луны.

– Которая уже светит, – сердито прервала его Кемма.

– Но взойдет еще много полных лун, Кемма. В небе столь-

ко нерожденных лун, сколько раковин в море; и пирамиды будут стоять еще много-много лет, чтобы на них поднимались отважные... – Голос Хиана звучал все тише и тише.

– Да сгинуть бы этим пирамидам, а ты перестань болтать! – Кемма в сердцах топнула ногой, но тут же спохватилась: Хиан снова впал в забытье.

«Вот глупец! – бормотала себе под нос Кемма, торопясь на поиски лекаря. – Пойди найди еще такого безумца – гоняется за каким-то призраком, а перед ним красавица из плоти и крови! Да только будь я лет на тридцать моложе, я, наверно, тоже потеряла бы голову из-за такого вот глупца, как, похоже, теряет ее моя воспитанница. Что это он сказал сейчас? Что, гоняясь за духом, может найти женщину? А ведь, похоже, и вправду найдет; может, этот безумный царевич все не такой уж и безумный, как мне показалось? Может, те, что поднимаются на пирамиды, находят там, на вершине, радость, а радость лучше мудрости. Когда приходит старость и вся жизнь позади, начинаешь понемногу что-то понимать».

Молодой, сильный Хиан, хотя и получил жестокий удар при падении, но голова его и кости, как определил лекарь, не пострадали, поэтому вскоре он вполне оправился и встал с постели. А спустя пять дней в сопровождении Хранителя и его сыновей он снова поднялся на пирамиду; казалось, страсть эта еще больше завладела им, пока он лежал в забытии. Сознание вернулось к Хиану, но не память – с той минуты, когда он ступил на веревку и полетел вниз, до самого дня,

когда поднялся с постели, он не помнил ничего; не помнил даже, как к нему приходила Нефрет, не помнил и о своем разговоре с Кеммой, – все это всплыло у него в памяти лишь спустя много дней. Так что жизнь его возобновилась на том месте, где чуть было не остановилась навсегда, – на стене пирамиды, на которую он вскоре и поднялся, а за ней поднялся и на все другие пирамиды, как и Нефрет в свое время.

Изо дня в день, с рассвета и до того часа, когда солнце становилось слишком жарким, Хиан упражнялся в восхождении на пирамиды, не зная устали, так что Хранитель и его сыновья совсем выбились из сил; это не человек, а дьявол, говорили они. Однако, как и другие обитатели Общины, они и хвалили Хиана: только самый отважный мог не испугаться после такого падения и вернуться на пирамиды, говорили они. Они не знали, что он ничего не помнил про падение.

Между тем, хотя Хиан и не подозревал об этом, во дворце его отца, царя Апепи, считалось, что он умер. Весть о его падении с пирамиды и, как было прибавлено, его смерти, – ибо сначала все поверили, что он умер, – настигла брата Тему, который должен был доставить послание Совета Общины и письмо Хиана, когда он уже был на берегу Нила и сидел на корабль; от него все это стало известно на корабле, а потом и при дворе в Танисе. Апепи погоревал немного, услышав о том, – он все же на свой манер любил сына, во всяком случае, когда тот был маленьким, но не истинной любовью отца к сыну, жестокое сердце Апепи заполняла любовь к самому

себе.

Тут же его горе отступило перед злобой – он прочел послание Совета Общины Зари и поклялся стереть эту Общину с лица земли, если Нефрет, которую они осмелились провозгласить царицей Египта и короновать, не будет отдана ему в жены. К тому же он не поверил, что Хиан погиб, упав с пирамиды, а решил, что его умертвили по приказу Общины, дабы убрать законного наследника царя Севера с дороги той, что была провозглашена царицей всего Египта. Совету Общины Зари Апепи о своих подозрениях ничего не сообщил. Он только приказал схватить их посланника, брата Тему, и держать его в надежном месте, откуда тот не мог бы ни с кем снестись, а сам тем временем составил план действий и сделал соответствующие приготовления.

В те дни, что последовали за выздоровлением Хиана, он не только поднимался на пирамиды, но и получал наставления о вере и обрядах Общины Зари, как то и было ему обещано. По вечерам в маленьком освещенном лампадой зальце его наставлял Тау либо сам пророк Рои, либо и тот и другой вместе. Он был не единственным учеником – вместе с ним получала наставления и Нефрет.

Он сидел за одним концом стола, где были разложены папирусы и стояли чернила, а напротив сидела юная царица в простой белой одежде, как и полагалось новообращенной; располагались они так, что видели при свете лампы друг друга, переговариваться же на таком расстоянии не могли.

Позади Нефрет сидела Кемма, а подальше, в темном углу, точно страж и хранитель, великан Ру. Посередине, за столом, в резных креслах сидели Рои и Тау или один из них и обстоятельно излагали тайны обрядов Общины, время от времени обращаясь к своим ученикам или отвечая им.

Так чиста и прекрасна была вера, которой они учили, что вскоре она завладела сердцем Хиана. В основе своей вера эта была проста: существует Великий Дух, и все боги, о которых они слышали ранее, служат ему; Дух этот послал их в мир, чтобы они исполнили те дела, что он им предназначил, в должное же время он призовет их обратно. Рои и Тау, святые мудрецы, объяснили своим ученикам, что велит и препоручает богам Великий Дух: первое из всего – установить мир на всей земле и нести добро всему живому. Но были и другие части учения, не столь простые и ясные, – они относились к способам, коими Дух общается с теми, кто обитает на земле, а также касались молитв и тайных обрядов, которые позволяют приблизиться к Духу. Рои и Тау пояснили также своим подопечным, как следует вести себя в жизни, и преподали главные законы правления страной и подданными.

Хиан выказал большое усердие, сочтя это учение благим; в нем он находил ответы на многие сомнения, которые тревожили его жаждущую познания душу. В тот день, когда подошла к концу последняя беседа, он поднялся и сказал:

– О великие священнослужители, Рои и Тау, я принимаю

ваше учение и готов стать смиреннейшим из братьев Общины Зари. Однако по определенной причине, которую я не могу вам открыть, я не смею сказать ни единого слова – хорошего ли, дурного ли – о ваших мирских делах, так же как и не могу участвовать в них. Душа моя принадлежит вам, плоть же и дела мирские – другим. Достаточно ли этого?

Рои и Тау стали совещаться друг с другом; Нефрет пытли-во наблюдала за ними, Хиан же, склонив голову, погрузился в раздумия. Наконец старый пророк заговорил.

– Сын мой, – начал он свою речь, – времени, чтобы обучить и наставить тебя, отпущено немного, но сердце твое устремилось к правде – этого достаточно. Здесь, среди этих усыпальниц, мы проникли в смысл многих вещей; мы поняли также, что люди зачастую становятся не такими, какими, казалось бы, должны быть. Так случается, что узами крови, рождением своим и долгом они связаны, словно путами, которые не могут порвать, даже если душа их призывает к тому. Может оказаться даже, что кому-то не суждено принять обет безбрачия и воздержания или дать клятву не поднимать меча и не принимать участия в войне, что ему определена в мире другая участь, и он должен следовать своим путем. То, что мы говорим сейчас тебе, мы говорим и нашей сестре, которая вместе с тобой слушала Слова Жизни. Так же как и тебе, ей предопределен возвышенный и трудный путь. А потому, освобождая вас обоих от многого, пред чем должны склонять головы другие, завтра мы отпустим вам грехи;

вы же присягнете на верность нашим заповедям, а если нарушите эту присягу, проклятие поразит ваши души. После посвящения мы будем числить вас среди членов нашей Общины, будь то на земле или на небесах.

Так произошло, что на следующий день, во время торжественной церемонии в храме, принц Хиан и царица Нефрет получили от мудрого старца Рои отпущение всех грехов, которые они совершили или о которых помыслили, а затем были посвящены в члены Общины Зари, дав обет принять ее учение как свою путеводную звезду и всю свою жизнь посвятить достижению его святых целей. Сначала Нефрет, потом Хиан преклонили колени пред верховным жрецом, облаченным в белые одежды, а в отдалении, в глубине храма, их братья и сестры по вере, хотя до них и не долетали слова посвящаемых, свидетельствовали отпущение грехов и благословение. Затем, когда Нефрет и Хиан отошли в сторону и сели рядом, все запели старинный гимн, приветствующий возрождение их душ. Постепенно торжественное песнопение стало стихать и совсем смолкло, когда, ведомые Рои, поющие удалились из храма; наступила тишина. Нефрет и Хиан остались одни.

Хиан огляделся вокруг и заметил, что ушли даже Ру с Кеммой; они с Нефрет и вправду остались совершенно одни в огромном храмовом зале; лишь холодные статуи богов и древних царей взирали на них.

– О чем ты сейчас думаешь, сестра? – обратился Хиан к

Нефрет.

– Я думаю о том, брат, что выслушала прекрасные слова и получила святейшее благословение, после чего должна бы из грешной девы превратиться в святую и стать подобной Рои, а между тем я чувствую, что осталась такой же, как прежде.

– Но уверена ли ты, сестра, что Рои так уж свят? Раз-другой я наблюдал, что он впадал в гнев, как самый обыкновенный человек. Да и разве святой – это тот, кто не подвержен соблазнам? Какие уж соблазны в девяносто лет! Что до второго твоего утверждения, то ты, конечно, чувствуешь себя такой же, как была прежде, ибо не может снег стать белее снега.

– Или огонь горячей огня. Но довольно, брат. Не время и не место тут для таких разговоров. Теперь, когда мы с тобой связаны узами единой веры, мы можем, не боясь предательства, открыть друг другу наши мысли. Приняв посвящение, я если и изменилась, то очень мало, ибо все заповеди Общины внушались мне исподволь с самого детства, хотя до определенного возраста, по законам Общины, я не могла стать ее полноправным членом. Взгляни на меня – я не обратилась в дух, я по-прежнему всего лишь женщина с самыми земными помыслами. Знаешь ли ты, – помедлив, продолжала Нефрет, не сводя с Хиана своих огромных прекрасных глаз, – знаешь ли, что отец мой был лишен жизни тем, кого я считаю узурпатором, захватившим его владения; тем, кто, думаю, умертвил бы и меня, если б смог; за эти страшные деяния я хочу

отомстить ему. К тому же он нанес мне смертельное оскорбление, ибо этот убийца моего отца, лишь случайно не ставший и моим убийцей, захотел теперь взять меня, сироту, себе в жены; за это я тоже отомщу ему.

– Плохо, очень плохо, сестра, – печально отозвался Хиян, стремясь скрыть, как горько подергиваются у него уголки губ. – Но если позволено спросить, скажи, призналась ли ты в своих черных мыслях святому пророку Рои, и если призналась, что он тебе на это сказал, сестра?

– Да, призналась, брат, и мне не в чем было больше признаваться, разве что в каких-то малостях, ответ же Рои наводит меня на мысль, что ты прав, говоря, будто он – не такой благочестивый человек, каким должен быть. Он ответил, брат, что во мне говорит голос крови и такие мои мысли вполне понятны и что справедливо, чтобы те, кто, преследуя низкие цели, совершил страшные преступления, получили воздаяние за них, а если кару несущему я, – значит, так назначили Небеса. Как видишь, он не осудил меня. Однако довольно мне говорить. Скажи теперь ты, брат, если хочешь открыться мне: а ты переменялся душой?

– Мне кажется, что ноги мои ступили на правильный и более возвышенный путь, сестра, потому что теперь я, кто не почитал никого и не верил ни во что, знаю, какого бога и как надо почитать и во что верить. Что же до греховных помыслов, скажу тебе так: отца моего никто не убил и никто не замышлял убить меня, и потому у меня нет желания кому-то

мстить... во всяком случае, пока нет. И все же, сестра... – Он смолк.

– Я слушаю тебя, брат, и уверена, что ты не можешь быть столь добрым, как хочешь себя представить мне.

– Я – добрый? Нет, я лишь надеюсь стать им, если смогу найти кого-то, кто поможет мне; нет, не Рои, и не Тау, и не Кемму, и не весь Совет Общины Зари – кого-то другого...

– Богиню небесную? – предположила Нефрет.

– Верно сказано – богиню небесную, и мы сейчас о ней поговорим. Но сначала я хочу сказать вот о чем: случилось так, что, стремясь к добродетели, я угодил в глубокую яму.

– Какую яму? – спросила Нефрет, устремляя взор под своды храма.

– Яму, из которой ты одна можешь помочь мне выбраться. Но я должен все объяснить. Прежде всего ты должна узнать, что я лжец. Я не писец Раса. Писец Раса, замечательный человек и искусный переписчик, умер много лет тому назад, когда я был еще мальчиком. Я... – Он заколебался.

– ...царевич Хиан, сын Апепи и его законный престолонаследник, – продолжила Нефрет.

– Да, ты сказала все правильно, Нефрет, кроме того лишь, что я уже больше не наследник престола, так мне кажется, или, во всяком случае, скоро перестану быть таковым. Но скажи, сестра, как ты узнала о моем настоящем имени и титуле?

– Здесь мы знаем все, брат. К тому же ты сам сказал мне,

когда был в забвении... или, возможно, сказал Кемме...

– Но зачем же ты слушала, сестра? Как это нехорошо, и я надеюсь, ты исповедалась в этом своем грехе? Что ж, тогда ты, наверно, и сама зришь эту яму. Царевич Хиан, единственный законный сын Апепи, принят теперь в Общину Зари, которую царь вознамерился истребить. Ничего удивительного – цари есть цари, и Апепи узнал, что наследница Хаперра, царя, которого он убил, коронована и провозглашена царицею всего Египта; значит, война против него, завладевшего престолом силою, можно сказать, уже объявлена. Скажи, сестра, что мне делать – ведь я и царевич Хиан, и человек более высокий в помыслах и более праведный – брат Общины Зари.

– Ответ прост. Установи мир между Апепи и Общиной Зари.

– Ты так считаешь? Но как это сделать? Просить свою сестру стать женой царя Апепи? Ведь только так можно достигнуть мира, и ты это хорошо понимаешь.

– Я не говорила, что хочу стать его женой, – вспыхнув, отвечала Нефрет. – И мне неприятно выслушивать такой совет – даже от своего брата.

– Неприятно и брату давать его, ибо, если он будет принят, брат этот скоро очутится среди тех, кто предается молитвам и взывает к богам в небесной обители – так объяснили нам наши наставники.

– Почему же? – с удивлением спросила Нефрет. – Вот если

он не даст такого совета, тогда понятно – царь разгневется. Но если он дает его...

– Тогда может разгневаться царица, та, что, как ты, сестра, сказала мне, жаждет отмщения. А то и потому, что и самому ему опостылеет этот мир и он не захочет более ступать по земле.

Они смолкли и, склонив головы в белых капюшонах, опустили глаза.

– Сестра, – прервал наконец молчание Хиан, но Нефрет не отозвалась, и тогда он повторил громче: – Сестра!

– Я так устала от ночных церемоний, что чуть было не заснула, прости меня, брат, – откликнулась наконец Нефрет. – Ты что-то хотел сказать?

– Лишь вот что: не откажи мне, сестра, помоги попавшему в беду царевичу выбраться из ямы, вытяни меня оттуда на шелковом поводе... любви. Ведь все члены нашей Общины должны любить друг друга. И тогда я стану царем; сделай меня царем!

– Царем чего? Этих гробниц и мертвецов, которые лежат в них?

– Нет, не таким царем, – царем твоего сердца. Выслушай меня, Нефрет! Вместе мы выстоим против моего отца Апе-пи, а порознь погибнем, ибо когда он узнает правду, он убьет меня и, если сможет добраться до тебя, захватит тебя и увезет туда, куда ты совсем не жаждешь попасть. Но и не это главное. Я люблю тебя, Нефрет! С той самой минуты, как я

услышал твой голос там, под пальмами, и понял, что передо мной женщина, пусть ты и была закутана в плащ, я полюбил тебя, хотя тогда думал, что ты просто обыкновенная девушка. Что мне еще сказать тебе? Будущее наше сокрыто во мраке, нас ожидают большие опасности. Кто знает, быть может, нам придется бежать и укрыться где-то в далекой стране, отнесясь от царственного величия. Но мы будем вместе – разве это не стоит жертв?

– А как же Египет, царевич Хиан? Что случится с Египтом? На меня возложена особая обязанность; ты слышал клятву, которую я дала в этом зале.

– Это мне неведомо, – смущенно ответил Хиан. – Говорю тебе снова: будущее сокрыто во мраке. Но любовь осветит нам путь. Скажи, что ты любишь меня, и все будет хорошо.

– Сказать, что люблю тебя, сына того, кто лишил жизни моего отца? Убийцы, что хочет принудить меня стать его женой? Могу ли я сказать это, царевич?

– Если любишь, Нефрет, можешь, потому что это будет правдой, а разве мы оба не слышали, что скрывать правду – величайший грех? Любишь ли ты меня, Нефрет?

– Я не могу тебе ответить. И не отвечу. Спроси об этом у Сфинкса. Нет, лучше не у Сфинкса – спроси Духа пирамид; его слово будет моим словом, ибо этот дух – мой дух. Всего лишь один день остался нам. Если завтра ты отважишься найти этого духа при свете луны, спроси его.

С этими словами Нефрет исчезла, оставив Хиана в оди-

НОЧЕСТВЕ.

Глава XII. ДУХ ПИРАМИД

В ту ночь сон не шел к Хиану, его одолевали тревожные мысли. Одно за другим вставали перед ним неразрешимые затруднения, и, словно в зеркале, он видел, как западни разверзаются у его ног. Он, царевич Хиан, принял посвящение в братья Общины Зари, которую его отец, царь Апеги, грозит уничтожить – как это совместить? Может ли он разить одной рукой и защищать другой? Нет, это невозможно. Значит, он должен сделать выбор: либо он царевич, либо – один из братьев Общины. Тогда его дорога ясна, тогда следует отказаться от царского титула. И разве он по собственной воле уже не лишился его? Но что тогда раздумывать? Отныне он всего лишь брат Хиан из Общины Зари. Впрочем, нет, он кто-то еще – он посол, который ожидает ответа, и должен доставить этот ответ царю, пославшему его. А посольство это касается брака: либо царственная дева станет супругой царя, либо обратит на себя его гнев.

Но тут дело не так уж сложно. Он должен доставить ответ, каков бы он ни был, после чего данное ему поручение будет выполнено, он же сложит с себя посольское звание и станет только братом Общины Зари и, быть может, останется еще и царевичем. Если ответ окажется таким, какого ожидает царь, тогда, без сомнения, послу будет дозволено мирно следовать избранным им путем, хотя он уже не будет на-

следником престола Северного Египта. Но если ответ будет другим, если царственная дева пренебрежет царем Апеги, а выберет посла, сына Апеги, – что тогда? Сомнений быть не может – тогда смерть или побег!

Однако от этой мысли Хиан не пришел в отчаяние, а даже улыбнулся, когда она мелькнула у него в голове, припомнив, что говорит новое учение, в которое его только что посвятили: все в воле Небес, и случается лишь то, что должно случиться. Он, кому сейчас жизнь сулила счастье, вовсе не хотел умирать, но если смерть придет, она не испугает его, ибо он принял новую веру. Он не предатель – он честно исполнил свое посольство, а Нефрет все равно отказалась бы от этого чудовищного брака; она ведь сказала, что своим предложением Апеги нанес ей страшное оскорбление. Но думает ли она о нем, Хиане? Он предложил ей свою любовь, она же не приняла его дар. Сказала, что не может ему ответить, что он должен спросить у Духа пирамид, любит ли его, царевича Хиана, царица Нефрет. Что означают эти слова? Духа пирамид не существует – кого только царевич не расспрашивал об этом призраке, пока наконец не понял, что все это пустая фантазия. Кому же задать вопрос, на который отказалась ответить живая женщина, где найти этого оракула?

Ему велено искать Дух среди древних усыпальниц, при свете полной луны. Ну что же, он все исполнит, поищет, как последний глупец, и если не найдет, – значит, ответа не будет. Тогда, не добиваясь более никаких встреч, он попро-

сит Рои вручить ему послание которое должен доставить царю Апепи, и покинет обитель, оставив здесь свое сердце. Он снесет гнев Апепи, а затем, если удастся, найдет убежище в дальних краях, где назначат ему быть Рои или Совет, и, отнесясь от любви и радостей жизни, станет проповедовать учение Общины и исполнять то, что ему повелят.

Скоро он все узнает, скоро все так или иначе разрешится; завтра – ночь полнолуния, и юная царица должна дать ответ Апепи, а он, посол, должен затем доставить ответ в Танис. Но кое-что известно уже сейчас: он, царевич Хиан, кого никогда прежде не посещала любовь, боготворит Нефрет и мечтает лишь о том, чтобы она стала его женой; мечтает так страстно, что если он ее потеряет, ему будет безразлично, какие еще потери его ожидают, пусть даже потеря самой жизни.

В назначенное время Хиан одиноко бродил меж гробниц, окружавших большие пирамиды, ибо теперь, приняв посвящение, он мог беспрепятственно ходить где вздумается. Им овладела печаль – не иначе как над ним зло подшутили; тяжкие мысли теснились в голове его, да и само это место с бесконечными рядами усыпальниц, над которыми возвышались величественные пирамиды, подавляло своей мрачной торжественностью. Не странно ли, что здесь он ждет ответа на свою любовь – близ этих монументов, что свидетельствует о скоротечности страстей человеческих? Столетия назад навсегда оборвались земная любовь и ненависть тех, кто покоится под этими могильными плитами; быть может, оборвут-

ся они и у него еще прежде, чем новая полная луна появится на небосклоне. Взирают ли духи пирамид сейчас на него спокойными, невидимыми глазами, – не один дух, а десятки тысяч духов!

Он опустил на каменную плиту; вокруг стояла глубокая тишина, которую нарушал время от времени лишь тоскливый вой шакалов, искавших добычу, и стал наблюдать, как ползут по песку тени. Утомившись, Хиан спрятал лицо в ладони и принялся размышлять о тайне всего сущего, о тайне жизни, о том, откуда явились в мир люди и куда уйдут – такие мысли неизбежно овладевают человеком в подобном месте, и даже Рои не может дать ответа на эти вопросы.

Ни один звук не коснулся его ушей. Вдруг, непонятно от чего, он отнял руки от лица и оглянулся вокруг. Что-то шевельнулось в тени большой гробницы. Быть может, ночной зверь? Нет, для зверя он слишком высок. Но вот легкая тень скользнула от одной гробницы к другой и исчезла. Женщина в белом или призрак...

Хиана охватил страх, даже волосы на голове встали дыбом. И все же он вскочил с камня и последовал за тенью. У гробницы, возле которой она исчезла из виду, никого не было. Призрак исчез! Нет, вот он белеет вдали скользит ко второй пирамиде – усыпальнице фараона Хафра. Хиан устремился вслед, но чем больше он ускорял шаг, тем быстрее скользила фигура в белом, то появляясь, то скрываясь из виду; наконец она достигла северной стороны второй пирами-

ды, которую называли Ур Хафра или Хафра Великий.

«Здесь призрак остановится», – подумал Хиан. Но фигура в белом начала скользить вверх по склону пирамиды и на высоте пальмы исчезла из виду.

Хиан не раз поднимался на эту пирамиду и хорошо знал, что в северной стене нет ни входа, ни расщелины. Значит, перед ним и вправду призрак? Ведь только призраки, как говорят, могут растворяться в воздухе. Все же, чтобы удостовериться самолично, Хиан, хотя и не без страха, стал взбираться по крутому склону и, когда достиг высоты локтей в пятьдесят, замер от удивления: в стене темнело отверстие, точно отворилась дверь, а дальше виднелся ведущий вниз ход. В конце хода мерцал свет – два светильника стояли на некотором расстоянии один против другого. Хиан заколебался – ему было очень страшно, но, решив, что призраки не нуждаются в светильниках и кто-то, мужчина или женщина, прошел перед ним по этому ходу, он набрался храбрости и последовал дальше.

Поначалу ход круто спускался шагов на пятьдесят меж гранитных стен, потом шагов тридцать пошел ровно и закончился большим залом, высеченным в сплошном камне и крытым большими разрисованными каменными плитами, находящими одна на другую, чтобы лучше выдерживать огромную тяжесть. Здесь, во тьме, стояли лишь гранитные саркофаги, больше ничего не было видно.

Хиан, пригнувшись, осторожно прошел по тесному про-

ходу, тускло освещенному зыбкими отблесками светильников, слыша, как эхо его шагов отдается от каменных стен, и, остановившись перед полуоткрытой массивной гранитной дверью, заглянул в усыпальницу. Освещалась она всего одним светильником, стоявшим на саркофаге; словно от звезды, протягивались во мрак сводчатого зала бледные лучи. Хиан напряженно вглядывался в сумрак. Никого! Фигура в белом, за которой он следовал, исчезла! Быть может, она вошла в какую-то другую дверь?

Шепча молитву, чтобы дух фараона, чей покой он нарушил, не покарал его, и обнажив бронзовый меч, чтобы защититься, если сюда завлекли его какие-то злодеи, Хиан осторожно двинулся вперед, опасаясь провалов в каменном полу. Подойдя к саркофагу, он в нерешительности остановился – страх овладевал им все больше и больше.

Что, если и вправду он следовал за призраком и призрак этот сейчас кинется на него? Нет, мужайся! Разве призраки зажигают в нишах светильники? По их форме видно, что это очень древние светильники; быть может, такими светильниками пользовались тысячелетия тому назад строители пирамид или те, кто вносил сюда тело царя на вечный покой. Но все же они не могут светить вечно; если только и сами они не видения, масло в них надо подливать, и делать это должны живые люди. Такая мысль ободрила Хиана, и он немного успокоился. Но вот в дальнем конце усыпальницы послышался шорох, и сердце замерло у Хиана в груди. Во мраке

возникло белое облако и поплыло по направлению к нему. Призрак! Сейчас он нападет на него!

Хиан не двинулся с места – может быть, оттого, что не мог пошевелиться. Белая фигура приблизилась и остановилась. Теперь их разделял лишь саркофаг; Хиан вглядывался в белое видение, но лицо призрака покрывал белый плат, – так закрывают лица умерших. Охваченный ужасом, Хиан занес меч, точно хотел пронзить неземное видение. И тут призрак заговорил.

– О тот, кто ищет Духа пирамид, почему ты встречаешь его с мечом в руке? – прозвучал нежный голос.

– Потому что мне страшно, – ответил Хиан. – Тот, кто прячется под покровами, всегда вызывает страх, особенно в таком месте, как это.

При этих словах белое покрывало опустилось, и в зыбком свете светильника Хиану открылось прекрасное лицо Нефрет. Щеки ее рдели румянцем.

– О царица, что означает эта игра? – смущенно произнес он.

– И это Хиан, наследник царя Севера, величает меня царицей? – насмешливо спросила Нефрет, уклонившись от ответа. – Хотя, быть может, он и прав, ибо возле этого саркофага, где покоятся кости того, кто, как свидетельствует предание, был моим праотцем и чей трон я наследую, меня должно называть царицей. Царевич Хиан, ты искал Духа пирамид, который существует лишь в легендах, а нашел царицу, в ком

плоть и дух соединены воедино. Если тебе есть что сказать ей, говори, ибо время бежит быстро и она вскоре может исчезнуть навсегда.

– Мне нечего сказать более того, что и уже сказал тебе, Нефрет. Я люблю тебя всем сердцем и хотел бы узнать, любишь ли меня и ты? Молю тебя, не играй больше, а скажи мне правду.

– Она проста и ясна, – отвечала Нефрет, вскинув голову и глядя в глаза Хиану. – Ты сказал, что любишь меня всем сердцем, Хиан, я же люблю тебя больше жизни! Мужчина не может превзойти женщину в любви.

От этих слов все поплыло у Хиана перед глазами, он покачнулся, так что пришлось ему опереться о саркофаг, чтобы не упасть. И все же первой на ум пришла гневная мысль, и с уст сорвались слова, полные горечи:

– Если так, Нефрет, зачем ты привела меня в столь страшное место, чтобы сказать мне об этом? Зачем заставила следовать за призраком? Какую злую шутку ты сыграла со мной!

– Не такую злую, как тебе кажется, Хиан, – мягко отвечала Нефрет. – Вчера я не могла сказать тебе то, что жаждала сказать, ибо теперь, став царицей, не принадлежу себе; я слуга общего дела и должна сообщать обо всех своих желаниях. Вот почему и ждала часа, когда буду знать, одобряют ли меня те, кто поставлен надо мной, и сами Небеса, которые, как они говорят, правят ими. Реши они иначе, ты не увидел бы этой ночью Духа пирамид и ушел бы от нас завтра, не встре-

тив больше царицы Нефрет, ибо меня избавили бы от муки высказать тебе отказ самой.

– Значит, Рои и все одобряют твой ответ?

– Да, одобряют; мне даже кажется, они с самого начала надеялись, что мы полюбим друг друга, и потому сводили нас вместе, когда только возможно. Они верят, что наша любовь принесет объединение Египту и их старания увенчаются успехом.

– Но сколько нас ожидает испытаний, прежде чем это свершится, – печально произнес Хиан.

– Знаю, Хиан. Большие опасности грозят нам, и они не замедлят явиться. Потому я, изображая призрака, и привела тебя в этот древний склеп, населенный мертвыми. Я хотела, чтобы ты узнал одну тайну и воспользовался этим, если тебе понадобится убежище. Сейчас я покажу тебе, как открывается дверь в плите пирамиды – тайна эта открыта мне по праву наследия, как продолжательнице древнего рода египетских фараонов; известна она также и некоторым членам нашей Общины. Из поколения в поколение передается она и семье Хранителя пирамид; люди эти присягают даже под пытками не выдать ее врагам. Смотри, Хиан!

Взяв светильник, Нефрет подняла его над головой и указала на заднюю стену склепа, где Хиан увидел много больших кувшинов.

– Эти кувшины, – продолжала Нефрет, – полны вином, маслом, зерном, сушеным мясом и другой пищей; ближе к

выходу – я покажу тебе – стоят кувшины с водой; ее в положенные сроки меняют, так что если один или даже несколько человек окажутся здесь, они смогут прожить много дней и не умереть с голоду.

– Да избавят меня боги от такой судьбы! – в смятении воскликнул Хиан.

– Кто знает наперед свою судьбу, Хиан? Тот шакал спасется, когда за ним гонятся охотники, у кого есть нора, чтобы укрыться.

– Лучше мне быть убитым под ясным небом, чем потерять рассудок в этой тьме, общаясь с мертвецами, – с сомнением ответил Хиан.

– Нет, Хиан, ты не смеешь умереть! Ты должен жить – ради меня и Египта.

Нефрет поставила светильник на место и двинулась к изножью гробницы. Хиан последовал за ней; они остановились друг перед другом. Тишина стояла такая, что оба слышали биение своих сердец. Казалось, они забыли вдруг все слова, но глаза их говорили на своем языке. Словно раскачиваемые ветром пальмы, они клонились все ближе и ближе друг к другу, и вот она уже в его объятиях, уста их слились.

– Любимая, – прошептал Хиан, – поклянись, что, пока я жив, ты не пойдешь замуж ни за кого другого, только за меня!

Нефрет подняла голову с его плеча; в ее прекрасных глазах блеснули слезы.

– И ты просишь меня в этом поклясться, Хиан? – промолвила она глубоким, звучным голосом, совсем не похожим на ее прежний голос. – Значит, ты не веришь мне, Хиан? Я не прошу у тебя такой клятвы!

– Это было бы смешно, Нефрет. Станет ли кто искать другую любовь, если любит тебя? Зато найдется немало мужчин, что будут домогаться прекраснейшей из женщин, да к тому же египетской царицы. Разве и нет уже таких? Потому я и прошу: поклянись, что не изменишь нашей любви.

– Пусть будет по-твоему. Клянусь Духом, которому поклоняемся и ты, и я; клянусь Египтом, которым – если Рои предсказывает верно – мы с тобой в будущем станем править; клянусь прахом моего праотца, что спит в этой гробнице, что я пойду замуж только за тебя, Хиан. Пока ты жив, я буду верна тебе, а если умрешь, я тут же последую за тобой, чтобы в подземном мире обрести то, что мы потеряли на земле. И если нарушу эту клятву, да обращусь я в прах, как тот, что спит здесь, под моею рукой! – С этими словами Нефрет коснулась саркофага. – И пусть тогда имя мое будет стерто из череды имен египетских царей, и дух мой пойдет в услужение к Сету. Довольно ли тебе этого, о недоверчивый Хиан?

– Довольно, более чем довольно. О, как мне благодарить ту, что вдохнула жизнь в мое сердце? Как мне служить той, кого я боготворю?

Нефрет, ничего не ответив, покачала головой, Хиан же,

выпустив ее из объятий, распростерся перед ней ниц, точно раб, и взяв подол ее одеяния, коснулся его губами.

– Владычица сердца моего и законная царица Египта, я, Хиан, поклоняюсь тебе и повинуюсь. Все, что я имею или буду когда-то иметь, кладу я к твоим ногам, признавая твою верховную власть. Знай же, что я, твой возлюбленный, который надеется стать твоим супругом, – смиреннейший из твоих подданных, и более никто.

Нефрет наклонилась и подняла его.

– Нет, – сказала она с улыбкой, – ты более велик, чем я, и женщина должна служить мужчине, а не мужчина женщине. Мы будем служить друг другу и, значит, будем равны. Но, Хиан, что скажет твой отец Апеви?

– Не знаю, – ответил Хиан. – Молю богов лишь об одном: чтобы он не стал между нами.

– И я молю о том же, Хиан. Эта ночь – ночь счастья, такой еще не дарила мне жизнь; но завтра... ах, что ожидает нас завтра?

– Все в руках божьих, Нефрет. Не будем же ничего бояться.

– Да, Хиан, только часто путь, на который направляет нас бог, крут и тяжел; такой путь выпал моему отцу и матери. Как и мы, они любили друг друга, но Апеви лишил их жизни... Пора, Хиан, нам нужно идти; увы, счастливые мгновения коротки!

Еще раз они обняли друг друга, и уста их слились в долгом

поцелуе, а затем, взявшись за руки, направились по темному ходу из этой обители смерти к залитому лунным светом земному миру.

Когда они подошли к выходу из пирамиды, Нефрет осталась и при свете последнего светильника, ибо, пока они шли по переходам, остальные потухли, научила Хиана, как, надавив на нужный камень, который установлен так, что может вращаться, вход по желанию – или при необходимости – может быть накрепко закрыт; сделать это можно быстро, при помощи гранитного бруса – как видно, строители спасались так от любопытных, когда сооружали тайные усыпальницы внутри пирамиды. Показала также Нефрет и тяжелый гранитный заслон, который, вероятно, забыли опустить, а может, те, кто нес фараона к его вечному ложу тысячелетие тому назад, просто не позаботились об этом.

– Посмотри, – сказала Нефрет, – если выбить каменный клин, огромный заслон упадет, а потому не трогай его, иначе мы навечно останемся запертыми в пирамиде Ур, и наши кости будут тлеть рядом с костями Великого Хафра – ее создателя. Погляди, вон там, в нише, где, быть может, когда-то стоял жрец или воин, стороживший вход, сейчас помещаются сосуды с водой, о которых я говорила, а возле них масло и светильники, а также тростниковые фитили, кремни, чтобы высечь огонь, и другие необходимые вещи.

Показав все и убедившись, что Хиан все понял и запомнил, Нефрет загасила светильник и поставила его в нишу.

Затем они осторожно выбрались на поверхность, и Нефрет заставила Хиана трижды сдвинуть и снова поставить на место вращающийся камень, пока не убедилась, что он совершенно овладел этим фокусом. Затем с помощью мраморного клина, спрятанного в специально выдолбленной впадине так, что его можно было мгновенно извлечь, Нефрет закрепила вращающийся камень; теперь непосвященный не смог бы отличить его от остальных плит, покрывающих пирамиду. Когда все было сделано, они спустились вниз как раз возле лежащего на песке блока, метившего, где следует начинать подъем к входу. Миновав мощеную полосу, которая окружала пирамиду, они приблизились к храму почитателей Хафра и, держась в его тени, чтобы кто-нибудь из ночных путников не увидел их, попрощались, прошептав друг другу нежные слова, и разными тропинками направились к храму Общины.

Хиан медленно шел по залитому лунным светом некрополю. Сердце его наполнилось радостью, ибо свершилось то, о чем он мечтал. И все же к радости примешивался страх: что принесет завтрашний день? Завтра ему, послу Апеги, вручат письмо, в котором Нефрет ответит его отцу на предложение сочетаться браком. Теперь Хиан твердо знал, каков будет ответ, но вот как поступит Апеги, когда он вручит ему этот ответ, Хиан не знал. Одна лишь была надежда – быть может, в интересах династии Апеги удовлетворится тем, что на этой царице без трона женится если не он сам, так хотя бы

его наследник Хиан. Увидь Апепи Нефрет воочию, наверняка все обернулось бы иначе; Хиан хорошо знал отца: он сам пожелал бы завладеть такой красавицей. К счастью, отец не видел ее, и поэтому ему, быть может, безразлично, за кого из них двоих она выйдет, лишь бы завладеть таким образом всем Египтом.

Однако Хиан сомневался, что события сложатся столь благополучно. Если отец через своих лазутчиков или как-то иначе узнает, что его сын обручился с той, кого он домогается сам, он решит, что сын – он же его посланник – предал его, что в каком-то смысле правда. Повернись дело так, Апепи придет в страшную ярость. Человек жестокосердный и злобный, он будет жаждать мести. Скорее всего, он решит предать смерти изменника, а если и после этого Нефрет откажется выйти за него, постарается лишить жизни и ее тоже. Ибо она – законная царица Египта; может ли он, пока она жива, спокойно восседать на похищенном троне?

Идя при свете луны меж гробниц, Хиан чувствовал: смерть подкралась к нему совсем близко. Мрачные видения маячили у него перед глазами. Он почти отчетливо видел серую фигуру, закутанную в длинный плащ с капюшоном, медленно двигавшуюся впереди; вот ее тень, отбрасываемая в лунном свете на песок, приобрела очертания Осириса в его ниспадающих покрывалах – да, это Осирис, бог смерти! Но Осирис – он же и бог воскресения, он и властитель вечной жизни! Если они с Нефрет и вправду обречены смерти, так

пусть хоть за роковой чертой ждут их радость и мир на тысячелетия!

Так учит Рои, и в это верит он сам, Хиан. И все же, ведь только что он целовал губы свой возлюбленной, теплые человеческие губы, и ее нежные слова еще звучат в его ушах! Хиан содрогнулся от овладевших им печальных, мрачных мыслей. Кто может предсказать с уверенностью, что лежит по ту сторону земной жизни? О, кто это знает, кто это испытал?

Хиан приблизился к потайному ходу, ведущему в храм Сфинкса. Неожиданно из-под сводов показалась гигантская фигура Ру, который с любопытством воззрился на него.

– Ты так поздно гулял, господин! Уж не гонялся ли ты за Духом пирамид?

– За кем же мне еще гоняться, Ру?

– И ты нашел ее, господин, и увидел ее лицо, которое, как говорят, прекрасно?

– Да, Ру, я нашел ее и видел ее лицо. Это правда – она прекрасна.

– И ты потерял разум, господин? Ведь говорят, все, кому она улыбнется, впадают в безумие.

– Да, Ру, я сошел с ума от любви!

– И готов жизнью заплатить за ее поцелуй и последовать за ней в преисподнюю?

– Если понадобится, готов, Ру.

Глядя на песок под ногами, великан о чем-то размышлял. Наконец он поднял голову и произнес:

– Я всего лишь простой воин, господин, но на тех, в ком течет кровь эфиопа, временами находит прозрение. Говорю тебе, потому что ты мне нравишься. Я вижу, на песке написано: ради собственного спасения и спасения той, о ком ты говоришь, вам нужно бежать сейчас же, вот этой ночью, за море, в Сирию, или на Кипр, или на юг, к верховьям Нила, и укрыться там до лучших времен.

– Благодарю тебя, Ру. Скажи мне, в конце этого предначертания видишь ли ты знак Осириса?

– Нет, господин, ни тебе, ни ей нет этого знака. Но я вижу кровь и много страданий, и они подступили совсем близко.

– Кровь высохнет, страдания минуют, Ру, – сказал Хиан и, оставив эфиопа вглядываться в песок, направился в храм.

Глава XIII. ГОНЕЦ ИЗ ТАНИСА

В день, следовавший после полнолуния, когда царевич Хиан, пустившись на поиски Духа пирамид, нашел вместо того земную женщину и возлюбленную, собрался Совет Общины. На рассвете пришло донесение с границы Священной земли: стража сообщала, что по Нилу на корабле прибыл гонец царя Апеги; он ждет в пальмовой роще, чтобы его под охраной проводили в храм, желая предстать перед Советом Общины. Когда стражники спросили, что случилось с жрецом Тему, который был послан с письмом от Совета к царю в Танисе, гонец ответил: Тему-де умер от болезни, доставив письмо ко двору царя, и потому никогда уж не возвратится в Общину Зари, – так слышал гонец. Гонца велели принять и представить Совету, чтобы он передал послание или письмо, которое принес.

В назначенный час пророк Рои и члены Совета Общины Зари собрались в большом храмовом зале, куда сошлись и члены Общины, чтобы выслушать ответ царицы Нефрет царю Апеги; здесь же был и Хиан под именем и в звании писца Расы, личный посол царя Севера. Последней, в царских одеждах, впервые увенчанная короной Верхнего и Нижнего Египта, появилась Нефрет в сопровождении телохранителя, эфиопа Ру, и Кеммы, своей воспитательницы. Она села на трон, – тот самый, на котором она восседала и в ночь корона-

ции; Совет и все присутствующие почтительно склонились перед ней.

Объявили, что прибыл гонец с письмами от царя Апепи. Пророк Рои велел впустить его, и, сопровождаемый двумя жрецами, тот вошел в зал.

Хиан не сводил глаз с шедшего по проходу гонца, надеясь узнать в нем одного из приближенных Апепи. Это был плотный приземистый человек, слегка хромавший; он так укутался в покрывала, что даже рот его был закрыт, будто стояла зима и он опасался холода. Вот взгляд его упал на Хиана, следившего за ним, и он, как будто чего-то испугавшись, поспешно отвернулся. И тут он увидел Нефрет. Освещенная лучом света, который падал через верхнее окно, во всем сиянии юной красоты, в роскошном царском одеянии она сидела на троне. Снова гонец на мгновение приостановился, словно в изумлении, а затем приблизился к возвышению. Он склонился в почтительном поклоне, достал папирус, который сначала приложил ко лбу, а затем передал одному из жрецов; тот поднялся на возвышение и вручил его Нефрет. Она приняла свиток и передала пророку Рои, сидевшему по правую руку от нее.

Развернув папирус и проглядев его, Рои прочел его собравшимся. Вот что там было написано:

«От царя Апепи Совету Общины Зари.

Я, царь, получил письмо ваше, а также письмо моего посла, писца Расы. Ваш посланник, назвавшийся именем Те-

му, прибыл к нам недужным и, проболев немало дней, скончался. Перед смертью сообщил он моим приближенным, что посол, которого я отправил к вам, писец Раса, упал с пирамиды и умер. Надлежит вам сообщить мне обстоятельства гибели писца того, моего слуги, ибо виню я вас в том, что вы убили его.

Что до того, о чем речь в письме вашем, то не скажу я ничего, пока не получу ответа госпожи Нефрет на предложение выйти за меня, царя, какое я сделал ей, и поступлю далее в зависимости от такового ответа. Свиток, этот посылаю я с верным мне человеком скромного звания; не ведает он, что изложено в писании, ибо не доверяю я вам более и не стану посылать к вам никого из моих знатных приближенных. Вручите ответ этому человеку, и пусть возвращается он без промедления; если же и с ним случится неладное, я, царь, смету вас с лица земли.

Скреплено печатью Апепи, бога, царя Верхнего и Нижнего Египта, а равно печатью везира Аната».

Дочитав до конца, Рои в гнев швырнул письмо под ноги и сделал знак гонцу отойти, что тот поспешно исполнил; точно испугавшись, отступил он в глубь зала и устало прислонился к колонне.

Заговорил Рои:

– Царь Апепи прислал нам не ответ на то, о чем писали мы, а обвиняет нас в убийстве его посла, писца Расы. Он сообщает также, что наш посланник Тему умер от болезни, че-

му мы, – а нам дано знать, когда болезнь вдруг поразит кого-то из наших братьев, – не верим. Прошу тебя, писец Раса, выйди вперед, чтобы гонец царя Апеги и все, кто тут собрались, увидели, что ты жив. Подойди сюда, писец Раса, и стань рядом с тронем, чтобы все тебя увидели.

Хиан поднялся на возвышение и стал рядом с тронем; когда он подходил, Нефрет улыбнулась ему, и он улыбнулся ей в ответ.

Рои продолжал:

– Царица Нефрет, настал час, когда тебе надлежит дать ответ царю Апеги. Скажи, царица Нефрет, согласна ли ты стать его супругой?

– Всемудрый пророк и Совет Общины Зари, – отвечала Нефрет ясным и спокойным голосом, – я благодарю царя Апеги, но отвечаю, что никогда не соглашусь я стать женой человека, который убил моего отца и хотел подкупом и предательством захватить мою мать и меня, чтобы умертвить и нас также. Более мне сказать нечего.

– Пусть слова Ее Величества будут записаны, чтобы она скрепила их своей печатью, а члены Совета удостоверили их как свидетели и также поставили печать. Да будет исполнено это без промедления, и ответ вручен писцу Раса. Пусть также копия будет дана второму посланнику, чтобы мы были уверены, что ответ дойдет до царя Апеги.

Так и было сделано: Тау написал оба письма собственноручно, после чего они были скреплены печатями и скатаны

в свитки. Рои приказал, чтобы гонец царя Апеги подошел и взял копию.

Но когда стали искать гонца, оказалось, что его уже нет в зале. Пока писали и скрепляли печатями письма, он незаметно скользнул в дверь, сказав страже, что уже получил ответ на послание. Кто-то хотел отправить за ним погоню, но Тау сказал:

– Не станем ловить его. Этот человек испугался и бежал, подумав, что если останется, его может настигнуть здесь смерть, как, по его словам, в Танисе смерть настигла нашего брата Тему. Он оставил свиток, но это ничего не значит, ибо он слышал ответ и передаст его на словах.

Так исчез гонец, и никто, кроме Рои, не вспомнил больше о нем.

Хиана пригласили в личные покои пророка. Возле Рои сидели жрец Тау и несколько старейшин Совета; тут же находились и Нефрет с Кеммой. Когда Хиан сел на указанное ему место, Рои сказал:

– Царица наша поведала нам о том, что произошло минувшей ночью, царевич Хиан, – ибо ты не кто иной, как царевич Хиан, о чем мы знали с самого начала. Она рассказала нам, что прошлой ночью, гуляя среди усыпальниц, – а она любит совершать такие прогулки, – она случайно повстречала тебя, царевич Хиан, – тобой тоже овладело желание побродить по граду мертвых, – и что вы говорили о чем-то наедине. Если

это так, о чем ты сказал царице и что она сказала тебе, царевич Хиан?

– Всемудрый пророк, я сказал, что люблю ее и желаю стать ее супругом, и клянусь, никогда еще с уст моих не слетали более истинные слова, – бесстрашно ответил Хиан. – Что же ответила мне царица, пусть она скажет сама, если того пожелает.

– Я ответила царевичу Хиану, что отдаю ему дар за дар и любовь за любовь; пусть он и никто другой станет моим повелителем. Тебя же, наставник моей души, прошу благословить мой выбор и вместе с Советом Общины дать согласие на наше обручение.

– Благословляю тебя с радостью, сестра наша и царица, и полагаю, что согласие на ваше обручение последует незамедлительно. Знайте же, мы надеялись и молились, чтобы так произошло; мы даже старались помочь вам найти друг друга, веря, что тогда без войны и кровопролития разделенный надвое Египет, признав единый трон, воссоединится. Мы внимательно следили за вами обоими и решили, что вы созданы друг для друга, а потому верим: вам предназначено идти вместе. Вот наш ответ.

– Благодарю тебя, отец, – отозвался Хиан; Нефрет тихо вторила ему.

– Мы не сомневаемся, – продолжал Рои, – что сердца ваши полны счастья и благодарности, однако, царевич и царица, должны мы сказать и другое. Всех нас в скором времени

ожидают тяжкие испытания, и не быть вам вместе, покауда они не минуют; Апепи угрожает нам. Когда он узнает об от- казе, им овладеет ярость, а когда поймет, почему и ради кого отвергнут – такие вести доходят быстро, – представляете ли вы, что случится тогда? По-прежнему ли намереваешься ты, царевич Хиан, самолично доставить наш письменный ответ, который не взял посланец, твоему отцу, царю Апепи, или ты предпочтешь остаться с нами или скроешься на время в каком-нибудь дальнем краю?

Хиан, подумав немного, отвечал:

– Я принял на себя это посольство, прежде чем мне открылось предназначение судьбы, и, согласно обычаю, принес клятву верности – я поклялся доставить послание, а затем и ответ, и если останусь в живых, сам доложу все в подробностях тому, кто послал меня. Эту клятву я должен исполнить, иначе позор падет на мою голову, и потому не могу я скрыться здесь или где-то еще, пусть мое возвращение и таит теперь в себе большую опасность. То, что я принял учение Общины Зари и обручился с той, имя которой мы чтим, касается меня одного; во всяком случае, так я это понимаю; но долг подданного царя Апепи – доставить ответ на его послание, и корабль, вызванный из Мемфиса, будет ожидать меня на Ниле. Если зло и коварство уготованы мне, что ж, значит, такова моя судьба, но честь превыше всего. Я доставлю письма и, если царь Апепи потребует, скажу ему всю правду, а дальше пусть будет что будет или, скорее, как определит

тот, кому мы повинемся.

Нефрет смотрела на него с гордостью, а члены Совета одобрительно закивали.

– Благородные и мужественные слова, – сказал Рои. – Мне понравился твой ответ, царевич Хиан; он еще раз подтвердил, что наша царица отдала свою любовь достойному человеку. Опасность велика, и, покуда ты не преодолеешь ее, ты не должен жениться, иначе невеста твоя овдовеет, не успеет стать женой. Однако я верю, что ты преодолеешь все препятствия и в конце концов дух, которому мы служим, выведет тебя на дорогу радости и мирной жизни.

– Пусть будет так, – отозвался Хиан.

– А теперь слушайте меня оба, – продолжал Рои. – Я очень стар, и мне известно, что скоро я должен покинуть этот мир, хотя, как это произойдет, еще не знаю. Да, я, кто всю жизнь стремился к свету, должен уйти в царство тьмы, где, я верую, обрету свет. Царевич Хиан, знай, ты видишь меня в последний раз. Всю жизнь я старался способствовать мирному, без кровопролития, объединению Египта. Теперь, быть может, ты, царевич, и ты, царица, своим союзом объедините страну, и она снова станет единой, хотя и не навсегда. Я не доживу до того дня, чтобы своими глазами увидеть это объединение, но верую, придет время и в иных местах я услышу о том из ваших уст. Верно и то, что дух мой поведет вас обоих по земле, хотя видеть меня вы уже не будете. Подойдите ко мне, царевич Севера Хиан и помазанница божья, царица Египта

Нефрет, и примите мое благословение.

Они подошли и опустились на колени перед старым жрецом Рои, который и теперь уже больше походил на духа, чем на человека. Он возложил свои иссохшие руки на их головы и благословил во имя Небес и от своего имени, прося даровать им радость и потомство, а также призвав их служить Египту, Общине Зари и Вселенскому Духу. Затем он быстро поднялся и покинул зал.

Следом, один за другим, соблюдая очередность соответственно сану, покинули зал члены Совета; последними ушли Кемма и Ру. Хиан и Нефрет остались одни.

– Близок час расставания, – печально молвил Хиан.

– Да, возлюбленный мой, – отвечала Нефрет. – Хотела бы я знать, когда и где наступит час встречи?

– Этого и я не знаю, Нефрет. И никому не дано знать, даже Рои, но пусть надежда не покидает тебя, потому что он непременно придет. Мне пора в путь; по глазам твоим вижу, что ты, как и я сам, считаешь, что я должен идти.

– Да, Хиан, так я думала и думаю. А потому уходи, и скорее, иначе сердце мое не выдержит муки. Помни все, Хиан, каждое слово, которое мы сказали друг другу! И еще об одном помни: заклинаю тебя нашей любовью, не верь ничему, что тебе будут рассказывать обо мне; не верь, если тебе скажут, что я вышла замуж где-то в далеких краях или изменила тебе. Верь лишь одному: живу ли я на земле или обитаю в подземном мире, я – твоя, и только твоя; лучше я умру,

чем отдам себя кому-то другому. Поклянись мне, что не забудешь об этом, Хиан!

– Клянусь, Нефрет, но и ты поклянись мне в том же. Они обнялись, и губы их слились в долгом поцелуе. Но вот по знаку Нефрет – говорить она была не в силах – Хиан выпустил ее из своих объятий. Он низко поклонился ей, и она поклонилась ему в ответ. Хиан повернулся и пошел к выходу. У двери он оглянулся. Одета в белые девичьи одежды сестер Зари, без украшений или какого-то знака, указывающего на ее царский сан, и все же исполненная царственной величавости, она стояла неподвижно, точно статуя, глядя на него, и слезы катились из ее прекрасных глаз. Еще миг, и, словно врата судьбы, дверь затворилась, Нефрет осталась за ней.

В келье Хиана ожидал Тау, второй прорицатель Общины.

– Я пришел сказать тебе, царевич, что твой корабль ждет тебя у берега и на него отнесены все дары, которые прислал с тобой Апепи, Ру проводит тебя, – обратился он к Хиану.

– Да, Тау, только вот кто проводит меня обратно, хотел бы я знать? – тяжело вздохнув, молвил Хиан. – Кажется, мне снился чудесный сон, а теперь я спустился на землю и понял, что это всего лишь сон, который никогда не станет явью.

– Мужайся, царевич, ибо, я знаю, сон сбудется. Однако не скрою от тебя, нам грозит большая опасность. До нас дошло, что Апепи собирает войско, объявляя всем, что хочет защищаться от вавилонян, которые будто бы угрожают ему;

но так ли это? Я хотел расспросить об этом его гонца. Мы думали, что он ждет нашего ответа, а он бежал.

– Я тоже хотел говорить с ним, Тау, но что толку теперь вести об этом речь.

– Царевич, – продолжал Тау приглушенным голосом, – может случиться, что на какое-то время Община Зари, а с ней и та, кого мы почитаем, вынуждены будут исчезнуть из Египта. Если ты узнаешь об этом, не верь, что мы пропали навсегда или погибли, хотя кто-то и очень хочет этого; знай, мы отправились за помощью, а куда, я еще не могу открыть даже тебе, хотя, быть может, ты и сам догадаешься. Война и кровопролитие ненавистны нам, царевич, но если кто-то принудит нас, мы станем сражаться; в молодости я, как и ты, был воином и полководцем, и место мое среди нашей рати. Помни, царевич, пока я или хоть один брат или сестра Общины будут живы, где бы мы ни находились, – а как ты видел в ночь коронации, нас много в разных землях и странах, – царственная особа не останется без убежища и защиты. А теперь прощай до того дня, когда – я верю в это! – ты и госпожа станете мужем и женой и будете коронованы как царь и царица государства, простирающегося от нильских порогов до самого моря. Прощай, брат!

И снова Хиан шагал через полосу песков, что пролегла между Сфинксом и пальмовой рощей на берегу Нила; только на сей раз вел его не юноша, закутанный в плащ, с нежным

голосом и маленькими женскими руками, а эфиоп Ру, который не смолкал ни на минуту.

– Значит, ты и вправду царевич Хиан, господин, как и ходили слухи, – рассуждал он. – Мы-то с госпожой Кеммой первыми разгадали, кто ты, с самого начала, а теперь вот ты обручился с моей царицей, и очень мне это не нравится, потому что как только ты явился сюда, она на меня уже и не взглянет, и слова не скажет. Но коли так заведено в жизни, если говорить честно, пусть лучше будешь ты, чем кто другой, потому что ты – воин, как и я; ты смелый человек, ты свою смелость показал, когда лазал на пирамиды, у меня-то никогда не хватит духу даже немного на них взобраться. Так что я с охотой буду служить вам, когда вы поженитесь; только если ты вздумаешь плохо обращаться с моей царицей, вспомни об этом топоре: тогда я разрублю тебя надвое, хотя бы пятьдесят фараонов или сто богов воплотились в тебе. Ты, верно, думаешь, что завоевал ее любовь, потому что так умен, но ты ошибаешься. Не ты ее завоевал, и не она тебя. Это все старые жрецы Общины устроили, напустили на обоих чары, потому что им это нужно. Да только как свели они вас, так могут и развести, это уже ты поверь мне; понадобится им, наговорят всяких заклинаний, и вы возненавидите друг друга. Правда, не думаю, чтобы они так сделали, вы ведь оба в Общине, а потому вся Община поможет, чтобы исполнились ваши желания.

– Рад это слышать, – вставил Хиан, когда Ру наконец оста-

новился, чтобы перевести дух.

– Да, господин, и это очень хорошо – быть в Общине, пусть даже слугой, как я, потому что везде у тебя друзья. Теперь можешь не бояться, в какую беду ни попадешь; даже если палач накинет петлю на шею – Рои или кто еще, пусть и находится от тебя далеко, а скажет слова заклѣтия или даст повеление, и кто-нибудь явится и спасет тебя. Уж я это знаю, потому и уверен, что ты обязательно женишься на моей царице, – если вы, конечно, не разлюбите друг друга; пройдет немного времени – и женишься, и все мы тоже не попадем в пасть этого бешеного льва, царя Апепи, хоть он и думает, что уже схватил нас.

– Как же вы спасетесь, Ру?

– А так, господин. Найдем себе друзей, которые посильнее Апепи. Есть, к примеру, вавилонский царь, нашей царице он дедом приходится; так вот, он может выставить двух копьеносцев против одного у Апепи, я уж не говорю, какое у него множество колесниц, а у Апепи-то их вовсе нет. Там, при дворе царя вавилонского, очень много братьев нашей Общины; кое-кто из них был тут в ночь коронации, и, я знаю, чуть ли не каждый день туда отправляют послания. Какими путями – это тайна. Не удивлюсь, если и мы туда скоро отправимся, и тогда, быть может, мне еще доведется помахать своей секирой, пока я не состарился да не растолстел. Ты ведь обречен с нашей царицей, потому я и не боюсь рассказывать тебе про такие вещи.

– И правильно делаешь, Ру, – поддержал его Хиан.

– Я вот заговорил о посланиях и вспомнил о разных гонцах, – продолжал Ру, – или, скорее, об одном. О том закутанном, от Апепи, который бежал; только если бы я его сторожил, а не эти глупые жрецы, он бы не сбежал.

– И что же ты хочешь сказать?

– Да ничего такого, только странным он мне показался. Ты глаза его видел, господин? Как у ястреба и гордые очень, такие глаза у знатных господ бывают; а когда услышал, что ответила наша царица, он так разъярился, что дрожь бить его стала, хоть и был весь закутан. И еще того удивительнее – когда вошел он к нам в зал, то сильно на одну ногу припадал, прямо совсем хромой, а потом люди, что работали в поле, видели – он бежал к Нилу, как шакал, когда за ним собаки гонятся. Да разве хромой может бежать, как шакал? А еще я слышал, что когда он добежал до корабля, который его ожидал, все, кто были на нем, на берегу, пали перед ним ниц, как будто он превыше всех, а он прыгнул на борт и давай их всех честить да кричать, что они, мол, рабы и всякое такое, ну как большие господа кричат. Вот я и подумал: наверно, он не тот, за кого себя выдавал, как и ты, господин; ты ведь назвался писцом Расой, а на самом деле – царевич Хиан. Ну вот и дошли мы с тобой до пальмовой рощи, где я стащил у тебя всю поклажу, пока ты спал. А ведь это меня царица – тогда-то она еще только царевной была – надоумила, она с детства такие шутки любит. Э-э, смотри-ка, вон и твой ко-

рабль приплыл – тот самый, что тебя сюда доставил, а вон и жрецы с твоим грузом.

– Да, Ру, все собрались, только лучше бы они не приплывали. А тебе, Ру, я хочу сделать подарок: вот, возьми эту цепь из чистого золота, которую я носил на груди. Храни ее в память обо мне и надевай, когда прислуживаешь царице, – быть может, она будет напоминать ей о том, кого нет с ней рядом.

– Благодарю тебя, господин, хотя, похоже, ты хочешь убить сразу двух птиц одним камнем: я, выходит, могу этот подарок показывать, а продать не могу. Но это мне известно: любящие, они сначала про себя думают, и надеюсь, когда-нибудь, коль придется нам стать плечом к плечу в сражении... Э-э, смотри-ка, к нам идет госпожа Кемма, да как быстро! Я уж сколько лет не видел, чтобы она так резво шагала. Видно, хочет тебе что-то сообщить.

Не успел Ру договорить, как Кемма подошла к ним.

– Пospела я, царевич, – проговорила она, едва переводя дыхание. – Нелегкое это дело для старой женщины – брести по песку в такую жару, точно корова за пропавшим теленком; и все-то по девичьей прихоти.

– Что за прихоть, Кемма? – с беспокойством спросил Хиан.

– Да ничего важного. Велела передать тебе вот это, – могла ведь подумать раньше и отдать сама! – да просила, чтобы ты носил его, не снимая, потому что по нему она признает

тебя как своего повелителя и возлюбленного, чего, конечно, она не должна бы делать, так же как и посылать тебе этот перстень, а она вот послала. Я ей сказала, а она разгневалась и говорит: если ты не отнесешь ему перстень, я сама отнесу, потому что никому больше довериться не могу. Ничего себе приятное зрелище: царица стремглав несется по пустыне вдогонку за каким-то писцом; ведь люди-то все еще тебя писцом считают. Вот и пришлось мне бежать за тобой.

– Я все понял, госпожа Кемма, но что ты принесла? Пока ты только говоришь и ничего не передала мне.

– Да неужели? Вот, возьми. – И она достала из складок одеяния маленький сверток папируса, на котором было написано: «Дар царицы ее царственному супругу и возлюбленному».

Хиан развернул его – внутри оказался перстень Нефрет, тот самый, который Рои надел ей на палец в ночь коронации.

– Перстень царицы! – воскликнул изумленный Хиан.

– Да, царевич, а до того – перстень царя Хеперра, – тот самый, который после битвы сняли с его пальца бальзамировщики; а еще раньше – перстень его отца и так далее. Погляди, на нем вырезано имя Хафра, чью гробницу ты, наверно, видел во время своих ночных прогулок; только вот не скажу, носил он когда-то этот перстень или нет. Одно скажу – перстень этот переходил от одного фараона к другому, от потомка к потомку, а теперь, похоже, передается как любовный дар тому, кто не родня царям, а будет носить его словно

родня.

– А может, и течет в нем кровь фараонов, госпожа моя Кемма, хотя это и не больно заботит его, – с улыбкой отвечал Хиан.

С этими словами он взял священный перстень и, коснувшись его губами, надел на палец правой руки, сняв другое кольцо, на котором был выгравирован лев в короне – эмблема его рода.

– Дар за дар, – сказал он. – Передай это кольцо царице Нефрет и скажи, что я прошу носить его, так же как и я буду носить перстень, что она прислала мне. Пусть кольцо напомнит Нефрет, что все, что я имею, принадлежит ей. Скажи также, что в тот день, когда мы станем мужем и женой, мы вернем друг другу кольца, а вместе с тем и все, что они означают.

Кемма взяла кольцо и едва успела его спрятать, как появился начальник стражи, который сопровождал Хиана из Таниса.

– Приветствую тебя, господин Раса, и очень рад, что тебя не поймал в свои сети Дух пирамид, о котором мы с тобой толковали, когда расставались вот на этом самом месте тридцать пять дней тому назад; хотя, быть может, прошло и больше, потому что время летит быстро в веселом городе Мемфисе. А ты, похоже, завел себе странных друзей в этой святой обители призраков. – И начальник стражи с опаской покосился на чернокожего великана, который стоял, опира-

ясь на свою огромную секиру, и величавую Кемму, лицо которой было закрыто белым покрывалом. – Да и сам ты вроде на себя не похож, исхудал, не иначе как водил дружбу с призраками. Ну, да ладно, кормчий говорит, если ты готов, господин Раса, он хотел бы отплыть, куда не переменится ветер; а может, потому он спешит, что гребцы наши опасаются здешних мест, или и по той и по другой причине сразу. Если ты не возражаешь, отправимся поскорее в путь.

– Я готов, – отвечал Хиан.

Кемма низко поклонилась ему, Ру поднял в знак прощания свою секиру, Хиан повернулся и пошел к берегу, гребцы перенесли его по мелкой воде к судну. Вскоре Хиан уже плыл по Нилу и все глядел на пальмовую рощу, где впервые повстречал Нефрет. Силуэты пальм блекли и расплывались в сгущающихся сумерках, но вот взошла полная луна, осветив пирамиды, и Хиан погрузился в воспоминания о чудесных событиях, которые случились с ним под их сенью; потом и пирамиды заволокло дымкой, и они исчезли из виду, и тогда Хианом овладело странное чувство – а не приснилось ли ему все это во сне, подумал он.

Глава XIV. ПРИГОВОР ФАРАОНА

Спустя несколько дней, на рассвете, Хиан благополучно прибыл в Танис. Придя во дворец, он прежде всего направился в свои покои и, сняв одежды писца, облачился в подобающее его сану одеяние. Но вот дворец начал пробуждаться от сна, Хиан послал к везиру начальника стражи с сообщением о своем прибытии и стал ждать ответа.

Из окна своей спальни он видел, что по равнине внизу движутся войска, а от причалов отходят корабли и под развеваяющимися флагами уплывают вверх по Нилу. Пока он гадал и раздумывал, что это все означает, явился старый лис везир Анат.

– Приветствую тебя, царевич, – промолвил он, низко кланяясь. – Я рад, что ты благополучно завершил свое дело, ибо до нас дошел слух, будто ты упал с пирамиды и разбился насмерть, почему мы заключили, что тебя умертвили эти одержимые – братья Общины Зари.

– Мне это известно, Анат, все это было написано в письме, которое доставил гонец моего отца, и я тогда выступил вперед, чтобы показать, что жив, хотя и вправду упал с пирамиды и какое-то время пребывал без чувств. Но воротился ли этот гонец? Он исчез так внезапно, что я не успел ничего ему сказать.

– Про то мне неизвестно, царевич, – отвечал Анат. – Мне

ничего не сообщили об этом гонце, но ведь я только что пробудился ото сна, а он, быть может, вернулся ночью.

– Надеюсь, что так, Анат, – сказал Хиан, улыбнувшись. – Он не дождался послания, которое доставил я. Боюсь, его донесение не понравится отцу, и предпочел бы, чтобы он узнал новости от него, а не от меня.

– Ты так полагаешь, царевич? – сказал Анат, с любопытством глядя на него. – Однако от братьев Общины Зари уже получены вести, от которых Его Величество очень разгневался. Если и твои будут подобны прежним, боюсь, он разгневадается еще больше. Не сообщишь ли мне, что в этом послании?

– Нет, Анат. Хотя ты его везир и хранитель всех тайн, ты и сам знаешь, какой крутой нрав у моего отца; если я открою то, что мне поручено сообщить, ему это может не понравиться.

Анат почтительно поклонился Хиану и сказал:

– Что касается нрава Его Величества, ты прав, царевич; с того самого дня, как ты отправился в свое посольство, он стал гневаться все больше и больше. Не иначе как злое божество надоумило меня тогда подать ему мысль о женитьбе; лучше б нам не знать и слыхом не слыхивать ни о какой Общине Зари. Из-за женитьбы и этой Общины он грозит отрешить от должности даже меня, хотя прекрасно знает: на себя же и навлечет зло, если прогонит меня. Сколько лет я служил ему щитом, отводящим стрелы от его головы, а мое предви-

дение спасало его от заговоров.

– Та говоришь правду, Анат, – согласился Хиан.

Анат подумал немного, затем, понизив голос, продолжал:

– Даже фараоны рано или поздно теряют власть или умирают, царевич. В прах обращаются их короны, а величие поглощает гробница. С самого твоего детства я наблюдаю за тобой, царевич; я старался проникнуть в твои помыслы и знаю, что ты честный и благородный человек. Хочу спросить тебя и, поверь, приму твой ответ, как если б то отвечал сам бог. Благоклонен ли ты ко мне и, если придет время тебе сесть на трон, который сегодня занимает другой, оставишь ли меня на моей почетной должности, сохранишь ли мне звание везира Севера? Обдумай свой ответ и скажи, царевич.

Всего лишь на мгновенье задумался Хиан, затем произнес:

– Думаю, что сделаю это, Анат; я даже уверен, что так и будет.

– Везиром Юга тоже, если произойдет так, что великая страна присоединится к твоим владениям?

– Да, Анат, хотя есть еще одна... – я хочу сказать, есть и другие, которые должны будут сказать свое слово. Почему бы тебе и не стать им? Знай, покуда ты наблюдал за мною, я приглядывался к тебе, и не держи на меня зла, если скажу, что знаю твои слабости. Назову их: ты очень коварен и слишком стремишься к богатству и власти. Но я также знаю, что ты верен тому, кому служишь, предан друзьям, а что ка-

сается государственных дел, ты умнейший человек в Египте. К слову сказать, ты очень прозорлив, ты доказал это, предложив фараону взять в жены царевну Южных земель, хотя твой замысел принес больше беспокойств, чем ты предполагал. Вот я и ответил тебе, а, как ты и сам сказал, я не из тех, кто нарушает слово.

Анат низко поклонился и поцеловал царевичу руку.

– Благодарю, царевич, – сказал он, а затем, помедлив, добавил: – В тот день, когда ты станешь царем Севера и Юга, я напомню тебе эти слова, которые в твоих устах приобретут силу нерушимого указа.

– Что все это значит, Анат? – нетерпеливо спросил Хиан. – Ты ведь не пытаешься втянуть меня в заговор против моего отца?

– Нет, царевич, клянусь всеми богами гиксосов и египтян. Но все же выслушай меня. Я заметил, что, если что-то мешает исполнению желаний Его Величества, он совсем теряет рассудок; а тот, кто теряет рассудок, жаждет уничтожить своих врагов, в особенности если это тоже цари. Более того, он слишком нетерпелив, а нетерпеливые проваливаются в ямы, которые другие обходят стороной. К тому же у него не такое крепкое здоровье, как он полагает, а ярость, случается, останавливает сердце. Если у фараона остановится сердце, что станет с ним?

– Великие боги, что ты говоришь, Анат! – засмеялся Хиан.

– То и говорю: больше его уже не будут занимать дела земные. Примерно месяц тому назад отец твой испросил твоего согласия лишить тебя права наследования престола, и ты без раздумий согласился на это. Однако за время, миновавшее с тех пор, царевич, быть может, что-то изменилось?

Везир бросил пронизательный взгляд на Хиана и продолжал:

– Переменил ты свое мнение или нет, знай: нельзя так просто лишить законных наследников их прав.

– Но тогда ты, кажется, одобрил мое решение, Анат; более того, ты сам и подал отцу мысль о женитьбе.

– Тростник гнется под ветром, царевич, что же до этой жениться, то как бы объяснить тебе: может, была у меня мысль спасти людей Общины Зари, чье ученье я уважаю, а может, я хотел избавить Египет еще от одной войны или и то и другое вместе. Одного я никак не желал – повредить тебе, царевич. И все же так случилось; теперь же пора развязать этот узел.

– Да, Анат, так случилось, или нам только кажется, что случилось, на самом же деле надо принести за все благодарность богам. Ибо иначе меня не отправили бы с посольством и со мной не произошло бы того, что произошло и что сделало меня счастливейшим человеком на свете. Может быть, позднее я расскажу тебе обо всем – если решусь... Однако когда же отец примет меня? И скажи мне заодно, почему перед дворцом собирается войско и куда держат путь корабли, отплывающие вверх по Нилу? Уж не начинается ли новая

война с Югом?

– Его Величество и сам недавно вернулся из путешествия, царевич. Он сказал, что, по обычаю предков, гиксосов давних времен, совершал жертвоприношение в пустыне. Возвратился он лишь вчера поздним вечером, усталый и рассерженный, и не пожелал принять меня. Наверно, он еще спит, но в полдень соберется Совет, на который ты должен явиться. А войны и барки...

В эту минуту по галерее разнеслись громкие выкрики:

– Посыльный фараона! Посыльный фараона к царевичу Хиану. Дорогу посыльному фараона!

Двери распахнулись настезь, занавесы раздвинулись и в комнату ступил один из глашатаев Апепи, в подобающем случаю наряде и с овечьей шкурой на спине, как в старину носили гиксосы. Он прыжком двинулся вперед и пал ниц перед царевичем, а затем произнес:

– Узнав, что Твое Высочество возвратилось в Танис, фараон Апепи приказывает тебе без промедления явиться к нему в Зал собраний, о царевич Хиан. И тебя он тоже призывает, о везир Анат. Скорее, скорее, о царевич и великий везир!

– Похоже, отец спешит.

– Да, – отозвался Анат, – и настолько, что не хочет ждать ни минуты. Потом мы продолжим разговор, царевич. Теперь же, глашатай, веди нас.

Вслед за глашатаем они прошли по коридорам, пересекли

внутренний двор, по которому торопливо шагали советники и приближенные царя; как видно, их также срочно призвал Апеги в Зал собраний. Там в окружении жрецов, писцов и стражи сидел на троне Апеги. Приглядевшись к отцу, Хиан заметил, что вид у него очень усталый и одет он небрежно. на голове нет короны, а вместо царского плаща и парадного фартука на нем узорчатое покрывало, смутно напомнившее о чем-то Хиану; ему показалось, что он совсем недавно видел что-то похожее. Апеги словно похудел, лицо его осунулось, а глаза горели злобой.

Хиан приблизился к возвышению и, произнеся полагающиеся приветствия, простерся ниц перед своим царственным отцом; Анат же, отвесив церемонный поклон, стал по левую сторону от трона.

– Поднимись, царевич Хиан, и объясни мне, – начал Апеги, – как получилось, что ты, кому я доверил столь важное посольство, не сообщил мне о своем возвращении?

– Фараон и отец мой, – отвечал Хиан, – я сошел на берег на рассвете и тут же, как положено, известил везира Аната о своем прибытии. Везир Анат, встав ото сна, посетил меня. Он сообщил мне, что Твое Величество, вернувшись из далекого паломничества, изволит отдыхать.

– Не важно, что он сказал тебе! Разве везиру, а не мне должен ты сообщать о своем возвращении; разве от начальника стражи, которого я посылал с тобой, должен я узнавать о твоём прибытии? Ты непочтителен, Хиан, а везир слиш-

ком своеволен! Так что ты скажешь нам? Как выполнил ты поручение? Может, ты и об этом уведомил везира? Знай, я полагал, что ты умер, тебе, наверно, сказал об этом мой гонец там, у пирамид. Разве не долг твой был как можно скорее сообщить мне, что ты жив? Так ли должен относиться сын к отцу, а подданный к царю?

Хиан снова пустился в объяснения, но Апепи прервал его:

– Я получил письма от Совета Общины Зари – предерзкое письмо, они отвечают угрозой на угрозу, – и вместе с ним твое письмо, Хиан, где ты сообщаешь, что видел Нефрет собственными глазами на церемонии, когда она, неизвестно по какому праву, была коронована как царица Египта. Ответа же, согласна ли она стать женой мне, я не получил. Доставил ты ответ, Хиан?

– Доставил, – ответил Хиан и, вынув свиток, вручил везиру, который, опустившись на колени, подал его царю.

Апепи развернул свиток и небрежно пробежал его глазами, словно уже знал, что там написано. Он дочитал до конца, и лицо его потемнело от гнева, глаза яростно засверкали.

– Слушайте все! – произнес он. – Эта самозванная царица отказывается стать мне женой, потому что ее отец, царь Хеперра, был убит в битве с моим войском. Вот что она говорит! Ты, Хиан, прожил в их Общине целый месяц; скажи, в чем истинная причина ее отказа?

– В таком сложном деле трудно понять резоны женщины, государь.

– Отчего же не выведать их окольными путями, Хиан? Зачем я посылал тебя? Подумай, поищи эти резоны, Хиан. Но сначала протяни вперед свою правую руку.

Решив, что сейчас Апепи потребует, чтобы он принес клятву, Хиан повиновался. Апепи уставился на его руку, потом перевел взгляд на послание и негромким спокойным голосом спросил:

– Как же случилось, Хиан, что на пальце, где ты носил перстень со знаком нашей династии и твоим титулом египетского царевича, теперь надет другой перстень – старинный перстень, на котором выгравировано имя Хафра, божественного сына Солнца, бывшего тысячелетие тому назад фараоном Египта? И как случилось, что письмо с отказом запечатано Нефрет, которая выдает себя за царицу Египта, тем же самым перстнем?

Все присутствующие обратили взгляды на Хиана, а по морщинистому лицу везира Аната скользнула едва заметная улыбка.

– Перстень этот – ее прощальный дар мне, – сказал Хиан, опустив глаза.

– Вот как? Самозваная царица делает прощальный подарок моему посланнику! А ты, быть может, подарил ей на прощанье перстень законного наследника короны Северного Египта?

Апепи, устремив на Хиана пристальный взгляд, помедлил, но тот не отвечал. Тогда Апепи заговорил снова – низ-

ким хриплым голосом, словно взревел разъяренный лев.

– Теперь я понял все! Знай же, сын: тем гонцом, что посетил несколько дней назад обитель братьев Зари, был я. Не мог я, царь, довериться никому, даже собственному сыну, и сам явился за ответом. Гляди, узнаешь ты этого гонца теперь? – Поднявшись с трона, Апепи быстрым движением закутался в цветное покрывало бедуина так, что лишь глаза остались открытыми, и, прихрамывая, сделал несколько шагов.

– Узнаю, – отозвался Хиан. – Ты удачно изменил внешность, отец, и замысел твой был смел, но, узнай тебя братья Зари, ты оказался бы в большей опасности, ибо правда для этих людей – священна и они ждут ее от других.

Апепи вернулся на трон, и снова послышался его львиный рык:

– Да, я пошел на риск, потому что тоже люблю правду и хотел доподлинно узнать, что происходит там, у пирамид, да и увидеть дочь царя Хеперра собственными глазами. Она прекрасна и величава и больше всех женщин достойна быть женой и царицей. Заметил я и многое другое; к примеру, какие нежные взгляды слала она одному из братьев Общины Зари, облаченному в белые одежды; в нем я вскоре признал не кого иного, как тебя, моего посла, которого не надеялся увидеть среди живых. Чего только люди не болтают в тех краях! Слышал я от одного рыбака, что, мол, Дочь Зари обещала себя Сыну Солнца и будто какой-то храбрец узнал,

кто это – Дух пирамид, хотя рыбаки и клялся мне, что не знает, кто этот храбрец, но все теперь ясно. Так ответь, Хиан, прибывший к нам из обители правды, – муж ты уже или только жених царицы Нефрет, дочери Хеперра, чей перстень ты носишь на пальце? И еще на один вопрос ответь: принял ты посвящение в Братство Зари?

Хиан уже овладел собой и, глядя прямо в глаза отцу, спокойно произнес:

– Зачем скрывать от Твоего Величества, что я обручился с царственной Нефрет, которую люблю и которая любит меня, а также что после изучения и глубоких раздумий я принял учение Общины Зари и затем посвящен был в их Братство?

– И правда, зачем скрывать, – с горькой усмешкой произнес Апеи, – если все и так открылось, до того, как ты оказал нам честь и уведомил об этом? Итак, сын мой Хиан, ты, кого я отправил послом, чтобы сосватать мне жену, украл эту жену для себя; ты, кого я послал разведать, что затевают мои враги, принял их учение и стал членом их тайной Общины. Почему ты поступил так? Я скажу тебе. Ты изменил своему долгу и нарушил наш уговор – ты украл у меня женщину потому, что, женись на ней я, сын ее лишил бы тебя права наследования престола; если же ты сам женишься на ней, ты сохранишь это право, – так ты рассудил, – да еще вместе с ней предъявишь притязания на весь Египет. Умно, Хиан, очень умно!

– Я обручился с Нефрет, потому что мы любим друг дру-

га, и не имел никаких иных намерений, – твердо отвечал царевич Хиан.

– Если и так, Хиан, значит, любовь и расчет идут тут рука об руку, точно так же, как и ее любовь и расчет, а все это подстроил хитрый старец Рои. Ты принял посвящение в Общину потому, что считаешь ее весьма могущественной, тебя уверили, что у нее много приверженцев в других странах и ты найдешь у них поддержку, когда примешь царствование или силой отнимешь трон у меня. Ты вор, лжец и предатель, Хиан, и не жди от меня пощады.

– Твое Величество хорошо знает, что я – ни тот, ни другой, ни третий. Пожелав вступить в брачный союз, Твое Величество изволил лишить меня права наследования престола, сделать простым подданным, потому не царевичем, а писцом явился я в Общину. Как посол Твоего Величества я исполнил свой долг; но та, к кому я был послан, не захотела даже выслушать предложение Твоего Величества. Что же мог я сделать? Лишь потом как простой писец полюбил я ту, имени которой не называю; и даже если бы меня вообще не было на свете, она, я думаю, никогда не приняла бы предложение Твоего Величества, ибо есть у нее на то свои причины. Вот и все.

– Мы узнаем, так ли это, когда тебя и вправду не будет в живых, Хиан. А теперь слушай, как я поступлю с этими могильными крысами, которые отвергли и оскорбили меня. Я пошлю с ним свое войско – оно уже выступило – и смету их

с лица земли. Всех, кроме одной: Нефрет я пощажу, но не потому, что она царского рода, а потому, что я посмотрел на нее и увидел, как она прекрасна, ибо, Хиан, ты не единственный мужчина, кому нравятся красавицы. Так вот, я привезу ее сюда, а свадебным подарком ей будет твоя голова, Хиан, ты, предатель, умрешь у нее на глазах!

Услыхав это, военачальники, носившие звание друзей царя, в смятении переглянулись – никогда еще не слышали они, чтобы случалось такое: фараон Египта убьет своего собственного сына из-за того, что оба они полюбили одну и ту же женщину. Вздрогнул и побледнел даже везир Анат, и все же с уст его слетели слова древнего приветствия:

– Жизнь! Здоровье! Сила! Слово фараона сказано, да будет исполнено слово фараона!

Едва этот чудовищный приговор коснулся слуха Хиана, сердце его на мгновение остановилось, колени дрогнули. Перед глазами возникла страшная картина: он увидел своих братьев по Общине убитых, лежащих в лужах крови. Увидел великана-нубийца Ру, которого наконец-то одолели враги и он упал мертвым поверх убитых им гиксосов. Увидел зарезанную Кемму и Нефрет, которую схватили и тащат в Танис, где ее насильно выдадут замуж за ненавистного ей человека. Увидел, как на глазах у Нефрет убивают его самого и кладут к ее ногам окровавленную голову. Все эти сцены промелькнули перед его глазами, и его сковал страх.

Но вдруг страх прошел. Словно дух обратился к его ду-

ше, дух Рои, как подумал Хиан, потому что на мгновение он как будто явился перед ним на троне, там, где только что сидел Апеги, – глубокий старец, спокойный, излучающий святость. Видение тут же исчезло, а вместе с ним исчез и страх. Хиан теперь знал, что ответить Апеги, слова лились с его уст, как льется вода родника.

– Фараон и отец мой, – произнес он твердым, ясным голосом, – не говори столь безрассудно, ибо ты не сможешь совершить того, о чем объявил. Разве верховный жрец Общины, прорицатель Рои, не ответил тебе еще раз на твои угрозы? Разве не сказал он, что не боится тебя, а если ты замыслишь зло против Братства, проклятие Небес обрушится на тебя, убийцу и нарушителя клятвы? Пади на твою голову все камни пирамид – это ничто по сравнению с этим проклятием! Не сказал ли он, что несметное воинство поднимется вместе с братьями Общины и воинство это есть сила божья? Если ты этого не знаешь, я, твой сын, брат Общины Зари и ее жрец, передаю тебе его послание. Только попытайся сотворить зло, о котором ты объявил, о фараон, и ты навлечешь на себя бедствие и смерть на земле, а когда покинешь землю, страшные мученья в подземном мире – так поведал мне голос Общины Зари, с которым, следуя учению Духа – покровителя Общины, я сейчас беседовал. А потому знай – не я сам говорю это тебе, а Дух, который вошел в меня.

Услышав грозные слова, Апеги поник головой и трясущимися руками плотнее закутался в цветастое покрывало,

как делает человек, когда среди жаркого дня на него вдруг повеет ледяным ветром. Но вот гнев снова обуял его, и он ответил:

– В подземный мир, о котором ты сказал, отправишься ты, Хиан-отступник, предавший своего властителя и отца, свою кровь и плоть; там ты и узнаешь, кто этот колдун Рои – пророк или лжец. Намерение мое было отправить тебя туда немедленно и отрубить тебе голову сейчас же, в присутствии всех моих советников и приближенных. Но я переменял решение. Пусть казнь твоя будет такой же ужасной, как ужасно твое преступление, – ты будешь жить до того дня, как отправятся на тот свет все твои подлые друзья, все до единого, и ты увидишь собственными глазами, как дева, которую ты увлек ложью, станет моей, а не твоей женой. Только тогда ты умрешь, Хиан, и ни днем раньше.

– Фараон сказал свое слово, и я, принявший посвящение брат и жрец Общины Зари, сказал свое, – отозвался Хиан все тем же ясным, спокойным голосом. – Теперь пусть Дух рассудит нас и покажет всем, кто слышал наши слова, и всему свету, в ком из нас двоих светит Истина.

Так молвил Хиан, затем поклонился Апепи и смолк.

Фараон долго не отводил от него пристального взгляда, ибо был поражен: он не мог понять, откуда приходит к его сыну та сила, что дает ему отвагу на краю гибели произносить такие слова. Затем Апепи обратился к Анату.

– Везир, – сказал он, – отведи этого презренного отступ-

ника, который уже больше не царевич Севера и не мой сын, в подземную темницу. И пусть его хорошо кормят, чтобы жизнь сохранялась в нем до тех пор, пока я не покончу с этим делом.

Анат распростерся перед ним, затем поднялся на ноги и хлопнул в ладоши. Немедленно появился отряд стражников, они окружили Хиана и под предводительством Аната вывели из зала.

Глава XV. БРАТ ТЕМУ

По длинным коридорам и лестницам, где на каждом повороте стояла стража, печальная процессия спустилась в подвальные помещения огромного здания дворца. Пока они шли, Хиан вспомнил, как однажды, когда он был еще ребенком, начальник дворцовой стражи провел его этим путем к темницам и сквозь решетку он увидел троих людей, приговоренных к смерти за то, что они замыслили убить фараона. Казнь должна была состояться на завтра. Он ожидал увидеть несчастных в рыданиях и столах, а они, как он теперь припомнил, весело переговаривались друг с другом, потому что, как утверждали они, – он услышал это сквозь решетку, – их мучения скоро кончатся, и либо они будут оправданы в подземном мире, либо заснут крепким сном навсегда.

Каждый из них судил по-своему: один верил в подземный мир и в то, что Осирис дарует ему возрождение; другой считал, что никаких богов нет, все это только сказки, и ждал лишь, что заснет вечным сном и больше ничего с ним никогда не случится; третий был уверен, что снова возродится в надземном мире и за все, что пережил, будет вознагражден новой и счастливой жизнью.

На следующий день все трое были повешены, а немного погодя Хиан узнал от начальника стражи, своего друга, что обвинение против них оказалось ложным. Как выяснилось,

один из тех троих отверг любовь жены фараона, и в отместку она возвела на него ложное обвинение, а заодно и на двух других, которых по каким-то причинам терпеть не могла, объявив их соучастниками в заговоре против фараона. Спустя какое-то время женщину эту поразила вдруг тяжкая болезнь, и на смертном одре она во всем призналась, хотя это уже ничем не могло помочь ее жертвам.

Те несчастные и их печальная история, вспомнил сейчас Хиан, спускаясь по мрачным каменным ступеням, посеяли тогда в его уме сомнение: а справедливы ли боги, которым поклоняются гиксосы, и их цари и правители, вершащие суд? Кончились его раздумья тем, что он отвернулся от веры своего народа и стал одним из тех, кто ставит своей целью преобразить мир, заменив древние законы и обычаи на новые, но хорошие. От твердо, хоть и в одиночку, следовал этим своим убеждениям, покуда судьба не забросила его в Храм Зари, где он обрел все, что искал: чистую веру, которую принял всей душой, и учение о мире, милосердии и справедливости, чего он столь жаждал.

И вот теперь, не более виновный, чем те трое, уже всеми забытые, он – гордый царевич Севера, опозоренный и обреченный на казнь, будет брошен в ту же темницу, которая скрыла в своих стенах страдания тех троих и тысяч других осужденных до них и после них. Забытая картина отчетливо встала перед его глазами: каменный мешок, свет в который проникал через решетку, вделанную в высокий купол свода,

куда не смог бы добраться никто, потому что стены темницы наклонены внутрь, выложенный плитами пол пропитан сыростью, – когда щедро разливался Нил, вода подступала к стенам дворца и проникала в подземелье; табуреты и стол тоже каменные; в стену вделаны бронзовые кольца, к которым, как рассказал ему начальник стражи, приковывали узников, если они начинали буйствовать или сходили с ума; в углу куча мокрой соломы, на которой они спали, и истертые шкуры, которыми они укрывались от холода. Хиан вспомнил даже, где лежал или стоял каждый из тех троих узников, и выражение их лиц, особенно отчетливо припомнил он красивого молодого человека, которому так страшно отомстила отвергнутая им женщина. До этого часа Хиана никогда не посещало это воспоминание, и все же воображение воспроизвело то страшное место во всех подробностях.

Они ступили на последнюю лестницу. Вот и тяжелая дверь, сквозь зарешеченное окошечко которой он смотрел на приговоренных и слушал их рассуждения. Тюремщик отодвинул засовы, и дверь приотворилась. Внутри виднелись каменные стол и стулья, бронзовые кольца, грубая глиняная посуда. Все было на месте, не было только людей – от них не осталось ничего.

Хиан ступил в страшную обитель. По знаку Аната стражники, сделав приветственный жест, удалились, с жалостью бросив прощальный взгляд на молодого царевича, под предводительством которого они воевали и кого все любили.

Анат дал указания тюремщику, а затем, когда и стража и тюремщик покинули темницу, приблизился к царевичу и спросил его, какую ему прислать одежду.

– Потеплее и поплотнее, везир, – ответил Хиан, которого уже пробирала дрожь.

– Она будет прислана, Твое Высочество... – уверил его Анат. – Как прискорбно, что я обязан был выполнить столь жестокий приказ. Простишь ли ты меня?

– Прощаю тебя, везир, как и всех остальных. Когда умерла надежда, прощать легко.

Анат оглянулся и увидел, что тюремщик стоит далеко от двери, спиной к ним. Тогда он склонился в низком поклоне, будто бы прощаясь с Хианом, сам же, приблизив губу к уху Хиана, прошептал:

– Надежда не умерла, царевич! Верь мне, и я спасу тебя, если только все случится, как я задумал.

В следующее мгновение ушел и он, и тяжелая дверь темницы закрылась. Хиан остался один. Он сел на табурет, повернувшись так, чтобы на него падал слабый свет, проникавший сверху через решетку. Некоторое время спустя – он не знал, долго ли просидел в задумчивости, – дверь снова отворилась, появился тюремщик в сопровождении незнакомого Хиану человека, который принес ему одежду, и среди прочего темный плащ с капюшоном, подбитый черной овечьей шкурой; принес он также еду и вино. Хиан поблагодарил его и поспешил накинуть на себя плащ, ибо холод сковывал его

все больше и больше, и тут только заметил, что плащ этот не из его гардероба, и это его удивило; заодно он отметил, что в таком плаще можно отправиться куда угодно без опасений быть узнанным.

Тюремщик поставил на стол еду и почтительно обратился к узнику с просьбой отведать ее, называя Хиана царевичем.

– Этот высокий титул больше мне не принадлежит, друг, – сказал Хиан.

– Несчастья время от времени посещают каждого человека, но от этого кровь в его жилах не становится другой, – с теплотой в голосе ответил тюремщик.

– Однако, друг, ее могут выпустить из меня совсем.

– Боги не допустят такого злодейства! – воскликнул тюремщик, содрогнувшись, отчего Хиан заключил, что не ошибся, называя его другом, и снова поблагодарил его.

– Это я должен благодарить Твое Высочество. Царевич, наверно, забыл, как три года тому назад, в сезон лихорадки, когда моя жена и ребенок заболели, сам пришел в наше бедное жилище и принес лекарство и много чего другого.

– Мне кажется, я помню, друг, – сказал Хиан, – хотя и не уверен, больных было так много, что, не будь я царевичем, вернее сказать, если б тогда я не был царевичем, – я стал бы лекарем.

– Ты им и стал, царевич, и больные этого не забыли, как и те, кому они дороги. Мне поручено сообщить, что ты будешь не один в этом страшном месте, иначе рассудок твой не вы-

держит и ты впадешь в безумие, как случилось со многими до тебя.

– Что? Неужели сюда пришлют еще одного несчастного?

– Да, но чье общество, как считают, будет тебе приятно. А теперь мне пора идти.

Тюремщик поспешно удалился, и Хиан не успел спросить, когда приведут нового узника. Дверь темницы затворилась, а Хиан, не медля, принялся за еду – со вчерашнего вечера, когда он поужинал на барке перед приходом в Танис, во рту у него не было ни крошки.

Насытившись, Хиан погрузился в печальные раздумия. Ему было ясно, что отец твердо решил уничтожить Братство Зари, похитить Нефрет и против ее желания сделать своей женой. Теперь, после того, как волею коварной судьбы он увидел, сколь она прекрасна, ничто не сможет отвратить его от задуманного. И все же Хиан знал: этому не бывать, ибо Нефрет предпочтет смерть. Ах, если бы он мог предупредить всех, если бы дух его перенесся в их обитель и поведал о грозящей опасности! Если бы он обладал этой таинственной силой, коей обладают Рои и избранные члены Общины. Разве сегодня утром, когда он стоял перед фараоном в зале Совета, он не почувствовал, как Рои вдохнул в него веру? Но ведь и его, Хиана, обучали таинству общения душ – так это называли его братья, хотя сам он никогда еще не пробовал установить такое общение.

Хиан приступил к таинству, соблюдая весь положенный

ритуал и припомнив все положенные молитвы.

– Слушай меня, святой отец! – горячо зашептал он. – Страшная опасность грозит царице и всем вам! Скройтесь или уходите, ибо я в западне и не могу помочь вам.

Снова и снова вызывал он в своем воображении образы Рои и Нефрет, всем сердцем повторяя эти слова, покуда во все не обессилел от борения души и, несмотря на пронизывающий холод темницы, не покрылся испариной. И тогда на него вдруг сошел странный покой, и ему показалось, что посланные им стрелы предупреждения достигли цели, что весть услышана и понята.

В полном изнеможении Хиан заснул.

Как видно, проспал он долго, потому что, когда проснулся, свет за решетчатым оконцем в куполе уже померк, и Хиан понял, что наступила ночь.

Дверь отворилась, вошел тюремщик, неся полные снеди корзины, следом за ним в темницу шагнул какой-то человек, одетый, как и Хиан, в темный плащ с капюшоном. Незнакомец склонился в поклоне и, не произнеся ни слова, стал в углу.

– Прими, царевич, слугу, который послан тебе в помощь. Ты увидишь, что это хороший и верный человек, – сказал тюремщик.

Затем он собрал остатки трапезы Хиана, зажег светильники и, оставив их гореть, вышел из темницы.

Хиан бросил взгляд на кушанья и вино, затем на закутан-

ную в плащ фигуру в углу и сказал:

– Не хочешь ли подкрепиться, мой брат по несчастью?

Новый узник откинул капюшон.

– Уверен, что я где-то встречал тебя раньше! – воскликнул Хиан.

Узник подал знак, на который Хиан ответил положенным знаком.

Тогда пришедший сделал еще несколько знаков, а Хиан произвел ответные и затем произнес начало заветной фразы, которую человек в плаще, впервые заговорив, завершил еще более тайным речением.

– Разве ты не хочешь есть, жрец Зари? – четко выговаривая слова, еще раз спросил его Хиан.

– Дабы вкусить пищу земную, я ем хлеб. Дабы наполниться соками жизни, пью вино, – ответил незнакомец.

Теперь Хиан окончательно уверился, что перед ним его собрат по Общине, ибо он произнес привычные слова освящения пищи.

– Кто ты, брат? – спросил Хиан.

– Я – Тему, жрец Общины Зари, которого ты, писец Раса, видел в Храме Сфинкса всего лишь раз, в тот день, когда ты прибыл с посланием от Апепи. Тогда я не знал, что ты принял посвящение в наше Братство, писец Раса, если это твое настоящее имя.

– Это не настоящее мое имя, и тогда я еще не был посвящен в Братство, жрец Тему, кто, как я думаю, и есть тот

посланник, которого всемудрый Рои отправил с письмами к Апепи, царю Севера. До нас дошли слухи, что ты умер от болезни, жрец Тему.

– Нет, брат мой, просто Апепи захотел держать меня за ложником. Умри я, мой дух, отлетая от тела, оповестил бы Рои о моей смерти.

– Теперь я припоминаю, что великий пророк так и сказал. Но как и почему ты очутился в моей темнице?

– Ко мне в темницу приходил важный человек и сказал, что я должен помочь в беде своему собрату. Себя он не назвал, но даже если и назвал, я забыл его имя, как мы, братья Общины, забываем многое. Не сказал он мне и кому я должен помочь, но я догадался – мы, братья Общины, о многом догадываемся. Я вижу на твоей руке царский перстень, писец Раса. И этого достаточно.

– Вполне достаточно, жрец Тему. Но скажи, с чем ты послан ко мне? В таком месте, как это, даже самому фараону вряд ли понадобился бы слуга.

– Не слуга, брат, но товарищ и... спаситель.

– О да, они бы очень пригодились, в особенности последний. Только, мне кажется, даже сам Рои не сумел бы отворить эту дверь или пробить эти стены.

– Сумел бы, и без особого труда, писец Раса, только теми путями, которые нам неведомы. Вера должна владеть нами, и тогда даже я сумею сделать то же самое, хотя мне это будет куда труднее, и я изберу другой путь. Выслушай же меня. В

течение многих дней, что я провел в темнице, укрепляя свою душу молитвами и размышлениями, я время от времени наставлял моего тюремщика, скромнейшего человека, направляя его на путь истины. Так, в конце концов умом и сердцем он обратился к нашей вере, и я пообещал ему приобщить его к ней, как только настанет благоприятное время. В благодарность он открыл мне один секрет, и поскольку ни он и ни кто другой не войдут сегодня в нашу темницу, я кое-что покажу тебе сейчас, брат Раса. Прошу тебя, помоги мне сдвинуть с места этот стол.

С большим трудом они отодвинули в сторону тяжелый, вытесанный из цельной каменной глыбы стол. Затем Тему достал из складок плаща кусочек папируса, на котором были начертаны какие-то знаки и линии. С помощью этих знаков брат Тему сделал несколько замеров и наконец отыскал на неровном, грубо вымощенном полу нужный камень. Уперев ладонь в его шероховатую поверхность, он стал раскачивать его вправо и влево, как видно чтобы освободить какую-то пружину или болт. И вдруг камень наклонился, открыв прорубленный в скале лаз; на стенках его через равные промежутки были выбиты уступы, по которым ловкий и сильный человек вполне мог бы спуститься; лаз уходил далеко вниз, так что дна даже не было видно.

– Это колодец? – спросил Хиан.

– Да, брат, колодец смерти или что-то вроде, – это мы узнаем позднее. Одно могу сказать: все оказалось так, как

описал мне тот важный господин, чье лицо было скрыто покрывалом, ибо это он дал мне план, сказав, чтобы я доверился тюремщику и поступил так, как он велит мне.

– А как же наставлял тебя тюремщик, Тему?

– Он сказал, что надо спуститься по этим зарубкам, брат, до самого дна лаза, а оттуда в сторону ответвится дренажный туннель; дальше надо идти по этому туннелю до самого выхода в каменной дамбе, ограждающей Нил. Под этим выходом или, скорее, устьем дренажного туннеля будет ждать нас лодка и в ней рыба – ведь ночью ловится самая крупная рыба. Мы должны спуститься в эту лодку и уплыть поскорее и как можно дальше, прежде чем откроется, что темница пуста.

– Мы отправимся в путь сейчас же? – спросил Хиан.

– Нет, брат, подожди еще час, так мне было сказано, хотя я и не знаю, почему. Поэтому помоги мне прикрыть лаз, только не очень дави на камень, а то сломается пружина; и давай поставим на место стол в точности так, как стоял он прежде. Как бы какой-нибудь начальник стражи или надзиратель не нанесли нам визит, хотя тюремщик и заверил меня, что никто не придет.

– Так и сделаем, Тему. Кто знает, что кому взбрдет в голову.

Они поставили камень на место, выдернув из корзины с провизией кусочек тростника и воткнув его в оставленную щель между плитами, чтобы камень не лег слишком плот-

но, а затем подвинули на прежнее место стол. И возобновили прерванную трапезу. Едва они принялись за еду, как Тему наступил под столом Хиану на ногу и глазами показал на дверь.

Хиан бросил взгляд на дверь, и хотя не услышал ни звука, ему показалось, что он видит прильнувшее к решетке бескровное, бледное лицо с горящими глазами, уставившимися на них. Кровь заледенела у Хиана в жилах. Мгновение спустя лицо исчезло.

– Это был человек? – шепотом спросил Хиан.

– Быть может, человек, а может, и призрак, брат, потому что я не слышал шагов, а где еще призракам жить, как не тут?

Затем он встал и, взяв полотняную салфетку, которой была накрыта корзина, заткнул ею решетку.

– А это не опасно, брат? – спросил Хиан.

– Опасно-то опасно, да только еще опаснее, если кто-то будет за нами подглядывать.

Хиану казалось, что час этот никогда не кончится. Каждое мгновенье он ждал, что дверь откроется, кто-то войдет и обнаружит щель между камнями. Однако никто не вошел, и они так не поняли, померещилось ли им, или и вправду кто-то смотрел на них сквозь решетку.

– Куда ты отправишься, брат? – спросил Тему.

– Вверх по Нилу, – прошептал Хиан. – Братья наши в страшной опасности, и я должен их предупредить.

– Я так и думал, – сказал Тему.

Он поднялся из-за стола, сложил оставшуюся еду – а было ее куда больше, чем они могли съесть – в две корзины, в которых все и принесли; корзины были сплетены из тростника и имели ручки, поэтому их можно было повесить на руку.

– Пора, брат, – сказал Тему. – И да не покинет нас вера!

С минуту они стояли молча, мысленно вознося молитву Духу, которого почитали, прося его о помощи и указании; таков был обычай у членов Братства: возносить молитву Духу, прежде чем приняться за какое-то дело.

– Я начну спускаться первым, брат Раса, а светильник зажму в зубах – второй нам надо оставить здесь горящим, – в руке же понесу корзину. А ты возьми другую корзину и следуй за мной.

Тему шагнул к двери, вытянул салфетку из решетки, послушал, потом возвратился к столу и, взяв светильник поменьше, зажал в зубах его плоскую ручку. Затем он подлез под стол, толкнул камень так, что край его поднялся кверху, нащупал ногой ступеньку и, протиснувшись в отверстие, начал спускаться вниз. Хиан последовал за ним.

Едва он спустился на три ступеньки, как сделал неосторожное движение и задел угол нависшего над его головой камня, нарушив тем его равновесие. Камень качнулся, сдвинувшись с защелки и освободив пружину, и плотно лег в свой паз. Теперь, даже если бы они захотели, вернуться назад невозможно – снизу камень нельзя было сдвинуть с места. Только тогда Хиану открылось страшное назначение ло-

вушки. Если какого-то несчастного пленника хотели уничтожить, пружина или защелка незаметно для него смещались с упора, а стол сдвигался в сторону. И тогда обреченный узник, в мрачных раздумиях меря шагами темницу, рано или поздно ступал на роковой камень и летел в бездну. Если же несчастного хотели уничтожить поскорее, тюремщики сами сталкивали его в шахту. Хиан содрогнулся при мысли, что так могли бы поступить и с ним.

Все ниже и ниже спускался Хиан по каменному лазу, еле освещаемому маленьким светильником, который брат Тему держал в зубах. Нелегкое это было путешествие; шахте, казалось, нет конца, но вот Тему крикнул, что ступил на дно. Минутой позже рядом с ним на белой колышущейся гряде, которая захрустела у них под ногами, был и Хиан. Он поглядел вниз и понял, что они стоят на пирамиде из костей несчастных, которые упали сами или были сброшены в страшную шахту. Более того, некоторых, судя по всему, сбросили сюда не так давно – свидетельством тому был тяжелый тлетворный дух, наполнявший каменный колодец. В памяти Хиана всплыли лица его прежних друзей, которые навлекли на себя гнев фараона и, как было сказано ему, Апеги изгнал их из своих владений. Теперь Хиан понял, в какую страну они были изгнаны.

– Уведи меня поскорее отсюда, Тему, – взмолился Хиан, – иначе я задохнусь либо лишусь чувств.

Тему поспешно повернул направо, следуя данным ему

указаниям, и, опустив светильник пониже, чтобы не угодить в какую-нибудь яму, стал пробираться по такому узкому и низкому проходу, что приходилось идти, согнувшись вдвое, а плечи скребли стены. Они прошли по извилистому ходу шагов пятьдесят, и Тему сообщил шепотом, что видит впереди свет; Хиан посоветовал ему загасить светильник, чтобы никто их не заметил. Тему потушил светильник, и они с еще большей осторожностью стали пробираться дальше, пока наконец не очутились у небольшого круглого отверстия, пробитого в стене, выложенной из массивных плит, выходявшей на Нил; наверху, на площади, мощенной такими же плитами, стоял дворец; внизу, на расстоянии в два человеческих роста, поблескивали в звездном свете темные нильские воды.

Высунув головы в отверстие, они посмотрели вниз, направо и налево.

– Реку я вижу, но не вижу лодки, – сказал Хиан.

– Если вся эта сказка оказалась правдой, появится и лодка, можешь в том не сомневаться, брат. Да не покинет нас вера! – отозвался Тему, кого боги наделили доверчивой душой, и повторил эти слова, когда они прождали еще полчаса.

– Всей душой надеюсь, что так и будет, – сказал Хиан, – иначе нам, пока не рассвело, придется пуститься вплавь, а крокодилов в этом месте видимо-невидимо, они кормятся тут отбросами из дворца.

Только он это сказал, как до их слуха донесся плеск весел, и в густой тени, падающей на воду от стены, они увидели

небольшую парусную лодку, направлявшуюся в их сторону. Под устьем дренажного стока лодка остановилась. Человек, сидевший в ней, забросил леску, потом глянул вверх и тихонько свистнул. Тему ответил ему таким же тихим свистом, после чего человек в лодке стал тихонько напевать какую-то песенку, как напевают всегда рыбаки, а под конец негромко вывел:

– Прыгай, рыба, в мою лодку!

Хиан выбрался из отверстия и, нащупывая ногами и руками неровности стены, – уж это он умел! – вскоре благополучно спустился в лодку. Тему сначала бросил в Нил светильник, чтобы никто не обнаружил его, затем тоже начал спускаться по стене, но не очень-то ловко и, не подхватив его Хиан, свалился бы в воду.

– Помогите поднять парус, – обратился к ним рыбак. – С севера дует сильный ветер, значит, придется плыть на юг. Выбора у нас нет.

Хиан стал помогать рыбаку натягивать парус и тогда яснее разглядел его лицо. Это был его тюремщик.

– Скорее! – воскликнул рыбак-тюремщик. – Я вижу огни, они движутся к Нилу! Быть может, уже обнаружили, что темница пуста, вокруг столько соглядатаев.

Хиан припомнил бледное лицо с горящими глазами, прильнувшее к решетке.

Хозяин лодки оттолкнулся веслом от стены, ветер надул парус, еще немного, и лодка быстро заскользила посередине

Нила.

– Ты поплывешь с нами, друг? – спросил Хиан их спасителя.

– Нет, царевич, у меня жена и ребенок, как же я брошу их?

– Боги вознаградят тебя!

– Я уже вознагражден, царевич. Знай же, что за эту одну ночь я заработал больше, чем за десять долгих лет, а кто заплатил – пусть останется в тайне. И не опасайся за меня – у меня есть надежное убежище, только вот для тебя оно не годится.

С этими словами он направил лодку поближе к противоположному берегу, на котором виднелось большое скопление убогих лачуг.

– Плывите своим путем, и пусть ведет вас дух-хранитель, – сказал тюремщик. – Вот тут смотаны леса и все, что нужно для рыбной ловли, есть в лодке и одежда, какую носят рыбаки. Оденьтесь в нее прежде, чем рассветет, к этому времени вы уже будете далеко от Таниса, – лодка плывет быстро. Прощайте и помолитесь за меня вашим богам, так же как и я помолюсь за вас. Сядь за руль, царевич, и держись середины реки, там в ветреную ночь вас никто не разглядит.

Дав все наставления, тюремщик прыгнул за корму. С минуты голова его темным пятном выделялась над водой, затем исчезла.

– Это добрый, хороший человек, хотя и выполняет злую работу, и я рад, что он встретился на моем пути, – прогово-

рил Хиан.

Глава XVI. СМЕРТЬ РОИ

Напористый северный ветер дул всю ночь, не утихая, и на рассвете лодка, в которой плыли Хиан и Тему, была уже далеко от Таниса. Однажды они заметили позади огни на воде и решили, что это погоня, но огни вскоре исчезли. Еще до того как рассвело, они отыскиали в лодке рыбацкую одежду, о которой сказал им тюремщик, и переоделись, так что весь оставшийся путь их принимали за рыбаков, которые то ли везли свой улов на рынок, то ли продали всю рыбу и возвращались домой в дальние деревни. Хиан хорошо умел и грести и править, и путешествие их прошло благополучно, хотя на следующую ночь их обогнало несколько больших барок.

Издали заметив эти суда, они спустили парус, подгресли к берегу и, укрывшись в прибрежном тростнике, переждали, пока все барки не уплыли вдаль. В темноте они не смогли разглядеть, что это за барки, однако до них долетели слова команды и пение, и Хиан подумал, что, должно быть, это военные суда, полные солдат, но откуда и куда они плывут, он не знал. Он только вспомнил о том, что слышал во дворце Апепи, когда вернулся в Танис, и почувствовал страх.

– Скажи, чего ты опасаясь, брат Раса? – будто читая его мысли, спросил Тему.

– Я опасаясь, что они опередят нас и мы не успеем предупредить наших братьев. Довольно нам играть в загадки,

Тему. Я, кого ты называешь писцом Расой, не кто иной, как Хиан, и еще совсем недавно носил титул царевича Севера; я обручен с царицей Нефрет, которую мой отец Апепи хочет захватить и насильно сделать своей женой. Поняв, что я, отправившись в Общину послом, стал его соперником, он бросил меня в темницу и убил бы меня. Вот почему мы с тобой встретились в том страшном подземелье.

– Все это я разгадал, царевич и брат мой, но что же ты намерен делать теперь?

– Теперь, Тему, я намерен предупредить царицу и наших братьев об опасностях, что грозят им; я хочу сказать им, Апепи задумал похитить ее и уничтожить всю Общину до последнего человека, будь то мужчина или женщина – он поклялся в этом.

– Думаю, нет нужды спешить к ним с этой вестью, царевич, – спокойно ответил Тему. – Рои узнает о таких угрозах скорее, чем может прибыть к нему самый быстрый гонец. Но все же пора в путь, ибо бог с нами. Да не покинет нас вера, царевич!

Они снова пустились в плавание и вскоре после рассвета увидели вдали пирамиды, а еще немного погодя причалили к берегу неподалеку от пальмовой рощи, где Хиан впервые повстречал Нефрет, облаченную в одежду посыльного.

Здесь они тщательно укрыли лодку. Затем, накинув на себя длинные плащи, которыми неизвестный покровитель снабдил их в тюрьме, и вооружившись мечами, которые на-

шли на дне лодки, они направились к Сфинксу, а от него – к храму. Вокруг царила тишина, ни один человек не повстречался им на пути. Не видно было и крестьян, обычно трудившихся на плодородных прибрежных землях, посевы же были вытоптаны людьми и бродячими животными. В страхе они вошли через потайной ход в храм и, соблюдая осторожность, добрались до большого зала, где была коронована Нефрет. Здесь стояла тишина, и зал, как им сначала показалось, был пуст, но вот в дальнем его конце Хиан разглядел в тронном кресле на возвышении чью-то фигуру в белых одеяниях, за ней высилась древняя статуя Осириса, бога мертвых. Они поспешно приблизились: Теперь Хиан увидел, что на троне Рои – или призрак его. Он сидел, облаченный в мантию верховного жреца, голова склонена на грудь, длинная белая борода струится по мантии. Казалось, он спит.

– Проснись, благочестивый пророк! – обратился к нему Хиан, но Рои не пошевелился и не ответил.

Тогда они, дрожа, поднялись на помост и заглянули в его лицо.

Рои был мертв. Они не заметили никакой раны, но сомнений быть не могло – тело его застыло, он был мертв.

– Всемогущий Осирис призвал святого пророка к себе, – стараясь сдержать слезы, с трудом выговорил Хиан, – но я верю, что дух его остался с нами. Отправимся же скорее на поиски остальных.

Они обошли весь храм – он был пуст. Пусты были и покои

Нефрет. Все здесь стояло на месте, ничего не было потревожено, но Нефрет исчезла, так же как исчезли Кемма и Ру, исчезла и одежда Нефрет.

– Поспешим в город мертвых, – сказал Хиан, – быть может, они укрылись в гробницах.

Они покинули храм и обошли весь некрополь, но не увидели никого, всюду царило безмолвие. Тогда они стали искать следы, но, даже если они и были, стремительный северный ветер замел их песком. Отчаявшись, они присели отдохнуть под сенью второй пирамиды. Рои умер, а все их братья и сестры ушли из этих мест, и Хиан понимал, почему они это сделали. Но куда ушли? Быть может, это они ночью проплыли мимо них на барках? Или их всех перебили воины Апепи? Если свершилось такое злодейство, почему не осталось на поле брани ни трупов, ни следов крови? Так спрашивали Хиан и Тему себя и друг друга и не находили ответов.

– Что же нам делать, царевич? – спросил Тему. – Кончится все благополучно, в этом не может быть сомнений. Но пища и вода у нас на исходе, и надо нам найти убежище.

– Укроемся в храме, Тему, хотя бы до наступления темноты, – ответил Хиан. – Послушай меня, я уверен, что кто-то предупредил братьев Общины, что Апепи решил напасть на них, потому они и исчезли.

– И я так считаю, но куда они направились?

– За помощью к вавилонскому царю. Почтенный Тау намекал мне, – да и великан Ру тоже, – что если они узнают

об опасности, то отправятся в Вавилон. Теперь я не сомневаюсь, что так они и сделали. А значит, мы должны последовать за ними, хотя без проводников и вьючных животных, чтобы было на чем везти провизию и воду, мы погибнем.

– Отбрось страхи, царевич! – бодрым голосом отвечал Тему. – Да не покинет нас вера! Мы, братья Общины Зари, никогда не останемся без помощи. Разве не вызволили нас из подземелья дворца Аепеи? Разве не прислали лодку, чтобы мы спаслись от погони? Так оставят ли нас одних после того, как мы приплыли сюда с другого конца света? Не оставят, говорю тебе. Верь мне, мы найдем друзей, потому что братья нашей Общины живут во всех землях, среди всех народов, они признают нас по условным знакам и поделятся с нами всем, что имеют сами: едой, вьючными животными – всем, в чем мы нуждаемся, а затем переправят к братьям в другом племени. Скажу тебе больше: у меня имеется много золота, его дал мне тот важный вельможа, чье лицо было скрыто под покрывалом, тот наш покровитель, который посетил меня в темнице в Танисе, а затем послал к тебе. Когда он давал мне это золото и драгоценные камни, – да, и драгоценные камни у меня тоже есть, – он намекнул мне, что, быть может, мне и моему товарищу придется пуститься в дальний путь и, если это случится, золото и камни пригодятся нам, покуда мы, спасаясь от гнева некоего царя, не найдем себе надежную защиту в далекой стране.

Хиан слушал, и в сердце его вливалась храбрость; не ина-

че как неунывающий Тему послан ему самими Небесами, думал он.

– Та настоящий друг, – сказал Хиан, – с тобой не страшно и в беде. Скажи, как ты обретаешь спокойствие и что дает тебе душевную силу, брат?

– Вера, царевич, – отвечал ему Тему, – со временем и ты обретешь и силу и спокойствие в нашем Братстве. С того самого дня, когда в Танисе Апепи повелел схватить меня и бросить в подземелье, ни дня, ни часа я не предался страху. Не боюсь я и сейчас. Не случилось на моей памяти, чтобы с братом Общины Зари произошло что-то нехорошее, когда он исполняет поручение. Всемудрый прорицатель Рои умер, – увы, это так, – но произошло это потому, что пришло ему время умереть, или же он по собственной воле ушел из земной жизни, ибо сделался слишком стар и ему трудно было пуститься в дальний поход. Но священная мантия его теперь на плечах Тау и других, дух его с нами; нет таких преград, которые остановили бы свободный дух благочестивого пророка Рои, кто шествует теперь рядом с богом.

В конце концов они порешили, что не станут продолжать поиски, – они устали и должны отдохнуть, а также подкрепиться пищей; Тему было известно о тайниках, где спрятана провизия на случай осады или другой опасности. Они отправились обратно в храм Сфинкса, где мертвый Рои правил так же, как правил он, когда был жив. У края большой, вымощенной камнем площади, на которой возвышалась пира-

мида Хафра, Хиан вдруг остановился – ему показалось, что в царящей здесь глубокой тишине он услышал чьи-то голоса. Покуда он гадал, откуда они могут доноситься, из-за небольшой пирамиды, стоящей по соседству – усыпальницы царского сына или дочери, – выбежал негр. Он бежал, опустив голову, не отводя глаз от песка, – так чернокожие идут по следу.

– Оба прошли в эту сторону, господин, – крикнул он кому-то позади него, – с час назад, не больше!

Только тут Хиан понял, что негр высматривает его с Тему следы, а они и вправду недавно обошли вокруг маленькой пирамиды. Кровь похолодела у него в жилах, и он застыл на месте, не зная, что предпринять, а в это время из-за угла малой пирамиды вышел целый отряд в сорок или пятьдесят человек – стражники фараона. Хиан узнал их по одежде и оружию.

– Это они плыли по Нилу, они охотятся за нами, царевич, – спокойным голосом произнес Тему. – Надобно скрываться, иначе они убьют нас.

В эту самую минуту негр заметил их и указал копьем в их сторону, после чего стражники с громкими криками точно наконец выследили зверя, кинулись к ним.

Но Хиан уже понял, что надо делать.

– Следуй за мной, Тему, – сказал он и, круто повернувшись, бросился бежать обратно к пирамиде Хафра, хотя на этом пути им предстояло пробежать на близком расстоянии

от преследователей.

Тему осознал всю опасность положения, но, пробормотав: «Вера! Только вера!» – устремился за ним.

Солдаты в удивлении остановились, подумав, что те, кого они ловят, решили сами сдаться; но когда Хиан с Тему, не останавливаясь, пробежали мимо них, они снова пустились в погоню. Хиан и за ним длинноногий Тему пробежали вдоль южного основания пирамиды и повернули к восточной ее грани, а преследователи в это время подбежали к западной. Так быстро неслись Хиан и Тему, что, когда стражники достигли восточной стороны, они потеряли преследуемых из виду, а те уже в это время мчались вдоль северной стороны. Солдаты остановились, поджидая негра, чтобы он указал им, куда бросаться.

А Хиан на бегу искал глазами ту упавшую с пирамиды плиту, от которой надо было начинать подъем. Камней тут было много, но наконец он заметил плиту, узнал ее. Крикнув Тему, чтобы он не отставал, Хиан начал подниматься на пирамиду, что для него не составляло труда.

– О, боги! Что я – козел? – задыхаясь, пробормотал Тему. – Да не покинет нас вера! – воскликнул он и с отчаянной решимостью полез наверх. Один раз он чуть было не сорвался, но как раз в этот миг Хиан оглянулся и успел схватить его за волосы.

Но верное ли он взял направление? Хиан не успел отсчитать плиты, пока поднимался, а все они похожи одна на дру-

гую. Хиан решил, что проскочил нужное место, и остановился, стараясь припомнить, что говорила ему и показывала Нефрет. Он стоял, не двигаясь, и тут вдруг, словно по какому-то волшебству, большая каменная глыба дрогнула и повернулась, открыв перед ним вход в туннель, в глубине которого горел светильник. Хиан прыгнул в раскрывшийся ход, даже не успев удивиться происшедшему чуду, и поспешно втащил туда же Тему, потому что из-за угла выбежал охотник-негр и, хотя был еще далеко, заметил их на стене пирамиды, пусть потом стражники ему и не поверили. Потому-то Хиан и устремился так поспешно в открывшийся ход – он услышал крики негра и понял, что они обнаружены. Но почему камень открылся сам собой, не западня ли это?

Едва беглецы миновали ребро каменной глыбы, как она быстро и бесшумно, так же как и открылась, стала на место; Хиан услышал лишь лязг задвинувшегося засова. Тяжело дыша, он огляделся и в нише, где, как объясняла ему Нефрет, должна была храниться пища, различил в слабом свете светильника очертания человеческой фигуры. Человек выступил вперед и поклонился.

– Приветствую тебя, господин, – сказал он. – Поистине удивительна мудрость жрецов Общины, ибо они предупредили меня, что ты можешь вернуться в наши края и прийти сюда как раз в это время; вот почему я зорко следил за тем, что происходит внизу.

Теперь, когда глаза Хиана привыкли к полутьме, он узнал

говорившего, это был не кто иной, как Хранитель пирамид, учивший его подниматься на них.

– Но как же ты мог следить сквозь каменную стену, друг? – с изумлением спросил Хиан.

– Очень просто, господин. Подойди сюда, и я покажу тебе. Ляг на пол и погляди в эту дырочку, а если хочешь увидеть что-то подальше, погляди вот в эту.

Хиан лег и обнаружил, что дырочки эти – отверстия узких каналов, которые были так искусно выведены на поверхности пирамиды, что наблюдатель изнутри мог видеть, что происходит у ее основания, а если использовал другое отверстие – и то, что делается вдали. Так Хиан увидел, как подбежали запыхавшиеся стражники и охотник, размахивая руками, стал им показывать, что беглецы поднялись на пирамиду. Начальник стражи, похоже, очень разгневался – видно, он решил, что все это выдумки черного охотника, – так разгневался, что ударил негра древком копья. После чего негр помрачнел, как всегда случается с негром, когда кто-то ударит его, и, распростершись на песке, не произнес больше ни слова. Стражники сами пустились на розыски. Некоторые даже пытались подняться на склон, но один солдат покатился вниз и, как видно, больно ушибся, потому что когда его относили от пирамиды, он громко стонал. После этого солдаты не иначе как решили искать беглецов среди гробниц. Начальник же и его помощники сели в кружок и стали держать совет. Совещались они до самой темноты, а затем разожгли костер

и расположились вокруг него на ночлег.

Наглядевшись на все это, Хиан обратился к Хранителю с просьбой рассказать, что случилось с Братством Зари и почему только один он оказался внутри пирамиды.

– Слушай мой рассказ, господин, – начал Хранитель. – Спустя несколько часов после того, как ты уплыл вниз по Нилу с письмами для царя Севера, общинный Совет получил какие-то вести. Откуда и каким способом они были получены, мне знать не дано, ибо я не из тех, кто посвящен в тайны Общины; быть может, лазутчик доставил их или было знамение Небес, сказать не могу. Но вот что затем произошло: вся Община собралась вместе, и тогда было решено, чтобы женщины, дети и старики, которым трудно пускаться в долгий путь, отправлялись через пустыню на юг, к месту погребения священных быков Аписов; только вот должны они там остаться или уйдут дальше, того я не знаю. Отправились они в путь той же ночью, а наутро их и след простыл; видно, укрылись на дневные часы у друзей Общины в назначенных местах, где их никто не выдаст.

– Но что случилось с госпожой Нефрет и ее приближенными, друг?

– Всю ту ночь они готовились к походу, господин, а на рассвете выступили, держа путь на восток; они взяли с собой палатки и нагрузили провизией множество ослов. Они также извлекли из склепа саркофаг, в котором, как я понимаю, покоится набальзамированное тело царицы, матери на-

шей теперешней царицы Нефрет. Один лишь член Общины остался здесь, кроме меня, и этот человек – благочестивый пророк Рои.

– Почему же и ты не ушел вместе со всеми, Хранитель?

– По двум причинам, господин. Первая та, что Хранитель пирамид дал клятву никогда, что бы ни произошло, не покидать пирамид. Из рода в род здесь жили и умирали мои предки, здесь будут жить и умирать мои потомки, покуда восходит в небо солнце и не рассыпались в пыль пирамиды. И еще одно было нам сказано: покуда мы храним пирамиды и верны нашей клятве, роду нашему обещана жизнь, но если мы нарушим клятву, наш род оборвется.

– Ты дал хорошее объяснение, почему ты остаешься здесь, Хранитель, несмотря на опасность и одиночество.

– Да, господин, и есть еще одна причина, не менее важная. Прежде чем покинуть эти места, госпожа Нефрет призвала меня и, говоря со мной как царица, дала поручения. Она сказала, чтобы я тотчас же позаботился о том, чтобы ниша в пирамиде Ур Хафра, тайну которой я знаю так же, как и они, была заполнена провизией, свежей водой, маслом, вином, чтобы были там кремни и запас дров для костра, а также другие необходимые вещи. Что, позаботившись обо всем, я должен постоянно находиться в этой пирамиде и наблюдать, что происходит внизу, и если придешь ты, – она, мне кажется, не сомневалась, что ты придешь сюда, я должен спрятать тебя здесь и заботиться о тебе, защищая от врага. Еще она

приказала, – и это повторил господин Тау, – сообщить тебе, что она вместе со всей Общиной бежала в Вавилон к своему прародителю, славному царю Дитана, который еще жив и прислал своих послов, чтобы приветствовать ее как царицу Египта. И еще она сказала, что я должен уговорить тебя, едва ты появишься здесь, не медля бежать в Вавилон, где ты найдешь убежище и спасешься от гнева Апеги.

– Благодарю царицу за заботу и наставления, – сказал Хикан. – Одно для меня загадка: как узнала она, что судьбой предначертано мне оказаться в этом месте?

– Думаю, всевидящий пророк Рои знал обо всем и сказал ей, господин, ибо для него равно было открыто как настоящее, так и будущее, разница лишь в том, что одно он видел глазами своей плоти, а другое – глазами души.

– Может быть, Хранитель. Но как могло случиться, что Рои сидит в храме на троне мертвый? Знаешь ли ты о его кончине?

– Господин, я знаю все. После того как старики, женщины и дети отправились в путь, Рои собрал в большом зале храма Общину, там же были царица Нефрет и святейший Тау. Я тоже был в зале. Удивительные слова сказал нам благочестивый пророк: что должны мы отправиться в Вавилон без него, потому что он уже слишком стар для таких путешествий. Люди сказали ему, что понесут его весь долгий путь в носилках, но он покачал головой и ответил так: «Будет иначе, ибо настало для меня время умереть в этом мире и пе-

рейти в другой, где я буду охранять вас и ждать, когда истекнут ваши земные часы. Но покауда Осирис не призвал меня к себе, я останусь здесь». Люди заплакали, а Рои дал знак Тау приблизиться, и когда тот опустился перед ним на колени, произнес тайные мистические слова, посвящая его в сан пророка Общины Зари и передавая ему власть над телами и душами людей, а затем овеял его своим дыханием и поцеловал. После этого он позвал к себе нашу царицу Нефрет и велел ей не печалиться, ибо ему дано знать, сказал он, что все окончится как она того желает и, несмотря на все опасности, тот, кого она любит, в конце концов вернется к ней, ибо боги охраняют его. После чего он поцеловал ее и благословил, а затем благословил всю Общину и каждого в отдельности члена Совета, завещая им свято хранить тайны Общины и блюсти ее учение в чистоте и строгости. Если же придется им, защищая свою царицу и сестру по вере, во имя праведных целей пролить кровь, он отпускает им этот грех, ибо иной раз только война может принести мир; когда же война окончится, они должны являть милосердие и жить в скромности и умеренности, как жили прежде. Дав такие наказы, он отпустил всех и никому больше не сказал ни слова, только вручил Тау письмо для вавилонского царя и еще одно послание ко всем членам Общины, живущим в других землях.

– А что случилось потом, Хранитель?

– Один за другим члены Общины стали подходить к благочестивому Рои и, преклонив колена, прощаться с ним, а

попрощавшись, покидали зал, – на заре они выступали в долгий путь. Когда все ушли, Рои огляделся и, заметив меня, спросил, почему я не ушел вместе со всеми. Я сказал ему о наказе Нефрет, он же ответил, что она хорошо распорядилась и что я должен ухаживать за ним до самой его смерти. После чего он сошел с трона и в первой же келье поблизости лег на ложе. Там я навещал его днем и вечером, а носил сюда еду, воду и другие припасы из храмовых кладовых ночью, чтобы никто не заметил меня. На четвертый день под вечер я закончил свою работу и пошел к всеумудрому пророку, чтобы дать ему воды, потому что еду он больше не принимал. Он выпил, а потом приказал мне помочь ему облачиться в его одеяние верховного жреца. Затем по его просьбе я проводил всеумудрого в зал и помог сесть на трон; в руке он держал священный жезл.

«Выслушай меня, – сказал он мне, – к нам пришел враг. Апепи приказал своим воинам стереть нас с лица земли. Я вижу, как они высаживаются на берег, вижу, как сверкают на солнце острия копий. Брат мой, спрячься здесь поблизости и наблюдай. Знай, что ты никак не пострадаешь, и после всего, что произойдет здесь, уходи и выполняй то, что тебе поручено».

Надо тебе сказать, господин, если ты еще не знаешь – брат же Тему знает наверняка, – что в храме нашем есть множество тайников, где лишь огонь или молот могут обнаружить человека; мы же, члены Общины, знаем об этих тайни-

ках и можем в них укрыться, если нас к тому вынуждают. В один такой тайник я и спрятался, неподалеку от возвышения, где сидел Рои; кому придет в голову, что внутри недвижимой статуи древнего бога стоит живой человек и зорко смотрит сквозь пустые каменные глазницы?

Истек, быть может, час, потому что, когда я пришел в храм, солнце еще стояло высоко в небе, а теперь лучи его, проникнув сквозь западное окно, падали на Рои и трон, на котором он сидел, и словно окутали его багряной мантией. Тишину вдруг нарушили какие-то звуки, шум все нарастал, и вот уже явственно слышал я топот бегущих, хриплые, грубые голоса.

– Сюда, сюда! – слышались крики. – Вот оно – гнездо белых крыс, которые скоро станут красными! А ну, посмотрим, отвратят ли они своим колдовством копья фараона!

Множество воинов, сверкая доспехами и вскинутыми копьями, ворвалось через большой проход в зал. Тишина древнего храма, по-видимому, поразила их, потому что они вдруг остановились и смолкли, а потом начали продвигаться вперед медленно, теснясь друг к дружке, точно рой пчел. И тут как раз багряные лучи солнца осветили Рои, сидящего на троне, – в белой мантии, с золотым жезлом в руке. Воины замерли.

– Призрак! – вскричал какой-то воин.

– Нет, это сам Осирис с жезлом власти, – отозвался другой.

Начальники в нерешительности совещались, пока наконец один, как видно, похрабрее других, не сказал:

– Неужто испугаемся мы колдовства? Это все их хитрости! Ну-ка, глянем на него поближе.

И он, а за ним и другие подошли к возвышению.

– Этот старый бог мертв! – крикнул он. – Неужто воины испугаются мертвеца?

И тут вдруг Рои заговорил глухим загробным голосом, который эхом разносился по залу.

– Что есть жизнь и что есть смерть? – спросил он. – И как узнаешь ты, осквернитель святынь, мертв бог или жив?

Воин в страхе отпрянул назад и ничего не ответил.

– Что ищешь ты в этом святом месте, о человек, жаждущий крови, и кто послал тебя сюда? – продолжал Рои.

Воин набрался храбрости и отвечал:

– Фараон Апепи, наш правитель, послал нас, он приказал нам захватить в плен Нефрет, дочь Хеперра, который был когда-то царем Юга, и предать мечу всех жрецов Общины Зари.

– Схватите Нефрет, помазанницу божью, царицу обеих земель, если сумеете отыскать; истребите жрецов Общины Зари, если найдете их. Обыщите гробницы, обыщите пустыню, и когда найдете их, отрубите им головы и принесите их Апепи, гексосскому псу, которого вы называете царем, а вместе с ними приведите и красавицу Нефрет, Ее Величество царицу Египта.

Военачальник не произнес ни слова, и Рои продолжал:

– Ищите, ищите, вы найдете лишь песок и ветер. Ищите до тех пор, покуда не падет на вас меч божий.

И тут, словно набравшись храбрости из глубин своего ужаса, военачальник закричал в ответ:

– Ну а ты-то, старый пророк, ты ведь не бог и не меч карающий, и тебя не надо искать. Вот тебя мы и доставим фараону Апепи, и еще живого. Пусть он вздернет тебя на воротах Таниса, обманщик и колдун!

И тогда залитый багряными лучами заходящего солнца, величественный и устрашающий Рои поднялся с трона. Медленно протянул он свой жезл, указывая на того воина.

– Пророком ты назвал меня, – начал он холодным, ясным голосом, – пророк я и есть. Слушай меня, человек, и передай эти слова своему хозяину, гиксосскому вору Апепи. Слушай и ничего не забудь! Это ты, а не я будешь висеть на пилоне ворот Таниса. Так будет. Это ты мертвый будешь качаться на ветру, ты, из-за кого покинул эти места достойный народ; это твой труп растерзают гиксосские псы; ты испытываешь на себе ярость Апепи, так же как на Апепи падет гнев божий. Передай ему то, что говорю я, Рои, пророк Общины Зари: смерть уже приближается к нему, нарушителю клятв, к тому, кто жаждет крови невинных, и не в Танисе будет он разговаривать с Рои, а в преисподней, пред троном Осириса. Скажи ему, что воинство его скосит меч Мстителя, как косят жнецы колосья, и тот, кого он хочет умертвить, сядет на его трон и

обнимет ту, кого он сам домогается. Скажи ему, что, когда он стоял здесь, в этом зале, закрыв лицо и выдавая себя за гонца, я узнал его сразу, но пощадил, ибо тогда еще не пробил его час и потому, что мы, достойные братья Общины Зари, не в пример гиксосским ордам, помним о долге гостеприимства и никогда не станем пятнать руки кровью гонцов и посланцев. Скажи ему, нарушителю клятв и предателю, что и сам он отопьет из чаши предательства, а от зла, что посеял он, другие пожнут жатву справедливости и мира.

Так сказал Рои и снова опустился на трон.

– Хватайте его! – крикнул военачальник. – Хлещите его плетьюми, терзайте его, пока он не скажет нам, куда он спрятал Нефрет. Ужасным будет наше возвращение в Танис, если мы придем без той, к кому обратил свое сердце наш властитель.

Тогда, господин, очень медленно – сделают шаг и остановятся, – кое-кто из воинов двинулся вперед, уж очень они были напуганы. Наконец они подступили к возвышению и взобрались на него. Самый первый, не коснувшись Рои, взглянул в его лицо и отпрянул назад.

– Он мертв! – закричал он. – Пророк мертв, у него отвисла челюсть!

– Он умер, – откликнулся кто-то из зала, – но проклятье его пало на нас. Горе нам! Горе Апепи, которому мы служим! Горе! Горе!

Крик этот отдавался от стен, а в это время солнце вдруг

село, и храм погрузился в темноту. И тут, господин, раздался другой крик: «Скорее вон отсюда! Скорее, скорее, а то проклятье поразит нас в этом страшном месте!»

И они бросились бежать, господин. Они заполнили узкие проходы. Одни падали, другие топтали их, я слышал страшные стоны, но они выволокли и тех, кто упал, не знаю уж, мертвых или живых. В храме никого не осталось. Я выбрался из моего тайника, поднялся на помост и взял руку благочестивого Рои. Она была холодна и, когда я отпустил ее, безжизненно упала; я послушал его сердце – оно не билось. Тогда я последовал за воинами, не показываясь им, потому что знал, как пройти незамеченным; я видел, как они в страшной спешке, теснясь и ругаясь, погрузились на барки и отплыли, хотя дул сильный ветер. Когда на рассвете я снова пришел на берег, их уже не было, только, я думаю, какая-то барка перевернулась, потому что к берегу прибило трех утопленников, которых я столкнул подальше в воду.

Так, господин, отошел в мир иной наш всемудрый пророк Рои, который покоится сейчас на груди Осириса.

– Странную ты поведал историю и страшную, – промолвил Хиан.

– Поистине, – вставил свое слово Тему, – однако в ней я усматриваю волю Небес. И если таково начало, каким же будет конец, царевич? Горе Апепи, горе тем, кто служит ему! Да не оставит нас вера!

Глава XVII. СУДЬБА БЕГЛЕЦОВ

В ту же ночь Хиан, Тему и Хранитель пирамид, утолив жажду и голод, устроились на ночлег в склепе фараона Хафра; Хиан лег по одну сторону саркофага, Тему – по другую, а Хранитель, сказав, что ему, простому человеку, не позволено осквернять своим присутствием священное место, – за порогом. Только одно дело – лечь, а другое – заснуть. Заснуть Хиан не мог. То ли от непомерной усталости – столько ночей он провел почти совсем без отдыха, в лодке все время греб и боялся глаза сомкнуть. Или опасности, которых он избежал, все, что он выстрадал, увидел и выслушал, не давали успокоиться, и Хиан снова и снова возвращался мыслями к пережитому. А может, давила жара и духота склепа – в самой сердцевине каменной горы нечем было дышать.

Возможно, были и другие причины. В огромном саркофаге, возле которого лежал без сна, в глубоких раздумьях Хиан, покоились останки великого фараона, возведшего эту пирамиду; бесчисленное множество лет назад был он велик и всемогущ теперь же ничего не осталось от него – ни в истории, ни на земле, только кости в этом саркофаге, пирамида да несколько статуй в храме, изображающих его во всем царском величии.

И вот он, Хиан, кто носит сегодня на пальце тот самый перстень, которым тысячелетия назад этот покинувший зем-

ной мир правитель скреплял государственные акты, – он делит с великим фараоном его смертное ложе! Но дозволено ли это ему и не грозит ли за то страшная кара?

Все еще бодрствующий Хиан гадал, видит ли сейчас Ка или двойник фараона, который, как известно, – во всяком случае, так утверждают жрецы и ученые мужи, – обитает в его теле в гробнице до самого часа воскрешения, – видит ли Ка этот перстень и задается ли вопросом, как он попал в руки чужеземца? Этот перстень уже навлек на него беду, припомнил Хиан; ревность удваивает подозрительность, и именно перстень навел Апепи на догадку о том, что Хиан и Нефрет полюбили друг друга; потому он и бросил сына в подземелье. Он спасся из одной темницы, чтобы оказаться в другой, думал Хиан, но если ему суждено разделить ее с Ка могущественного Хафра, она может оказаться не менее опасной, чем первая, ибо разве возможно обмануть Ка? Подумай он об этом раньше, – а ему это по неосторожности и в голову не пришло, – он бы спрятал перстень от Апепи; но куда его спрячешь от Ка? Но, может, сам Хафра отдал ему, кто явился на землю столько лет спустя, этот перстень, переходивший от поколения к поколению и вот теперь перешедший к нему, Хиану, вполне законным путем? Если так, тогда Ка простит его.

Тут мысли Хиана спутались и потекли в другую сторону, несерьезные, безрассудные мысли. Больше он не думал ни о Ка, ни о перстнях, он думал о той красавице, с которой

они в этом самом склепе обменялись клятвой верности. Где она сейчас и когда он найдет ее? Хранитель пирамид поведал ему предсмертное пророчество Рои: они с Нефрет снова встретятся! Как утешительны эти слова! Хотя, быть может, Рои хотел сказать, что встретятся они в другом мире, – похоже, старый пророк, в особенности в последнее время, не отделял жизнь от смерти. Но он, Хиан, мечтает о живой женщине, а не о призраке, ведь неизвестно, как любят призраки и умеют ли они вообще любить. Как удивителен этот рассказ о смерти Рои, из последних сил обрушившего проклятия на Апепи и тех, кто посмел вторгнуться в святилище Братства Зари, кто хотел истребить всех членов Общины и похитить их сестру и царицу! Хиан поблагодарил богов, что Рои не проклял и его вместе со всеми гиксосами. Нет, напротив, он благословил его так же, как и Нефрет. А значит, благословение пребудет с ними, ибо Рои – посланец Небес, которому ветома их воля.

Да, Рои благословил их, и светлый дух благочестивого пророка, вознесшийся в вечность, охраняет сейчас его, Хиана; дух этот могущественнее Ка Хафра, могущественнее всех злых духов и демонов, обитающих в склепах. Подумав так, хотя и страшна была ему эта гробница, хотя стерегли его враги, Хиан успокоился, отвел взор от качающейся тени, отбрасываемой на сводчатый потолок светильником, и заснул.

Тяжелый воздух склепа нагонял дурные сны, но все же Хиан спал, пока его не разбудил Тему, который завозился по

другую сторону саркофага и громко зевнул.

– Поднимайся, царевич, – сказал Тему, – верно, уже наступил день, хотя разве отсюда разглядишь, что там на воле?

– Что значит день для тех, кто поселился в вечной тьме пирамиды, как будто они уже умерли? – хмуро отозвался Хиан.

– Очень много значит, – весело ответил Тему, – потому что днем ты знаешь, что снаружи светит солнце. А тьма имеет свои удобства: так, во тьме, поскольку больше делать нечего, ты можешь всецело отдаться долгой молитве.

– Но от солнца, что светит другим, мне мало радости в этом душном мраке, Тему, а молюсь я проникновеннее всего, когда вижу небо у себя над головой.

– Можешь не сомневаться, скоро ты снова увидишь его, потому что воины, потеряв нас, конечно же, поплыли к своему правителю – сообщить ему, что мы улетучились словно духи.

– Вот тут-то Его Величество и обратит в духов их самих – пусть, мол, тогда отыщут нас в мире ином. Можешь не сомневаться, если и отправилось куда-то его войско, то только не в Танис, поскольку нас они с собой не прихватили. Призадумайся, брат. Мы совершили побег из самой страшной, самой неприступной темницы фараона. Царица Нефрет и все Братство, кроме Рои, который по собственной воле остался здесь умирать, ушли от его войска. Подумай, как он отнесется к тем, кто сообщит ему, что они напали на наш след и пу-

стились в погоню, да только вдруг мы куда-то исчезли? Нет, Тему, нас они не схватили, а значит, им нельзя возвращаться в Танис.

В эту минуту со светильником в руке появился Хранитель.

– Ушли воины? – спросил его Тему.

– Пойдемте, сами увидите, – ответил Хранитель и, повернувшись, повел их по проходам. – Смотрите, – сказал он, указывая на глазки в кладке стены.

Хиан приник к отверстию, и сначала его ослепил яркий свет, льющийся снаружи, но вот глаза его привыкли к нему, и тогда он различил воинов – пятьдесят, а то и больше, – занятых постройкой хижин и укрытий из камней, во множестве лежавших вокруг пирамиды. Хиан приник к отверстию ухом и услышал, как кто-то – как видно, из главных – окликнул воина, – его Хиану не было видно, – и стал спрашивать, какие вести получены от отрядов, которые ведут наблюдение за другими сторонами пирамиды. Поняв, что гиксосская стража уверена в том, что дичь, за которой они охотятся, укрылась в пирамиде, и приготовилась сторожить день и ночь до тех пор, пока голод и жажда не выгонят беглецов наружу, Хиан знаком подозвал Тему, чтобы он тоже взглянул, а сам сел на каменный пол и тяжело вздохнул.

– Ясно, они собираются здесь осесть надолго, – немного погодя сказал Тему, – иначе они не стали бы строить себе дома из камня. Только мы их перехитрим. Да не покинет нас

вера!

– Пусть не покинет, – сказал Хиан. – Но даже и веру надо чем-то питать, так что давайте-ка подкрепимся хлебом насущным.

Так для троих затворников началось тяжкое испытание. День следовал за днем, а гиксосские стражники не уходили, выжидая, как кот выжидает добычу; прибыли новые отряды, в них нашлись умельцы лазать по скалам и горам; с помощью бронзовых копий и веревок они поднимались на пирамиду, пытаясь обнаружить убежище царевича. Напрасные старанья. Случалось, они карабкались над самым тайником, и все равно не могли его обнаружить, а даже если бы и обнаружили, то не сумели бы повернуть камень – тяжелый засов накрепко запирает его изнутри. И все же гиксосы не уходили: они знали, что рано или поздно беглецам, если они еще живы, придется выйти наружу.

Хиан и его товарищи спали теперь не в самом склепе – там было трудно дышать и мерещились всякие ужасы. Так что на вторую ночь все трое устроились возле поворотного камня, где сквозь глазки просачивался хоть какой-то свежий воздух и проникали слабые лучики света. Приникнув глазом к пробитой в скале скважине, которая уходила кверху и открывала обзор южной стороны соседней пирамиды. Хиан увидел и звезду над ней. Теперь по ночам он не сводил с нее глаз, пока она не гасла в небе; непонятно почему, но звезда эта прино-

сила ему покой. Все остальное время им приходилось лежать в темноте или загораживать глазки, чтобы свет изнутри не выдал их; по этой же причине и есть приходилось в глубине прохода. Еды у них было вдоволь, но день шел за днем, и она словно потеряла вкус, потому что они сидели в духоте и совсем не двигались. И вода тоже стала отдавать затхлостью, а пить много вина они не решались.

И вот отвага и спокойствие духа начали покидать Хиана. Погрузившись в мрачные, как само чрево пирамид, раздумия, он сидел час за часом, не произнося ни единого слова. Даже Тему, хотя и призывал по-прежнему не терять веру, то и дело напоминая своим товарищам о Рои и его пророчестве, хотя и молился усердно и подолгу, но и он порядком утратил былую жизнерадостность и заявил, что тюремное подземелье в Танисе – просто дворец в сравнении с этим проклятым склепом. Хранитель же стал вести себя настолько странно, что Хиан решил, что тот тронулся умом. Особенно бесило Хранителя, что гиксосы осмеливаются карабкаться на пирамиду, которая доверена его надзору, он только об этом и говорил. Хиан попытался было хоть немного утешить его, высказав предположение, что высоко гиксосы все равно не поднимутся даже с помощью всех своих приспособлений, поскольку они не знают, где можно найти опору, и никогда не обнаружат это место.

Как видно, слова эти запали Хранителю в голову, потому что, выслушав их, он стал молчалив и, похоже, о чем-то

упорно размышлял. На следующую ночь, перед самым рассветом, он разбудил Хиана.

– Я кое-что задумал, царевич, – сказал он. – Не спрашивай меня ни о чем, но завтра на закате освободи поворотный камень и жди. Если я не вернусь на рассвете, снова задвинь засов и тогда уж не числи меня среди живых.

Больше он не сказал ни слова, а Хиан даже не попытался остановить Хранителя, потому что знал: тогда он совсем потеряет рассудок. Они приоткрыли немного ход, а затем, поев и выпив вина, Хранитель скользнул в щель и исчез во тьме.

Звук задвигаемого засова разбудил Тему, который в тревоге вскочил.

– Мне приснилось, что камень открылся – и мы вышли на свободу. Но что это – где же Хранитель? Ведь он лежал рядом со мной...

– Камень и вправду приоткрывался, Тему, хотя на свободу мы не вышли. Но Хранитель что-то задумал и отправился выполнять свое намерение. Только вот что он задумал, он мне не сказал. По-моему, он просто не мог больше оставаться в этом склепе и предпочел смерть на воле, а может, и просто волю.

– Если так, царевич, значит, наш запас воды увеличился и, уж конечно, все это к лучшему, что бы там ни произошло. Да не покинет нас вера! – Так ответил Тему, а затем лег и снова погрузился в сон.

Тот день прошел как и все другие. О Хранителе они боль-

ше не говорили: оба считали, что побег его удался или же он спрятался где-то в расщелине, чтобы дышать свежим воздухом. Да и было им не до разговоров, страдания их настолько усилились, что они молча сидели, как совы в клетке, уставившись в темноту широко раскрытыми глазами. Под вечер Хиан, посмотрев в глазок, заметил, что к лагерю верхом на прекрасных лошадях подъехало несколько бедуинов, гиксосы тут же окружили их и стали покупать молоко и зерно, а потом некоторые бедуины спешили, и поставив на голову кувшин или корзину, понесли их к жилищам воинов. Когда торги закончились, гиксосы, как показалось Хиану, принялись рассказывать жителям пустыни, по какой причине они разбили тут лагерь, потому что те обратили взоры на пирамиду и, как видно, о чем-то спрашивали гиксосов; судя по взволнованным лицам и нетерпеливым жестам, история эта их заинтересовала. Рассказы и расспросы все еще продолжались, когда солнце стало быстро уходить за горизонт, как это всегда бывает в ясном небе Египта, и тут вдруг один из бедуинов, протянув руку в сторону пирамиды, закричал:

– Глядите, глядите – Дух пирамид! Вон он во всем белом стоит на самом верху!

– Нет, он во всем черном! – воскликнул другой.

– Их два! – отозвался третий. – Один в белом, другой в черном. И не духи это, а царевич Хиан и жрец – не в пирамиде они прятались все это время, а на ее вершине.

– Вот глупец, – послышался чей-то голос, – да разве воз-

можно, чтобы люди столько времени прожили в таком месте? Призраки это, и сомневаться нечего. Нам ведь говорили, что по пирамидам этим бродят призраки. Смотрите! Он смеется над нами и делает какие-то знаки!

– Призраки или живые люди, – раздался голос военачальника, – но завтра мы схватим их. Сегодня уже темно и ничего не получится.

Тут все воины заговорили разом, и Хиан не мог разобрать, что они говорят. Он заметил лишь, что бедуины хранят молчание. Они сидели на своих конях и держались на некотором расстоянии от гиксосских воинов, а тот, кто, судя по всему, был у них за вожака, делал какие-то непонятные знаки руками: то широко раскидывал их в стороны, то сводил над головой, так что соприкасались кончики пальцев. Быстро спустилась ночь, вокруг стало темным-темно, громкие выкрики стихли, лишь какой-то гул несся от костров, вокруг которых сидели гиксосы, – похоже, они что-то горячо обсуждали.

– Тему, – сказал Хиан, – что означает вот такой знак для братьев нашей Общины? – И он сначала широко раскинул руки, а затем, образовав петлю над головой, свел кончики пальцев.

– Это крест жизни, наши братья подают такой сигнал, когда разговаривают на дальнем расстоянии и хотят узнать, кто вдали: друг, враг или просто незнакомый человек.

– Так я и подумал, – произнес Хиан и замолчал. Затем он стал пробираться к поворотному камню и отодвинул засов,

который служил надежным запором.

Спустя примерно час с небольшим послышался легкий скрежет, и в то же мгновение лицо Хиана овеяла приятная ночная прохлада, хотя в темноте он ничего не мог разглядеть. Затем он услышал стул легшего в паз засова и голос Хранителя, окликнувшего его по имени. Хиан отозвался, и они начали двигаться навстречу друг другу по проходу; в том месте, где горел светильник и помещались еда и вода, они встретились.

Хранитель припал к воде, а когда вдоволь напился, Хиан спросил его, где он был, хотя уже и сам обо всем догадался.

– На вершине пирамиды, господин. Сегодня я поднялся туда до рассвета, в полной темноте. Опасное это дело, настолько опасное, что я не решился просить тебя пойти вместе со мной, хотя ты не менее искусен в лазании, чем я. И все же, хотя я и ослаб от неподвижности, пока мы сидели тут, я не испытывал страха – путь на вершину знаком мне до мельчайшей зазубрины, к тому же, куда Хранитель пирамид выполняет свои обязанности, с ним не может случиться ничего другого.

– Для чего ты пошел туда, Хранитель?

– Я скажу тебе, господин. Прежде всего я хотел, чтобы эти псы гиксосы поверили, что мы находимся не внутри пирамиды, а на самой ее вершине или в какой-то расщелине возле нее; а даже если они этому не поверят, просто пугнуть их, может, от страха они и уберутся восвояси. Они, уж конеч-

но, слышали рассказы о Духе пирамид и о том, что тех, кто взглянет на него, ждет смерть или безумие, и значит, увидев его однажды, они не захотят подвергнуться этой опасности снова. Есть и еще одна причина моего поступка, которая касается меня одного и, может быть, не найдет у тебя одобрения. Гиксосы доставили сюда хорошо обученных подъему на горы своих воинов с тем, чтобы они одолели эту пирамиду, мою пирамиду, на которую из века в век ступала нога лишь тех, в ком текла кровь моих предков, если не считать ту, имя которой нам известно, и тебя самого; вас же двоих допустил к пирамидам Совет Общины. Сколько бы их там не обучали, этих колченогих псов, до вершины им не добраться, в этом я уверен. Но завтра они попытаются сделать это – их заставят, и, надеюсь, то, что случится с ними, послужит примером последующим поколениям варваров: они оставят пирамиды в покое, только мы – я и мои потомки – будем подниматься на них.

– Но это месть, Рои не одобрил бы твои помыслы, – покачав головой, сказал Хиан. Затем, вспомнив, что пирамиды для этого человека – такая же святыня, как храм для жреца, и любой, посягнувший на эту святыню, по его глубокому убеждению, заслуживает смерти точно так же, как человек, осквернивший храм, Хиан не стал больше говорить о пирамидах, а попросил Хранителя продолжить рассказ.

– К рассвету, господин, я благополучно добрался до вершины и распластался в небольшой выемке, которую ты зна-

ешь, – в том месте, где откололся кусок верхнего камня. Солнце пекло нещадно, но я не осмеливался даже пошевелиться, боялся, как бы меня не заметили снизу. Как я выдержал, и сам не знаю, но я дождался заката. Тогда я поднялся во весь рост и встал на вершине во всем белом. Снизу меня увидели. Стражники прямо застыли от удивления, а я опять скользнул в выемку, набросил поверх белых одежд мой черный плащ их верблюжьей шерсти и снова появился на вершине, только чуть согнул колени, чтобы гиксосам показалось, что теперь стоит кто-то другой, ниже ростом. Так я проделал не один раз, господин, чтобы гиксосы уверились: если не призраки, то это ты и жрец Тему стоите на вершине пирамиды.

– Умно придумано, – сказал Хиан и впервые за все долгие гнетущие дни рассмеялся, – однако я не совсем понимаю, чем это может помочь нам?

– А вот чем, господин. Если гиксосы уверились, что вы с Тему находитесь на вершине пирамиды, они прекратят следить за склонами и обыскивать их, и по ночам глаза часовых будут также прикованы к вершине. Но могу сказать тебе и кое-что еще. Стоя на вершине, я заметил у подножья пирамиды группу всадников, мне показалось, что это жители пустыни – бедуины, и я подумал, что они, как видно, продают или продавали гиксосам молоко и зерно. Это удивило меня, поскольку ведь хорошо известно, что бедуины не осмеливаются переходить границы нашей Священной земли, дабы не

достигла их кара небесная и не пало на них проклятие жрецов Общины Зари. И тогда пришла мне в голову одна мысль, посланная, как я думаю, свыше, и я сделал вот что: один из бедуинов, как видно, их вожак, подняв лицо кверху, смотрел на меня, и я сделал ему руками знаки, которые известны членам нашей Общины, а также, наверно, и тебе, господин, потому что ты теперь принадлежишь нашему Братству.

Хиан утвердительно кивнул, а Хранитель продолжал:

– Этот бедуин ответил на мои знаки, господин, и другой, что стоял рядом с ним, повторил ответ, я думаю, чтобы показать мне, что это не случайно. Так я узнал, что они – наши друзья и посланы сюда нам на помощь, а также понял, почему мой дух повел меня на вершину пирамиды.

– Если это так, что же будет дальше, Хранитель? – спросил Хиан охрипшим от волнения резким голосом; сердце у него горячо забилося от надежды и перехватило дыхание.

– А вот что, господин. Завтра, на закате, я снова появлюсь на вершине, и если бедуины, как я предполагаю, все еще будут внизу, я подам им другие знаки и укажу им место, где они должны будут в полночь ожидать нас, с лошадьми наготове. Затем я вернусь сюда и провожу вас к ним, ибо, я уверен, они знают, куда вам скакать.

– Это рискованно, – отозвался Хиан, – но пусть будет так, потому что, если мы еще останемся в этом склепе, я умру. Лучше встретить судьбу лицом к лицу, и как можно скорее, чем медленно погибать в этой дыре.

Затем они позвали Тему и держали совет втроем. Хранитель и Тему долго говорили о тайных знаках Общины и не один раз проделали их при слабом свете светильника.

Той ночью, незадолго до рассвета, Хранитель опять ушел на вершину. Хиан и Тему, едва рассвело, припали к глазкам. Гиксосы были явно чем-то обеспокоены, а семь человек с веревками и скальными крюками собрались вместе и что-то обсуждали с начальниками.

В конце концов, с большой неохотой, как показалось Хиану, эти семеро направились к подножью пирамиды, и, приложив ухо к глазку, Хиан различил скрежет крюков по стене пирамиды. Затем довольно долгое время он не слышал ничего, только видел, что гиксосы внизу не отводят от пирамиды глаз, переговариваются и показывают на что-то.

Вдруг раздался полный ужаса крик. Одни словно замороженные не отводили глаз от пирамиды, другие закрыли глаза, третьи бросились бежать прочь. Глазок на мгновение потемнел, словно что-то загородило свет. Тут гиксосы бегом кинулись к пирамиде, и вскоре Хиан и Тему увидели, как они понесли к хижинам три каких-то бесформенных предмета, которые только что были людьми. Немного погодя они увидели оставшихся в живых четверых, что спустились с пирамиды. Они шли, спотыкаясь, а подойдя к хижинам, бросили свои веревки с таким видом, точно навсегда с ними распрощались, и ушли куда-то в сторону.

– Пирамиды жестоко карают тех, кто воображает, что мо-

жет одолеть их, и пусть возрадуется их Хранитель, – печально произнес Хиан, подумав про себя, что, не возьми его под защиту какая-то высшая сила, они отомстили бы и ему, и это чуть было не случилось.

Снова стало клониться к горизонту солнце, и в лагерь на своих красавцах конях приехали бедуины. Снова раздались обеспокоенные выкрики воинов, и они в страхе стали показывать на вершину пирамиды, а посреди этой суматохи тот, кто, по всей видимости, был у бедуинов главным, отъехал чуть в сторону и назад, так, чтобы гиксосы его не видели, и время от времени стал вскидывать вверх руки и двигать ими то в ту, то в другую сторону, как делают на восходе и на закате солнца почитатели небесного светила. Спустилась ночь, гиксосы расположились вокруг пылающих костров.

Но вот они вскочили и, приставив ладони к ушам, стали прислушиваться к какому-то звуку и тут же по двое, по трое поспешили к хижинам и другим укрытиям, как будто чего-то вдруг испугались. Немного погодя скрипнул поворотный камень, и в проход скользнул Хранитель. На этот раз он попросил себе не воды, а вина.

– Я чуть было не попал в царство Осириса, – сказал Хранитель. – Поскользнулся на кровавом следе одного из этих глупцов, которые решили, что могут добраться до вершины. И все же я не сорвался, ибо храним высшими силами, а дальше все прошло благополучно.

– Только не для тех троих, что уже мертвы, – с тяжелым

вздохом сказал Хиан.

– Мертвы не по моей вине, господин. Безумцы! Не зная пути, они поднялись на две трети высоты, а там начинается мраморная гладь, где не за что зацепиться ни руками, ни ногами. Один заскользил вниз и увлек за собой других, потому что они обвязались одной веревкой, остальные же, увидев, какая участь постигла их товарищей, отказались от своей безумной затеи и спустились на землю.

– Что же произошло потом? – спросил Хиан.

– То, что и накануне: когда солнце уже скатывалось за горизонт, я появился на вершине и, делая вид, что просто размахиваю руками, как, считается, размахивают призрак или дьявол, стал подавать сигналы бедуину, который, судя по всему, у них главный. Он отвечал мне. Мы поняли друг друга. А когда стало совсем темно, я начал выкрикивать проклятия гиксосам. Я сообщил им, что я – дух пророка Рои и что близок их страшный конец. По-моему, они поверили, что это дух Рои говорит с ними с Небес, и в страхе, ползком убрались в свои хижины, откуда теперь и не выйдут, пока солнце не поднимется высоко в небо, уж можете мне поверить! А теперь выпейте-ка по кубку вина и следуйте за мной.

Глава XVIII. НЕФРЕТ ПРИБЫВАЕТ В ВАВИЛОН

Тот, кто был известен под именем писца Расы, посланец царя Севера Апеги, получив обручальный перстень от своей невесты, царицы Нефрет, плыл на корабле в Танис, на встречу тяжким испытаниям, а тем временем в храме Общины Зари случились события, которые Хранитель пирамид описал впоследствии Хиану и жрецу Тему.

Едва Раса, который на самом деле был царевичем Хианом, покинул те места, как в храм Общины Зари прибыло переодетое бедуинами посольство Дитаны, старого царя Вавилона. Эти знатные люди были тайно приняты Советом Братства; поклонившись прорицателю Рои, они поднесли ему глиняные таблички, покрытые незнакомыми письмами.

– Прочти, Тау, – сказал Рои, – зрение мое слабеет да к тому же забываю язык, родной тебе.

Тау взял табличку и начал читать:

«От Дитаны, царя Вавилона, царя царей, чья слава подобна сиянию Всемогущего Солнца, посланье Рои, пророку благочестивому, другу небес, прорицателю Общины Зари; а тому, кто ближе всех к Рои, первому из братьев Общины Зари, кого в Египте называют Тау но кого, как я, Дитана, слышал,

прежде в Вавилоне величали наследным царевичем Абешу, законному сыну плоти моей, с коим рассорился я, ибо упрекал он Мое Величество за возмездие, что я учинил своим подданным, и кто бежал вслед за тем и, как полагал я, давно мертв, – мой поклон. Знайте, о Рои и Тау, или Абешу, что я получил сообщения ваши обо всем, что происходит в Египте, и о том, что ты, Абешу, жив. Известно также мне желание дочери моей, Римы, которую выдал я за Хеперра, фараона Юга и по праву наследования царя всего Египта, чтобы останки ее возвращены были в Вавилон и там похоронены. Прочел я и о том, что дочь ее Нефрет тайно коронована как царица Египта и теперь ищет помощи моей, чтоб отобрать трон у врага моего, Аепи, захватчика, что правит в Танисе.

Вот что я, Дитана, отвечаю тебе, благочестивый Рои, и тебе, царица Нефрет, внучка моя: ступайте ко мне, в Вавилон, вместе с сотоварищами. В этой стороне, клянусь именем бога моего Мардука, повелителя Небес и Земли, а также богами Набу и Бела и всеми другими богами, коим я поклоняюсь, вы будете в безопасности. Силой моих рук вы будете ограждены от всяких зол, и мы поразмыслим обо всем, что следует сделать.

А тебе, кого называют Тау, говорю я: приезжай тоже, и если сможешь воистину доказать, что ты сын мой, царевич Абешу, я, кто оплакивал тебя много лет, дам тебе все, что ты пожелаешь, кроме одного – права наследовать трон мой, который обещан другому. Если же солгал ты, не приходи,

ибо ты непременно умрешь.

Останки же дочери моей Римы, чей супруг погиб от рук волка Апепи, я похороню торжественно в усыпальнице царей, где она высказала желание лежать. Не откажу я ей и в посмертной молитве, если Нефрет, внучка моя и царица, исполнит одно мое желание.

Скреплено печатью Дитаны, великого царя, и печатями советников его».

Окончив чтение, Тау поднес письмо ко лбу, а затем отдал его Нефрет, сидевшей на троне, в окружении членов Совета. Она также приложила письмо ко лбу и, обернувшись к Тау, спросила:

– Как случилось, почитаемый мной Тау, что долгие годы ты хранил эту тайну от меня; ведь если все, что написано здесь, верно, ты – брат моей матери и мой дядя?

При этих словах Нефрет посланники в изумлении поглядели на Тау.

Тот улыбнулся и отвечал:

– О царица и племянница моя, все сказанное здесь – правда, и если нам доведется живыми попасть в Вавилон, я предоставлю доказательства того царственному отцу моему Дитане и его советникам. Я – Абешу, сводный брат царицы Римы. Когда я покинул Вавилон, она была еще младенцем; матери ее я почти не знал, ибо она всегда находилась в окружении царской свиты. Не открылся я Риме и когда мы встретились вновь и я, спасая вас от заговора Апепи, увез ее из

Фив; не открылся и тебе, когда достигла ты зрелости, – клятва, которую я принес, став членом Общины Зари, обязала меня сложить все мои прежние титулы и забыть, что я был царевичем. Но клятва эта допускала одно исключение: я мог открыть свое имя, поведать о своей жизни, если это шло на пользу Общине Зари. И наш отец пророк может быть тому свидетелем.

– Да, – сказал Рои, – все это правда. Слушай же, царица и сестра наша, и вы, послы Дитаны. Много лет тому назад один из братьев нашей Общины, теперь давно уже покойный, привел ко мне человека, который сказал, что желает вступить в наш круг; то был благородного облика воин, человек крепкого телосложения, который, как я угадал, пил воду Ефрата. Я спросил его имя, откуда он родом и почему он ищет убежища в нашем Братстве. Он поведал мне, что он – Абешу, царевич Вавилона, и представил доказательство истинности своих слов. Между ним и отцом его, у которого он был военачальником, произошла ссора из-за подданных, которых царевичу надлежало покарать смертью. Из сострадания царевич отказался выполнить приказ, за что был изгнан из своей страны. Затем он служил другим царям, – на Кипре и в Сирии, – но в конце концов устал от сражений, честолюбие стало претить ему, возлюбленные предавали его, а потому он распрощался с тщеславием, царящим в мире, и в одиночестве решил очистить и насытить душу свою.

Услышав об Общине Зари, он постучался в наши ворота.

На просьбу его я отвечал, что нет среди нас места тому, кто лишь для себя ищет спасения и покоя от забот земных. Те, кто принадлежат нашему Братству, должны служить всем людям, и в особенности обездоленным, а также тем, кто опутан цепями греха; люди нашей Общины призваны нести покой в мир, пусть это будет стоить им собственной жизни. Клятва эта налагает на них обязательство жить в бедности; за исключением особых случаев, они также дают обет безбрачия и отрекаются от всех земных почестей. Ибо только так, по нашему разумению, может душа человека вступить в союз со своим богом. А потому, если он станет одним из нас, то превратится в раба самых покорных и должен забыть, что был вавилонским царевичем и предводителем войска; отныне он становится слугой Небес, и уделом его будут занятия, от которых, возможно, отказался бы самый ничтожный идолопоклонник.

И вот, царица, проситель этот надел наше ярмо на свою шею, сложил с себя все титулы и стал известен под смиренным именем Тау. Но из Тау-служителя он превратился в Тау – духовного отца, и после меня, состарившегося пророка, Тау стал одним из самых известных людей в нашем Братстве, признанным во всех землях, но до того дня, когда возникла необходимость открыть это великому царю Дитане, никто не знал, что он – Абешу, вавилонский царевич.

Услышав этот необыкновенный рассказ, члены Совета встали и поклонились Тау, а за ними поклонились и послан-

ники Вавилона. Нефрет же, которая тоже поднялась, поцеловала Тау в лоб, назвав его любимым дядей, и сказала, что только теперь поняла, отчего была так привязана к нему с самого детства.

Тогда заговорил сам Тау:

– Все, что здесь сказано – правда, и потому я не ищу и не заслуживаю вашей хвалы. Все было сделано мною по зову души, которая извела, что истинная радость – в служении другим и только тем душа приближается к богу. Теперь на какое-то время мне вновь придется вспомнить, что я царевич, и, возможно, стать военачальником. Если так, пусть мой царственный отец не страшится, что я потребую своей доли от тех, кого он назначил своими наследниками, ибо единственная моя цель и надежда – жить и умереть в Братстве Зари.

В эту минуту человек, который стоял на страже у двери, подошел к Рои и что-то шепнул ему.

– Впусти, – приказал Рои.

В зал Совета вошли трое усталых путников в запыленной одежде; когда они распахнули плащи и жестами приветствовали собравшихся, стало очевидно, что они принадлежат к Общине.

– Всемудрый пророк, – обратился один из них к Рои, – мы прибыли из Таниса, из стана войска Апепи. Нам известно от надежных, тайных друзей нашей Общины, что Апепи готовится напасть на вас, если вы отклоните одно притязание

его; тогда всех ваших людей он предаст мечу, а царственную особу похитит, чтобы сделать своей женой. Войско его уже собрано и через несколько дней выступит против вас.

– Мне все это известно, – отозвался Рои. – Пусть придут безумные прислужники Аепеи. Я знаю, что сказать им.

Потом он приказал Тау собрать весь народ Общины Зари, чтобы держать совет.

Когда все были в сборе, Рои объявил, что слагает с себя верховное руководство и назначает своим преемником Тау, о чем и рассказал впоследствии Хранитель пирамид Хиану и Тему. Затем он попрощался со всеми членами Общины и благословил их, и те, утирая слезы, удалились, после чего произошло все так, как рассказывал Хранитель пирамид. Некоторые из членов Совета – и среди них Нефрет – хотели насильно унести Рои вместе с собой, но он разгадал их замысел и запретил. Наконец удалились и они, оставив Рои одного, как он пожелал. Печальное это было прощание, и много было пролито слез. Горько плакала и Нефрет, она с младенчества любила Рои, который заботился о ней, как отец родной. Он заметил, что она в горе, и подозвал к себе.

– Владычица Египта, – заговорил он, – сегодня ты лишь зовешься так, но, если провидение меня не обманывает, вскоре станешь ею; знай, тебя и старого отшельника, пророка тайной веры, чье имя исчезнет и которого забудут на земле, – разделяет широкая пропасть. Нас разделяют долгие годы жизни, ибо я очень стар, а к тебе лишь вчера пришла

женская зрелость. Да и судьба твоя отлична от той, что была уготована мне; и потому кажется, что нас почти ничто не соединяет. Но это не так, ибо узы любви связывают нас, а любовь, знай же, – единственное, что вечно и совершенно как в Небесах, так и на земле. Время – ничто; кажется, что оно есть, но оно не существует, ибо в вечности есть ли место времени? Величие и слава, красота и желание, богатство и нужда, все, что мы обретаем и чего лишаемся, даже рождение и смерть – только пузырьки в потоке жизни, что появляются и исчезают. Лишь любовь истинна, лишь любовь вечна. Ибо любовь – бог и, будучи богом, властвует над миром; это владыка с тысячью лиц, который победит всех и сотворит из ненависти мир, а из зла – масло для своей лампы. А потому, дитя, следуй стезей любви, не только той, что известна тебе сегодня, но любви ко всем, даже к тем, кто причиняет зло тебе; в этом и есть истинная жертва, и только так удовлетворится твоя душа. Теперь же прощай – час пробил!

Рои поцеловал Нефрет в лоб и попросил оставить его одного.

Молодая царица на всю жизнь запомнила его последний завет, хотя, быть может, разум ее постиг таинственный смысл сказанного не ранее, чем и она приготовилась последовать в мир теней. Навсегда удержала в памяти Нефрет и облик пророка; в белом одеянии он сидел на почетном месте среди мрачного зала, пронизательным взором глядя во мглу, словно ждал, что кто-то поманит его, подаст знак сле-

довать за собою.

Еще до рассвета процессия человек в пятьдесят или более, не считая тех, кто нес гроб с мумией царицы Рима, тронулась в путь. Двигалась она быстро, тайными тропами; все больные, дети и немощные старцы отправлены были ранее в назначенное потаенное место. Когда взошло солнце, пирамиды остались далеко позади. Тут Нефрет и попрощалась с Хранителем пирамид, который провожал их до этого места, и дала ему все наказы, которые он в точности исполнил.

Нефрет верила, что Хиан вернется к пирамидам и именно у пирамид станет искать ее, как искали Братство Зари Тау и другие, быть может, по зову сердца или восприняв какое-то тайное наставление; она глубоко страдала от того, что нельзя ей дожидаться Хиана, чтобы бежать вместе с ним. Хранитель пирамид поклялся, что исполнит все наставления, низко поклонился Нефрет и ушел назад; скоро пирамиды, которые были ее единственным домом, и вовсе скрылись из виду. И тут впервые за время пути на глаза Нефрет навернулись слезы, ибо она любила пирамиды, которые покорила и где счастье отыскало ее. Кто знает, увидит ли она их когда-нибудь снова!

Путники приблизились к границе Египта, не встретив никаких препятствий; оставив к югу от себя большой залив Красного моря, они благополучно вступили в пределы Аравийской пустыни. По пути через страну они почти что не ви-

дели людей, так как местность вокруг была разорена войной, а заходить в города и деревни они избегали. Даже немногие встречные либо тут же скрывались, либо делали вид, будто ничего не заметили. Как будто действовал чей-то тайный приказ не попадаться им на глаза, хотя, откуда он исходил, Нефрет не знала. Лишь когда путешествие окончилось, ей стало известно, как велика тайная сила скромной Общины Зари.

Наконец беглецы покинули пределы Египта и расположились на ночь в пустыне у колодца. На рассвете Нефрет выглянула из шатра и, заметив верблюжий караван и всадников, направлявшихся к ним, замерла в испуге.

– Похоже, Аепи поймал нас в сеть, – сказала она Кемме, которая тоже глянула вдаль и молча вышла из палатки. Вскоре она вернулась вместе с двумя посланниками из Вавилона; с ними был и Тау.

– Не бойся, царица, – обратился к ней Тау. – Все обошлось. Те, кого ты заметила, – не гиксосы, а войско твоего дела, великого царя Дитаны, посланное, чтобы сопровождать тебя в Вавилон. Взгляни на стяг великого царя, украшенный изображениями богов.

– Да будут благословенны Небеса! – отвечала Нефрет. Но тут ее обожгла мысль, которую она, отведя Тау в сторону, сообщила ему.

– Я не сомневаюсь, так же как и ты, наверно, что царевич Хиан вернется к пирамидам, чтобы предупредить нас об

опасности, – сказала она. – Если за ним будет погоня, его спрячут в укромном месте, и тогда ему понадобится помощь. Сможет ли кто-нибудь помочь ему в бедственном положении?

– Я подумаю об этом и посоветуюсь с другими, – сказал Тау, – хотя кое-то я уже предпринял.

Вскоре несколько человек, известных среди жителей пустыни, переодетые бедуинами, – братья друг другу, а так же братья Общины Зари, принесшие клятву служить ей до самой смерти, – оседлав быстрых коней, отправились к пирамидам, чтобы следить за тем, что там происходит.

Затем к Нефрет приблизились военачальник Дитаны и его воины; они поцеловали землю перед ней, приветствуя ее не как царицу Египта, а как вавилонскую царевну. Их допустили в шатер, где покоилось тело царицы Римы; вошедшие опустились на колени, а жрец прочел молитвы и совершил жертвоприношение. После этого подвели много верблюдов, на которые погрузились все члены Общины Зари; для Нефрет и Кеммы была приготовлена колесница. Так все двинулись в путь под охраной вавилонской кавалерии; впереди на быстроногих верблюдах ехали проводники.

Большая военная дорога пролежала через раскаленную Аравийскую пустыню. В оазисах путников ожидали свежие верблюды и кони; оттого они, хотя и везли с собой мумию царицы Римы, двигались стремительно, почти со скоростью царского гонца; в пути все помогали им и никто не чинил

им никакого вреда; по прошествии тридцати пяти дней они увидели перед собой мощные стены Вавилона.

Огромный город, считавшийся одним из чудес света, построен был на обоих берегах великой реки Ефрат, повсюду высились храмы и сверкающие дворцы; город оказался таким большим, что путники ехали весь день через окраины, пока не добрались до его внутренних стен. Тут медные ворота откатились, и с наступлением вечера путников повели по прямым широким улицам, заполненным тысячами людей, с любопытством взиравших на них, пока наконец вся процессия не остановилась у дворца.

Рабы помогли Нефрет подняться к дверям, охраняемым статуями в виде фигур крылатых быков с человеческими головами; Нефрет вступила в удивительные по красоте залы, какие ей никогда не доводилось видеть прежде. Распорядители дворца двинулись ей навстречу, царевичи склонились в поклоне, евнухи и служанки, окружив ее и Кемму, ввели их в покой, стены которого были затянуты узорчатыми тканями и повсюду стояли золотые и серебряные сосуды. После церемонии встречи путниц отвели в комнату для омовений, что было особенно приятно после столь долгих странствий. Никогда еще Нефрет не видела такого прекрасного мраморного бассейна, где вода была подогрета, а когда омовение было закончено и тела уставших путниц умастили маслами и благовониями, их проводили в отведенные им покои, где их ждала изысканная еда и напитки. Обе женщины наконец могли от-

дохнуть в постелях, застланных вышитыми шелковыми покрывалами; сон их оберегали рабыни и вооруженные евнухи, стоявшие за дверями.

На рассвете Нефрет разбудили женские голоса, певшие гимн богу солнца Шамшу. Она еще немного полежала, размышляя о том великолепии, которым ее окружили, в глубине сердца уже ненавидя его. Царица по положению, по воспитанию своему Нефрет была простой девушкой, она привыкла к вольному воздуху пустыни, к тесным кельям, возможно служившим некогда гробницами, к грубой пище, которую она делила со всем людом Общины. Шелка и украшения, роскошные хоромы, душистая вода для омовений, толпы подбострастных рабов, чуждая изысканная пища, – все это великолепие тяготило ее, вызывая чувство отвращения.

– Няня, – обратилась она к Кемме, чье ложе находилось рядом, – я с радостью очутилась бы сейчас на берегах Нила и встретила первые лучи, посылаемые Ра, которые золотят чело Сфинкса.

– Если б ты вернулась на берега Нила, дитя мое, – отозвалась Кемма, – то первые лучи, посылаемые Ра, золотили бы ворота дворца в Танисе, ставшего твоей тюрьмой, а до твоего слуха доносились бы ненавистные слова любви, обращенные к тебе Апепи. А потому благодари богов, что ты здесь.

– Я видела сон, – продолжала Нефрет. – Мне пригрезилось, будто Хиан, обрученный со мной, в опасности и зовет меня на помощь.

– Сомнения нет, дитя мое, он зовет тебя, где бы он ни находился; сомнения нет и в том, что жизнь его в опасности, – как и у всех нас, хотя, быть может, и не в такой мере. Но что из того? Разве не обещал нам пророк, дед мой, что с ним не случится никакой беды? Выслушай меня. Я тоже видела сон.

Сам Рои, которого, без сомнения, уж много дней нет в живых, окруженный сиянием, явился мне. «Убеди Нефрет, – повелел он, как показалось мне, – смирить сердце свое; ей грозит множество опасностей, но, подобно грозovým тучам, они будут развеяны порывами ветра пустыни, небо над главою ее снова прояснится, и звезды воссияют на нем».

– Прекрасные слова, няня, если только ты и впрямь слышала их; они дают мне успокоение в этом чуждом, хоть и таком красивом месте. Но смотри, вон идут те толстые большеглазые женщины; они, кажется, несут что-то. Няня, я не хочу, чтобы они касались меня. Я оденусь сама, или ты одень меня.

Женщины приблизились, падая ниц, чуть не на каждом шагу, и сложили дары на столик из яшмы. Перед Нефрет оказались невиданные роскошные одежды, царская мантия, ожерелья и пояса из драгоценных камней; поверх всех этих подношений лежала золотая корона, украшенная крупными жемчужинами.

– Это подарки Дитаны, великого царя, своей внучке, вавилонской царевне и царице Египта, – произнесла по-египетски старшая, снова кланяясь, – соблаговоли надеть все, о ца-

ревна Вавилона и царица Египта. Пусть Дитана, царь царей, узрит красоту твою в подобающем виде. Мы, рабыни твои, пришли услужить тебе.

– Тогда потрудитесь передать благодарность могущественному Дитане, моему деду; мне же вы услужите тем, что оставите меня одну, – отвечала Нефрет, набрасывая на лицо покрывало, чтоб более не видеть их.

Когда женщины вышли, – недовольные, некоторые даже в слезах, – Нефрет с помощью Кеммы принялась наряжаться в сверкающие одеяния. Вскоре пришлось позвать назад старшую прислужницу, чтоб та показала, как их следует носить.

Наконец Нефрет была одета, как обычай требует того от вавилонянки, принадлежащей к царскому дому; подали зеркало, чтобы она могла все осмотреть. Глянув на себя, Нефрет в раздражении бросила его на ложе.

– Кто я – египетская девушка или наложница какого-то восточного владыки? – воскликнула она. – Посмотрите на мои распущенные волосы, усыпанные драгоценными камнями! А эти одежды, в которых я с трудом передвигаюсь! Няня, освободи меня от этих ненужных вещей и верни мой белый наряд сестры Общины Зари.

– Дитя мое, – терпеливо отвечала Кемма, – одежды твои запылились дорогой. Ты и так очень хороша, – добавила она удовлетворенно, – хотя и загорела несколько больше, чем надо бы; но корона тебе очень к лицу. Оставь жалобы; ты можешь считать себя сестрой Общины, но тут ты – вавилонская

царевна. Разве не боишься ты разгневать великого царя, у кого просишь столь многое? Слышишь, они приглашают нас к трапезе. Идем, тебе надо подкрепиться.

– Может, ты и права, няня. Но что потребует великий царь от меня! Об этом никто не скажет, даже Тау, хотя, полагаю, он-то знает.

Тяжело вздохнув и насупившись, Нефрет присела к столу, а Кемма так и не ответила на ее вопрос – то ли не знала, что ответить, то ли по другой причине.

Немного погодя в покой вошел глава евнухов, за ним, низко кланяясь, следовали распорядители двора, причудливо одетые музыканты, придворные дамы, военачальники и стража, состоявшая из темнокожих воинов. Каждый занял назначенное ему место, Нефрет и Кемму они поставили посередине, и процессия, впереди которой выступали музыканты, двинулась куда-то. Миновав коридоры, украшенные статуями, они прошли через обширные залы, пересекли сады и дворы, где струились фонтаны, и, наконец, достигли высокой лестницы; ступени ее вели к дверям просторного внутреннего двора, охраняемым изваяниями быков.

Двор этот не был ничем затенен, и лишь в глубине его – примерно на треть длины – был натянут полог. Здесь было множество людей – такого многолюдного собрания Нефрет никогда не видела, – и все они смотрели на нее. Нефрет и свита прошли вперед меж расступившимися людьми.

Под пологом сгустилась глубокая тень, и поначалу Неф-

рет ничего не могла разглядеть. Но через несколько мгновений царица увидела, что перед ней собрался весь цвет двора царя Вавилона. Здесь были знатные вельможи и придворные дамы, сидевшие все в одном месте, военачальники при оружии, советники с квадратно подстриженными бородами, церемониймейстеры с жезлами; были здесь и рабы, белые и черные, и кого тут только не было! В центре этого великолепного собрания на изукрашенном драгоценностями троне сидел морщинистый старик с совершенно седой бородой, в диковинном венце на голове; Нефрет догадалась, что это и есть ее дед, царь царей, могущественный Дитана.

Когда процессия ступила под тент, раздался звук трубы, и все придворные, а также сопровождавшие Нефрет люди пали ниц перед царем; даже Кемма распростерлась на земле вместе со всеми. Нефрет же осталась стоять, подобно единственному воину, оставшемуся в живых среди мертвого войска, – словно некий дух повелел ей сделать так. Она глядела на маленького ссохшегося человечка, а он смотрел на нее.

Вновь заиграла труба, и все поднялись; процессия, сопровождавшая Нефрет, двинулась вперед и остановилась у трона. На мгновение воцарилась тишина, затем царь заговорил высоким, резким колосом, а толмач слово в слово переводил его речь на египетский язык.

– Видит ли Мое Величество перед собой Нефрет, дочь моей дочери Римы, царицы, супруги Хеперра, некогда бывшего фараоном Египта? – спросил он, оглядывая ее своими

пронзительными, похожими на птичьи, глазками.

– Да, меня зовут так, о великий царь Вавилона, – отвечала Нефрет.

– Так почему же ты не пала ниц перед Моим Величеством, как все эти знатные люди?

Наступило молчание, взоры всех были обращены к Нефрет. И снова будто внутренний голос подсказал ей, что ответить.

– Дед мой, – молвила она гордо, – если ты – царь Вавилона, то я – царица Египта, а Ее Величество не целует прах перед Его Величеством.

– Сказано хорошо и уместно, – согласился Дитана, – но, внучка моя, я полагаю, что ты царица без трона.

– Да, это так, и потому я пришла к тебе, о отец моей матери, могучий царь царей, источник справедливости, – я уповаю на твою помощь. Гиксос Апепи захватил мой трон, а теперь желает сделать меня своей женой, меня, царицу Египта, и так овладеть моим наследством. С большим трудом я избежала плена и вот стою здесь и возношу мольбу к тебе, царю царей, от чьей плоти я выросла.

– Снова хорошо сказано, – одобрительно отозвался старый царь. – Но, дочь Египта, ты просишь многого. Я знаю Апепи и ненавижу его; долгие годы я вел войну с ним, но попытаться теперь пересечь безводную пустыню, даже с могучим войском, не безопасно; это могло бы обернуться бедой для Вавилона. Что в случае удачи обещаешь ты нам, влады-

чица Египта?

– Ничего, о царь, лишь любовь и почтение.

– Ах, вот как; ты лишь просишь, но тебе нечем платить. Я должен созвать совет. А пока, внук мой Мир-бел, будущий царь Вавилона, подведи госпожу и усади ее там, где ей, как царице, надлежит быть, – рядом с моим троном.

Вперед вышел высокий человек средних лет, в богатых одеждах, в венце; его лицо с черными горящими глазами лучилось силой. Он поклонился Нефрет, пристально разглядев ее ястребиным взором, вызвав тем ее неудовольствие, а затем произнес вкрадчиво басистым голосом:

– Приветствую тебя, царица Нефрет, сестра моя. Счастлив, что дожил до мгновения, когда увидел тебя, столь царственно прекрасную.

Он взял ее за руку и повел вверх по ступеням помоста к креслу, которое было поставлено для нее по правую сторону от трона. Нефрет села, а Мир-бел, отвесив поклоны ей и царю, возвратился на свое место. На некоторое время воцарилась тишина.

Наконец старый царь заговорил:

– Та сказала, дочь моя, что тебе нечем отплатить нам. Но кажется мне, что ты владеешь многим, ибо владеешь собою: ведь, как я слышал, ты не состоишь в браке. Возьми, царица Египта, – продолжал он неспешно и уверенно, так что Нефрет поняла, что речь эта приготовлена им заранее, – повелителем себе наследника престола Вавилона, чтобы впослед-

ствии объединить обе великие страны в одну. Тогда, быть может, Вавилон будет готов послать войско, чтобы победить Апепи и посадить царицу на трон ее предков. Что ты ответишь на это, дочь моя?

Теперь, когда Нефрет поняла наконец, чего от нее ждали, кровь отхлынула от лица ее. Лишь мгновение она колебалась, вознося в сердце своем молитву о наставлении, как Рои учил ее делать в тяжкую минуту, а затем спокойно ответила:

– Это невозможно, о царь и дед мой, ибо тогда Египет окажется под властью Вавилона; при короновании же я поклялась сохранить стране свободу.

– Затруднение сие преодолимо, дочь моя, и мы поступим так, чтобы обе наши страны были удовлетворены; об этом мы поговорим позднее. Есть ли у тебя другие доводы против такого союза? Человек, которого мы предлагаем тебе, не только наследник самого большого царства в мире; как ты увидела, он также в расцвете лет, воин и, как я знаю, мудр и добр сердцем; словом, поистине – человек.

– У меня есть и иная причина, царь. Я уже дала обещание.

– Кому же, дочь моя?

– Царевичу Хиану, государь.

– Как же так? Ведь он наследник Апепи, а ты сказала, что Апепи сам желал сделать тебя своей женой?

– Да, господин мой, и потому Апепи и Хиан ненавидят друг друга, – тут она потупила взгляд, – нас же с Хианом соединяет любовь.

При этих словах ее шепот пронесся по собранию, а старый Дитана слегка улыбнулся, как, впрочем, и некоторые другие. Лишь на лице Мир-бела отразилось не веселье, а гнев.

– Ах, вот что! – произнес царь. – Где же теперь царевич Хиан? Он прибыл сюда с тобою?

– Нет, государь. Когда последний раз я получила весть о нем, он находился при дворе, в Танисе, и, как говорили, Аппи бросил его в темницу.

– Думаю, там он и останется, если рассказ твой правдив, дитя мое, в чем я не сомневаюсь, – отвечал Дитана.

Нефрет подумала, что все кончено, просьба ее о помощи отвергнута, и в эту минуту вдруг услышала знакомые торжественные звуки одного из похоронных гимнов Общины Зари. Она поглядела по сторонам, чтобы понять, откуда они доносятся, и увидела Тау, за которым шли все члены Братства, провожавшие ее из Египта, а также незнакомые ей люди; все они были одеты в простые белые одежды. В середине процессии Нефрет увидела гроб, который несли восемь человек; Нефрет знала, что под крышкой его покоится мумия матери ее, царицы Рины. Гроб внесли под навес и поставили перед тронем. Жрецы подняли крышку, которая была уже освобождена от скреп, – под ней открылся второй гроб. Те же жрецы сняли вторую крышку, осторожно вынули набальзамированное и спеленутое тело царицы и поставили перед царем; при виде этого все в ужасе отпрянули, ибо вавилоняне не любили смотреть на усопших.

– Чье это тело и почему внесли его туда, где нахожусь я? – негромко спросил царь.

– Твоему Величеству следовало бы, разумеется, знать, – отвечал Тау, – что ныне мертвое тело это некогда явилось на свет от твоей плоти. Здесь, перед тобой, в пеленах, останки Римы, дочери твоей, бывшей прежде царевной вавилонской и царицей Египта.

Дитана пристально глянул на мумию и, отвернувшись, спросил:

– Что находится на груди этой царственной спутницы богов, каковой она, несомненно, стала теперь?

– Письмо к тебе, о царь, скрепленное ее собственной печатью в ту пору; когда она оставалась еще спутницей живых.

– Прочтите, – приказал Дитана.

Тау перерезал шнурок и развернул свиток, из которого выпало кольцо. Он подал его царю; при виде перстня тот не смог подавить вздоха, ибо хорошо помнил, что сам надел его на палец дочери, когда она уезжала в Египет; царь тогда поклялся, что не отвергнет никакой ее просьбы, изложенной в письме, скрепленном этой печатью.

Тау стал читать на языке вавилонян:

– «От Римы, бывшей некогда вавилонской царевной и супругой Хеперра, фараона Египта, отцу ее Дитане, царю Вавилона, либо тому, кто воссел на трон после него. Знай, о царь, что я взываю к тебе во имя наших богов, а также будучи одной крови с тобою: отомсти за те беды, что я претерпела

в Египте, за убийство моего возлюбленного господина, царя Хеперра. Заклинаю тебя обрушиться всей мощью на Египет и покарать собак гиксосов, погубивших моего супруга и захвативших его наследство; возведи на престол Египта дочь мою Нефрет и убей тех, кто хотел обречь ее и меня на гибель. Знай также, что если ты, отец мой, царь Дитана – либо человек одной со мной крови, кто сменит Дитану на троне, – откажешься исполнить мою волю, я призову проклятье всех богов Вавилона и Египта на тебя и твой народ, и я, Рима, стану преследовать тебя, пока ты жив, и сведу с тобой счеты, когда мы встретимся в преисподней.

Собственной печатью скреплено мною, Римой, на смертном одре».

Эти торжественные слова, казалось произнесенные самой царственной особой, чье мертвое тело явилось теперь перед троном, заставили сжаться сердца всех, кто слышал их. На некоторое время воцарилась тишина. Потом царь Дитана, чьи глаза до этого мгновенья были устремлены в землю, поднял голову и все увидели, что увядшее лицо его бледно, а губы дрожат.

– Страшные слова! – произнес он. – И что за тяжкое проклятие обрушится на нас, если мы не внемлем этой просьбе? Та, кто произнесла эти слова и скрепила их печатью, некогда данной ей мною вместе с торжественной клятвой, кто, мертвая, стоит здесь предо мною, была моей любимой дочерью, которую я выдал за фараона Египта. Могу ли я отказать в

последней мольбе моей дочери, столь жестоко пострадавшей от руки проклятого Апепи и теперь, несомненно, ждущей от нас ответа?

Он умолк; со всех сторон раздались приглушенные голоса: «О царь, не должен ты поступить так!»

– Верно, не должен. Я, кто вскоре станет тем же, что и царственная Рима, не могу отказать ей, какую бы ни пришлось платить цену. Слушайте все – жрецы, советники, царевичи, правители областей, воины и весь народ: от имени царства вавилонского я объявляю войну гиксосу Апепи, который ныне правит захваченным им Египтом, – войну не на жизнь, а на смерть! Пусть мой указ, который не может быть изменен, запишут и объявят в Вавилоне и во всех наших землях.

Послышался ропот одобрения. Когда все смолкло, царь обернулся к Нефрет.

– Прекрасная царица, внучка моя, просьба твоя и твоей матери услышана, – сказал он. – Посему пребывай здесь в мире и чести, пока приготовления к войне не окончатся; а затем поведи наше войско.

Нефрет сошла с кресла, упала на колени перед царем и, схватив его руку, прижала к губам, – говорить она была не в силах.

Подняв Нефрет, Дитана коснулся ее своим скипетром и поцеловал в лоб.

– И добавлю еще вот что: зная цель, с какой ты прибыла сюда, дитя мое, я вознамерился было выдать тебя за Мир-

бела, наследника моего, и взять такую плату за помощь Вавилона. Теперь же я отказываюсь от своего плана; так велит мне сердце, — то ли оттого, что ты просишь об этом, или по другой причине. Ты говоришь, что обещала стать женой царевича Хиана; мне хорошо говорили о нем, хотя по отцу он происходит из дурного рода. Быть может, царевич уже погиб от руки Апепи или умрет вскоре. Если подобное случится, ты, возможно, обратишь свой взор на Мир-бела; это и мое и его желание, но тут я не ставлю тебе никаких условий. Если же Хиан останется жив и ты дождешься встречи с ним, тогда вступайте в брак и примите оба мое благословение. Не гневись, Мир-бел; кто может знать наперед, как распорядятся нами боги? Твое желание сейчас не исполнилось, так извлеки из этого урок: не все подвластно человеку, который сделал для тебя так много. Если царица не достанется тебе, наследник престола Вавилона сыщет другую, кто разделит с ним трон. Исполни мою волю Мир-бел: когда войско выйдет против Апепи, останься здесь охранять меня, дабы какой-нибудь злой бог не подвигнул тебя на дурное дело.

Зная, что царский приказ, согласно древнему вавилонскому закону, изменен быть не может, Мир-бел тут же удалился, поклонившись сначала царю, потом Нефрет. Прошло много лет, прежде чем царица Египта снова увидела его, потому что, выйдя из дворца, он вскочил на коня и умчался в свой ном, где и оставался до того дня, когда окончилась распря.

Когда Мир-бел ушел, царь в раздумье остановил свой

взгляд на Тау:

– Кто ты, жрец?

– Я прорицатель Общины Зари, государь, и зовут меня Тау.

– Я слышал об этой Общине и думаю, что братья ваши живут и в Вавилоне; есть они даже и при моем дворе. Слышал я также, что ты дал приют покойной царице Рима и ее дочери, за что я благодарен тебе. Но скажи, прорицатель, нет ли у тебя другого имени?

– Есть, государь. Некогда меня звали Абешу, я старший законный сын Его Величества царя Вавилона. Много лет назад я вступил в спор с Его Величеством, за что подвергся изгнанию.

– Так я и подумал! И теперь, принц Абешу, ты вернулся, чтоб предъявить права старшего царского сына на трон Вавилона?

– Нет, повелитель, я не прошу ничего, как, возможно, послы уже сообщили Твоему Величеству, кроме, быть может, одного – прощения. Я всего только брат Общины Зари и, будучи им, чужд мирским почестям.

Дитана протянул Тау свой скипетр в знак мира и прощения, Тау коснулся его, как то было в обычае Вавилона.

– Мне хотелось бы узнать больше о твоей вере, которая может убить гордость в сердце человека. Ожидай меня, прорицатель, в моих личных покоях, мы побеседуем с тобой, – сказал Дитана.

Тау отошел в сторону, а Дитана обратился к жрецам:

– Пусть останки моей дочери, царицы, будут снова положены в гроб; отнесите его в нашу усыпальницу, завтра мы устроим царские похороны.

Повеление это было немедля исполнено; когда процессия проходила мимо Дитаны, тот встал и поклонился, и все присутствующие последовали его примеру. Потом царь взмахнул скипетром, раздался звук трубы, бывший знаком того, что собрание совета окончено. Царь сошел с трона и, подав руку Нефрет, повел ее с собой, сделав Тау знак следовать за ними.

Глава XIX. ЧЕТВЕРО БРАТЬЕВ

Отодвинув засов и повернув камень, Хранитель пирамид с великой осторожностью выбрался наружу; за ним последовали Хиан и Тему. Все трое были закутаны в черные плащи. Они установили камень на место и замерли, озираясь. У едва тлевшего костра сидел одинокий стражник, прочие воины, напуганные тем, что они видели на вершине пирамиды, спрятались по хижинам. Пока стражник оставался на месте, Хранитель пирамид и его спутники не решались спуститься, боясь, что он призовет остальных. Все трое пробирались по каменистому склону, глубоко вдыхая свежий воздух и широко раскрытыми глазами глядя на звезды.

– Ждите меня здесь, – сказал Хранитель пирамид, – я скоро вернусь.

Он уполз в темноту, и вскоре где-то вверху послышался леденящий душу вой, который, казалось, мог исторгнуть лишь злой дух или демон. Среди усыпальниц позади воина откликнулось эхо. Тот встал в нерешительности, а затем бросился бежать и скрылся в одной из хижин.

Появился Хранитель.

– Следуйте за мной, – прошептал он. – Не шумите и поторопитесь.

Полуослепший Тему всегда плохо лазал по камням, а от длительного пребывания в подземелье сделался еще более

неловок. Наконец все благополучно спустились на землю. Страж пирамид свернул направо и побежал вдоль основания пирамиды, где тень была особенно густой. Оказавшись в безопасности, спутники бросились через открытое пространство к гробницам. Когда они достигли их, раздался чей-то крик: их заметили. Хранитель бежал, петляя, и Хиан с Тему старались не отстать от него. Но вот они достигли небольшой разрушенной гробницы, за которой, в песчаной ложбине, стояли четыре бедуина, держа под уздцы шестерых коней. Хиана одним рывком подняли в седло; оглянувшись, он увидел, что и Тему уже в седле. Кони словно по команде поскакали вперед. Страж пирамид бежал рядом с лошадью Хиана.

– А ты? – спросил царевич.

– Я остаюсь здесь; не опасайся за меня, я знаю много мест, где укрыться. Передай госпоже Нефрет, что я исполнил ее приказ. Скачи быстро, нас заметили; твои спутники знают дорогу. Они наши братья, им можно довериться. Прощай, царевич! – быстро проговорил Хранитель и исчез во тьме.

Всю ночь они мчались, почти не задерживаясь, а на рассвете остановились среди небольшой пальмовой рощи, где был колодец, скрытый под камнями, и корм для лошадей. Хиан с радостью спешил, ибо после многих дней, проведенных в тесном каменном лазу, скакать ему было тяжело; Тему же вообще не был привычен к верховой езде и чувствовал себя еще хуже.

– Спасибо Небесам и нашим духам-покровителям за эти блага, – сказал Тему, осушая четвертую чашу воды. – Как прекрасно восходящее солнце! Как сладок свежий воздух после духоты и темени проклятой гробницы! О, молю бога, чтоб никогда более не довелось мне даже увидеть эти пирамиды, не говоря уж о погребальных камерах. Молитвы мои помогли нам – больше мы не будем томиться в склепе, и все будет хорошо.

Хиан подумал, что еще больше, чем молитвам Тему, они обязаны уму и мужеству Хранителя пирамид и тех, кто послал им на помощь наездников-бедуинов, если они и вправду бедуины, в чем Хиан не был уверен.

– Будем надеяться на лучшее, брат мой, – отозвался Хиан. – Но нас заметили, когда мы спустились с пирамиды, и если нам удастся ускользнуть вторично, начальник стражи поплатится за это. Поэтому нас, несомненно, будут преследовать хоть до края земли.

– Надейся, брат, надейся! – воскликнул Тему, стараясь найти себе место поудобнее.

В эту минуту взгляд Хиана упал на того, кто, видимо, был старшим над четырьмя арабами; то был высокий человек благородного вида, он стоял неподалеку, один, и, казалось, ждал возможности обратиться к Хиану.

Царевич поднялся и подошел к нему; бедуин смиренно поклонился, приветствуя его жестом, уже известным Хиану.

– Я вижу, вы все – братья Общины. Назови же свое имя

и имена твоих товарищей; кто послал тебя на помощь в этот счастливый для нас час и куда мы направляется?

– Господин, мы – четверо братьев. Меня, старшего, зовут Огонь; тот, что стоит поодаль, зовется Земля, рядом с ним стоит Воздух, а четвертого, последнего, называют Водой. У нас нет других имен; если они и были когда-то, то мы не помним их с тех пор, как стали братьями Общины Зари, а сейчас, когда нам доверили исполнить особое поручение, и все их забыли.

Хиан понял, что по собственным побуждениям, а возможно, и по чьему-то приказу эти люди предпочитают остаться неизвестными.

– Так ли это, Огонь? – с улыбкой сказал Хиан. – А каков будет ответ на мой другой вопрос?

– Господин, нам приказали нагрузить шесть добрых коней и отправиться к Великим пирамидам с молоком и зерном, чтобы продать их воинам, если они там окажутся, по тем ценам, что продают арабы. Мы должны были также тайным образом дать о себе знать Хранителю пирамид и оказать помощь некоему писцу Раса, – быть может, это ты и есть, господин, – и жрецу, кого ты зовешь Тему, если это он.

– А дальше, Огонь?

– Дальше мы должны сказать писцу Раса, что некая госпожа, имени которой мы не знаем и не будем дознаваться впредь, со всем своим окружением благополучно покинула Египет и что Раса со своим спутником должен следовать по

той же дороге. Мы дали клятву доставить вас в Вавилон или погибнуть и эту клятву исполним. А теперь, господин, пора в путь. Кони наши – самые быстрые в пустыне, но придется долго ехать, прежде чем мы найдем других; и нас наверняка будут преследовать. К тому же, мне кажется, – добавил он, с сомнением разглядывая Тему, – твой спутник больше привык путешествовать пешком, и пока он выучится верховой езде, нам следует двигаться осторожно, а то он свалится с лошади или потеряет сознание. Да и слабы вы оба – слишком много дней провели в тягостной неволе.

– Ты прав, Огонь, – сказал Хиан и направился к своему коню.

Они ехали днем, отдыхая, пока солнце стояло высоко; по ночам спали среди скал, где каждый раз находили пищу и воду для себя и лошадей. Слабость и оцепенение, овладевшие ими после длительного пребывания в гробнице, рассеялись под резким, словно напоенным вином, ветром пустыни.

Однажды путники на ночлег устроились у холма, неподалеку от источника, где некогда располагалось какое-то селение; колючие кусты и деревья, буйно разросшиеся на тучной земле, надежно скрывали и лошадей и людей. Когда солнце село за деревья, проводник, назвавшийся Огнем, приблизился к Хиану и попросил его взглянуть на восток. Хиан увидел справа, на расстоянии мили, то ли широкий канал, то ли начало озера; на другой стороне, как видно, против брода высились развалины крепости, сложенной из высушенного на

солнце кирпича. Дальше простиралась плоская равнина, а на горизонте виднелась гряда холмов.

– Послушай, господин, – сказал Огонь, – это озеро лежит на границе Египта. На тех холмах – застава войска вавилонского царя. Если удастся достигнуть ее, мы спасены. Но, господин, нам грозит большая опасность. Старая крепость в руках всадников царя Апепи – я видел их следы, может быть, их тут человек пятьдесят; они стерегут нас, считая, что мы покинем Египет, пойдя через этот брод.

– Почему? – спросил Хиан. – Разве мы не можем найти другого пути?

– Другого нет, господин, тогда нам пришлось бы ехать по населенной местности, которую охраняет пограничная стража.

– Похоже, мы в ловушке, и нам остается лишь бежать назад, в Египет.

– ...где нас непременно схватят; ведь сейчас нас ищут по всей стране.

– Что же делать, Огонь? Я предпочту смотреть в лицо смерти, чем в лицо Апепи.

– Так я и думал. Послушай, господин, не все потеряно. Наши быстроногие кони возвращены в Аравии, среди вон тех гор – ты видишь их – и они уже почуяли близость дома и стада кобылиц, что пасутся в долинах. Вода, что перед нами, широка и глубока, а течение здесь очень быстрое, и потому ратники Апепи не ждут нас в этом месте. Но я надеюсь, что

кони не испугаются воды; а если мы сумеем переплыть залив, то прежде, чем нас заметят, мы будем уже далеко; возможно, мы даже благополучно достигнем прохода между холмами. Там узкое ущелье, где один человек может сдерживать натиск многих, и, значит, хоть кто-то из нас доберется до заставы под защиту вавилонских воинов, – добавил Огонь.

Затем он объяснил Хиану и Тему все подробности плана, который составил вместе с братьями. К берегу они все подьдут затемно и, едва рассветет, начнут переправу; когда дно уйдет из-под копыт лошадей, люди соскользнут с седел и поплывут рядом, держась за гриву коней.

Тут Тему объявил, что не умеет плавать, и Огонь посоветовал ему держаться за лошадь изо всех сил или идти ко дну. Тот, кто достигнет противоположного берега, тут же садится в седло и скачет к ущелью – его можно будет разглядеть, потому что уже рассветет. Далее следовало подняться по ущелью до перевала, пусть спешившись, если выбьются из сил лошади, и спуститься в укрепленный лагерь вавилонян, которым дан приказ помогать всем беглецам из Египта.

Объяснив все и дав другие советы, Огонь попросил спутников утолить жажду и получше выспаться, ибо никто не знает, что им сулит завтрашний день.

Хиан послушался совета, нужно было набраться сил. Последнее, что он видел перед тем, как смежил веки, были фигуры четырех удивительных братьев, которые чистили и поили лошадей, шепотом переговариваясь друг с другом; бли-

же к нему, стоя на коленях, усердно молился Тему. Истово веря и надеясь, Тему все же помнил, что ему предстояло переплыть широкую и глубокую реку, а плавать он не умел.

Хиану показалось, что миновало всего несколько минут, когда один из братьев разбудил его. В небе еще светили звезды, но коней уже покормили, и они ждали седоков; Хиан и Тему, каждый на своем коне, направились к видневшейся полосе воды. Первые проблески рассвета застали их у берега, и тут Хиан увидел, что водный простор действительно широк – едва ли стрела даже самого сильного лучника долетела бы до другого берега. Течение стремительно несло вниз, к броду, узкому, как горло бурдюка.

– А не безопаснее ли пойти вброд? – спросил Хиан с сомнением.

– Нет, господин, – там уж нас непременно увидят и убьют еще на берегу; а здесь, где не переправляется ни один человек, они могут не заметить нас. Следуйте за мной, пока совсем не рассвело.

Похлопав коня и шепнув ему что-то на ухо, по арабскому обычаю, Огонь въехал в поток. За ним последовал Хиан, затем один из братьев и Тему. Замыкали переправу брата по имени Воздух и Вода.

Лошади довольно смело вошли в воду, и вскоре Хиан увидел, что Огонь, соскользнув с коня, плывет рядом, крепко держась то ли за гриву, то ли за седло. Когда дно ушло из-под копыт коня Хиана, он поступил так же. Плыли долго, бо-

рять с быстрым течением, которое сносило их вниз; холодная, остывшая за ночь вода, случалось, заливала их с головой. Хорошо обученные лошади не сдавались, они храбро плыли вперед, чуя близость родных пастбищ, стремясь поскорее добраться до них.

Наконец они достигли противоположного берега, и Хиана, еще державшегося за гриву, лошадь потащила через тростники. Ступив на твердую землю, он услышал крик: «Помогите!» – и, оглянувшись, увидел, что лошадь Тему выбирается на берег, сам же он барахтается в воде, и течение относит его все дальше от берега. Двое братьев молча прыгнули в воду и поплыли к Тему, чьи крики становились все громче и громче. Даже когда они с трудом подтащили его к берегу, Тему, невредимый, но перепуганный насмерть, все еще взывал к богам и людям о спасении.

Тут один из братьев выхватил нож и пригрозил:

– Ты замолчишь, или я заставлю замолчать тебя – ты накличешь смерть на всех нас!

– Простите меня, – молвил Тему, когда до него дошла угроза, – но мать всегда учила меня: тот, кто тонет молча, потонет быстрее всех; и прошу вас также заметить, что мои молитвы и теперь помогли мне.

Бормоча что-то весьма нелестное для Тему, Огонь помог водрузить его на лошадь и подал знак сесть на лошадей всем остальным.

– Выслушай меня, господин Раса, – обратился он к ца-

ревичу, пока кони продирались сквозь колючий кустарник, росший на берегу, – неудача все же догнала нас. Крики этого безрассудного жреца наверняка услышаны. Зря мы его не придушили, прежде чем эти крики вырвались. Да и задержались мы из-за него, а утренний ветер рассеял туман, который, как я надеялся, на некоторое время укроет нас. Теперь нам осталось одно – скакать прямо к ущелью и по нему к перевалу. Наши кони лучше тех, что у гиксосов, хотя у них они и более отдохнувшие, и мы, или кто-то из нас – сумеем уйти от них. Запомни, господин Раса, – если и впрямь тебя зовут так, – мы, четверо братьев, сделаем все, что только могут люди, лишь бы спасти тебя; и мы молим тебя, – если больше не суждено будет нам встретиться, – расскажи обо всем госпоже, которой мы служили, а также прорицателю и Совету Братства Зари; пусть люди почтят нас памятью.

Не дожидаясь ответа, он шепнул что-то своему коню и помчался вперед; за ним поспешил и Хиан и все остальные.

Проскакав так некоторое время, Огонь обернулся и указал на место, где находился брод. Взошло солнце, и Хиан увидел яркие отблески на копьях всадников – их было много; одни преодолевали брод, другие уже мчались вслед за беглецами, они были не более чем в полумиле от них.

Погоня началась, теперь дело шло о жизни и смерти.

Они скакали час за часом в сторону холмов, которые, казалось, не становились ближе. Коня были выносливы и при-

вычны к песчаным равнинам, по которым они летели теперь стремительным галопом. Но путь еще был далек, а миновало уже много дней, как они ехали через пустыню, к тому же в то утро переправились через широкий бурный поток; гиксосы же лишь недавно вывели своих коней из стойл. И все же, несмотря на палящий дневной зной, арабские скакуны не сдавались, и когда день стал клониться к вечеру и ущелье было уже совсем близко, они все еще шли быстрым ходом. Мучимые жаждой, тяжело дыша, с запавшими боками, скакали они все дальше и дальше. Уже давно многие преследователи отстали и исчезли из виду; когда беглецы достигли ущелья, гиксосов осталось не более двух десятков. Они изо всех сил стремились настигнуть беглецов; теперь они были уже на расстоянии полета стрелы от них.

Хиан и его спутники с трудом ехали по ущелью; их кони и кони преследователей начали спотыкаться и могли идти только медленной рысью. Мало-помалу расстояние между группами всадников сокращалось. Ущелье было настолько узким, что лошади могли двигаться по нему лишь цепочкой, одна за другой.

На повороте дороги, когда первый из гиксосов был едва ли дальше чем в пятидесяти шагах, Огонь обернулся и что-то скомандовал. Один из четырех братьев, тот, кого звали Вода, тут же спешил и, выхватив меч, остался на месте; его измученная лошадь, послушная окрику хозяина, тяжело поскакала дальше. Вскоре те, кто вместе с Хианом продол-

жали путь, услышали лязг оружия, а затем воцарилась тишина. Немного погодя преследователи показались вновь, только вместо четырнадцати их осталось одиннадцать.

Снова гиксосы начали настигать беглецов, и снова тот, кто звался Огнем, отдал приказ: в узком месте спешился брат по имени Воздух, послав вслед товарищам одинокого коня. Снова послышался лязг оружия, и когда преследователи опять появились позади, их было девять. Они устремились за уходившей вперед четверкой, и в узком проходе по приказу Огня остался третий брат, кого звали Земля. Последовали крики и звон мечей, и когда гиксосы появились опять, их было всего шестеро. Расстояние все сокращалось, и тут, выбрав удобное место, Огонь сам соскочил с коня, отдав ему тот же приказ, что и братья.

– Поезжай дальше, господин! – крикнул он Хиану. – Если бог даст мне сил и ловкости, ты можешь спастись. Скачи вперед и не забудь о моей просьбе!

– Нет, – с трудом отозвался Хиан, у которого кружилась голова, и он едва понимал, что происходит. – Нет, я останусь с тобой! Пусть Тему передаст твою просьбу.

– Вперед, господин! – закричал Огонь. – Или ты хочешь, чтобы я нарушил клятву, хочешь обречь меня на позор? Уезжай, не то я брошусь на свой меч у тебя на глазах!

Хиан все еще не трогался с места, тогда его доблестный спутник выкрикнул несколько непонятных слов, и конь Хиана тронулся рысью; Хиан не мог удержать его.

Снова царевич услышал лязг оружия, крики, и когда Хиан обернулся, он насчитал лишь троих преследователей. Хиан стал понукать коня, но на гребне перевала его конь заржал и остановился.

Гиксосы, бросившие своих изнуренных коней, шли на Хиана. То были крепкие воины, пусть тела их потемнели от пыли и пота; один, по-видимому глава отряда, был ранен: кровь стекала с его лица.

– Нам приказано взять тебя живым или мертвым, царевич Хиан, – это ведь ты? Убить тебя или ты сдашься? – резким голосом спросил он.

При этих словах к Хиану вернулась утраченная сила и отвага.

– Ни живым, ни мертвым, – негромко отозвался он.

Переложив меч в левую руку, он вырвал из-за пояса короткое копьё и что было сил метнул его. Старший отпрянул, и копьё вонзилось в воина, шедшего позади, проткнув его насквозь; тот упал замертво. Старший кинулся на Хиана, и, оба порядком измученные, но равные в силе, они начали бой; третий гиксос, который не мог подобраться к Хиану, стал вытаскивать копьё из груди убитого. Старший дрался, беспорядочно нанося удары, – видимо, кровь заливала ему глаза. Хиан некоторое время отбивался, а затем, нагнувшись, бросился вперед, – это был прием, которому он выучился в войнах с сирийцами. Бронзовое лезвие пронзило горло гиксоса, и тот, как оглушенный бык, упал, увлекая за собой меч

Хиана, выскользнувший из его потной руки.

В этот миг третий воин, извлекший наконечник копье, почти не целясь, швырнул его, и острый наконечник пронзил левое бедро царевича.

Стараясь не упасть, лишившийся оружия Хиан прислонился к скалистому склону. Увидев это, гиксос бросился вперед. Он, как видно, хотел взять царевича живым или, может быть, тоже лишился оружия. Воин схватил Хиана, но тот, падая, увлек его за собой. Руки гиксоса сжимали горло Хиана все сильнее.

«Все кончено», – пронеслось в голове Хиана.

И тут, когда силы уже покидали его, он услышал чей-то топот и крик:

– Да не покинет нас вера!

Раздался звук тяжелого удара, и Хиан почувствовал, что руки, сдавившие его горло, разжались. Царевич лежал недвижно, но дыхание постепенно возвращалось к нему; потом он сел и оглянулся. Рядом валялся мертвый ратник, с разбитой, подобно яйцу, головой, а над ним возвышался Тему, державший в руках увесистый гладкий камень.

– Никто из них не шевельнется больше, – произнес Тему голосом, полным изумления. – Кто бы подумал, что я таким способом убью человека, я, один из братьев Общины Зари, поклявшийся не проливать крови? Мозг мой расплавился на солнце, разум покинул меня, а этот проклятый конь – пусть я больше никогда не увижу ни одного коня! – рванулся вперед.

Когда я вдруг услышал шум, я не мог остановить его, но я ухватился за хвост и сполз на землю, а потом бросился назад, к тебе. У меня не нашлось оружия; видно, я потерял меч в воде, одни ножны остались. Но я бежал, молясь в душе, и тут мой взгляд упал на этот камень. Наверно, благочестивый Рои послал его с небес. Я схватил его и ударил по голове этого кровопийцу, как, бывало, бил цепом по снопу колосьев; руки мои еще крепки, а потому, брат мой, удар оказался сильным и метким.

– Еще каким метким, превосходнейший Тему, – отвечал Хиан слабым голосом. – А теперь, если сможешь, вытащи этот наконечник из моей ноги, мне очень больно.

Тему с готовностью выполнил просьбу, но царевич при этом снова лишился чувств.

Когда он пришел в себя, его окружали высокие бородатые воины в одежде вавилонян; один из них, положив на колени голову Хиана, лил ему в рот воду из тыквенной бутылки.

– Не бойся, господин, – произнес воин. – Мы – друзья; нас предупредили, что из Египта сюда могут добраться какие-то беглецы, и мы поспешили на шум сражения. Мы отнесем тебя за холмы, в лагерь; там ты оправишься от своих ран.

Но Хиан снова впал в беспамятство – слишком много крови он потерял. Вавилоняне унесли его к себе в лагерь; тут он вынужден был пролежать много дней: рана гноилась, нечего было и думать, чтобы двинуться дальше; боялись, как бы он не лишился ноги. Да и выбраться отсюда оказалось невоз-

можно: наемники Апепи, рыскавшие по пустыне, окружили укрепление.

Глава XX. ПОХОД ИЗ ВАВИЛОНА

Долго пришлось ждать Нефрет в благоуханном дворце Вавилона, прежде чем огромное войско, собранное, чтобы посадить ее на трон, было готово к походу.

Со всех краев обширной империи следовало собрать их: людей гор и пустыни, обитателей приморья – копьеносцев, лучников, колесничих, пеших воинов и наездников на верблюдах. Стекались они медленно; их следовало обучить и сплотить воедино; необходимо было запасти провизию и воду для такого огромного полчища, выслать вперед тех, кто смог бы проложить дороги. Прошло целых три месяца, прежде чем головной отряд выступил из медных ворот Вавилона.

Нефрет скоро невзлюбила этот город. Великолепие его, частые церемонии и глазеющие толпы вызывали у нее отвращение. Здесь была чуждая ей религия, ибо, в отличие от своей матери, она не молилась здешним богам; с трудом заставляла она себя отбивать поклоны, когда царь при тех или иных ритуалах шествовал вместе с нею по огромным террасам дворцов; ученица Рои, сестра Общины Зари, принесшая клятву верности более чистой вере, она тяготилась всем, что окружало ее.

Нескончаемые обряды, раболепие перед царем и перед ней, его внучкой, ибо не было секретом, что она царица,

люди, падающие ниц, возгласы «Пусть вовеки живет наш царь!», обращенные к человеку, который вскоре должен был окончить свой путь, все это утомляло и раздражало ее. Свобода Нефрет была тут крайне стеснена; жаркая духота дворцов и садов, где она только и могла гулять, сказалась на здоровье этой вольной дочери пустыни, и Кемма, которая наблюдала за Нефрет, заметила, что та перестала есть, изменилась в лице и похудела.

К тому же душа ее была в смятении и страхе. Благодаря тем сведениям, которые тайно собирало Братство Зари, в Вавилон дошла весть, что царевич Хиан и Тему бежали из Таниса, направились сначала к пирамидам, а затем в Аравию, сопровождаемые людьми, посланные им на помощь.

Спустя некоторое время стало известно, что они, вместе со своими проводниками, уже перейдя границу с Египтом, были окружены ратниками сторожевой заставы гиксосов и то ли убиты, то ли взяты в плен; полагали скорее первое, ибо найдены были мертвые тела нескольких спутников их. Затем донесения прекратились, наступило затишье, которое не показалось бы странным Нефрет, знай она, что случилось.

Начальнику пограничной крепости гиксосов донесли, что те, кого ему надлежало выследить и схватить, ускользнули, убив многих его людей, и, скорее всего добрались до поста вавилонян на холмах. Он не решался напасть на этот хорошо укрепленный пост, расположенный в удобном месте; во-первых, у него не оказалось достаточного количества воинов,

во-вторых, такое нападение сочли бы нарушением перемирия с Вавилоном, а на это у него дозволения не было. Тогда он окружил пост своими стрелками, приказав убивать всякого, кто только появился в пустыне. Так и получилось, что, когда нарочные попытались передать вести от раненого Хиана, лежавшего в лагере, их тут же схватили. Это повторялось трижды; наконец была объявлена война. Стрелков отозвали, и письмо попало в Вавилон, но войско – а с ним Нефрет и братья Общины Зари – к тому времени уже двинулось на Египет другим путем.

Когда слухи о смерти или пленении Хиана достигли Нефрет, ей показалось, что сердце ее не вынесет боли. Некоторое время она сидела оцепенев, с каменным лицом. Потом Нефрет через Кемму призвала к себе Тау и обратилась к нему:

– Ты слышал, дядя, Хиан мертв...

– Нет, племянница, мне донесли только, что так может быть: он либо в плену, либо убит.

– Будь жив Рои, он открыл бы нам всю правду, его душе дано было видеть далеко, – горько молвила Нефрет, – но он ушел, и остались люди, чьи глаза устремлены в землю, а сердца полны лишь земными заботами.

– Похоже, как и твое, племянница. Но Рои оставил вместо себя меня, недостойного; и мы еще слышим его. Разве не уверил он тебя, что, какие беды ни случились бы, ты и Хиан в конце концов соединитесь? Ты знаешь, благочестивый Рои не изрекал пустые предсказания!

– Да, но тот, для кого душа и тело значили одно и то же, полагал, быть может, при этом, что мы вместе сойдем в иной мир. Ах, отчего ты позволил царевичу вернуться в Танис, ко двору? Я не могла сказать, но хотела, чтобы он выждал благоприятный день вместе с нами среди пирамид. Тогда он смог бы, как и мы, укрыться в Вавилоне, и теперь, возможно, мы бы уже соединились в браке.

– Но могло случиться и другое, племянница. Если кто и знал веления Небес, так это Рои, а он полагал, что раз речь шла о чести царевича, тот, исполнив поручение, обязан был доложить обо всем отцу, Апеги, и получить дозволение исполнить собственную волю. Поэтому он отправился со своим посольством закончить свою миссию, и с тех пор дела пошли не столь уж скверно для тебя.

– А я полагаю, что все обернулось куда как худо, – стояла она на своем.

– Как понять тебя? Мы знаем, что царевич и Тему скрылись из Таниса и прибыли к пирамидам. Мы знаем также, что с помощью братьев нашей Общины, людей знатного рода, они вышли из своего убежища и благополучно покинули Египет. Правда, за ними началась погоня, произошла битва, и, возможно, все наши братья или некоторые из них погибли. Если так, мир их отважным душам. Но ничего определенного о смерти царевича или Тему неизвестно и, – добавил он внушительно, – никакой сон, никакой голос не дал мне знать, что их нет в живых.

– Как дал бы знать Рои, – прервала его Нефрет.

– Как, быть может, знал бы то Рои и как, будь он в живых, Рои сообщил бы мне, тому, кто теперь занят его делом. Племянница, оставь злые и неблагодарные речи. Разве все случилось не так, как желала ты? Разве царственный Дитана, мой отец, не собрал большое войско, чтобы посадить тебя на трон? Разве не внял он твоей тайной молитве и – откроюсь тебе – моей тоже, – не отказался от намерения соединить с тобой узами брака своего наследника Мир-бела и не отослал царевича подальше от Вавилона, откуда он, если б и захотел, не сможет досаждать тебе? Разве он – от тебя скрыли это – не поставил меня во главе войска, которое будет послушно твоей и моей воле? Он поверил, что, когда все свершится, я сложу с себя власть военачальника и из могущественного воина, царевича, вновь превращусь в жреца; а ведь, возникни у меня злой умысел, я мог бы возложить на свою голову царскую корону.

– Да, похоже, он сделал так; но к чему все это, если Хиан мертв? Тогда мне нужен не трон, а лишь могила. Нет, сначала я отомщу. Вот тебе мое слово: ни сам Апепи, ни кто из гиксосов не уйдет живым, а в городах их не останется камня на камне.

– Добрые же слова слышу я от сестры Общины Зари, от той, чье прозвище – Объединительница Страны, а не разрушительница! – воскликнул Тау, пожав плечами. – Дитя, ты не знаешь, что вся наша жизнь – испытание, и будем ли мы

вознаграждены или прокляты, зависит от того, как мы пройдем это испытание. Ты потеряла разум от страха за любимого, а потому я не сужу тебя слишком строго, но думаю, у тебя еще будет случай раскаяться в столь жестоких угрозах.

– Та прав. Я потеряла разум и оттого хочу заставить остальных пить из моей чаши страха и горя. Пришли ко мне Ру, дядя; хоть я и женщина, пусть он научит меня сражаться. И вели кузнецам выковать самые лучшие доспехи для меня.

Тау с улыбкой удалился. И все же он послал к племяннице Ру, а с ним и царских оружейников.

Если бы вскоре кто-нибудь заглянул через стены, окружающие один из царских садов, ему представилось бы удивительное зрелище: стройная девушка в серебряных доспехах билась с темнокожим великаном, который нередко вскрикивал от боли при ее ловких выпадах, а однажды, не стерпев, стукнул плашмя своим деревянным мечом по ее шлему, так что царевна рухнула наземь, головой вперед; правда, через мгновение она снова была на ногах, а великан в ужасе застыл перед нею. И тут воительница нанесла своему сопернику такой удар, что он тоже оказался поверженным. Переведя дыхание, он проговорил:

– Боги, помогите Апепи, если он окажется в когтях этого львенка!

Но Нефрет велела нубийцу молчать, потому что по всем законам битвы он считался мертвым.

В другое время она училась стрелять из лука, в чем до-

стигла большого искусства, или, утомленная стрельбой, принималась править колесницей, делая круг за кругом по одному из дворцовых садов; рядом с нею в роли седока всегда оказывалась какая-нибудь служанка, смелая дочь пустыни, ибо Ру был слишком грузен, а Кемма отказалась участвовать в подобных затеях, назвав Нефрет безумной.

– Ты сочла меня ею и тогда, няня, когда я принялась карабкаться по пирамидам, но видишь, это пошло мне на пользу, – возражала Неферт и неслась вперед столь стремительно, как едва ли делала это когда-нибудь иная женщина.

Прослышав о воинских затеях внучки, старый Дитана безмерно удивился и решил посмотреть на это из укромного места. Увидев все собственными глазами и выслушав рассказ о том, как царица восходила на пирамиды, старый царь послал за Тау. Увядшее лицо царя осветила лукавая улыбка.

– Полагаю, сын мой Абешу, – сказал он, – не тебе, некогда храброму воину, ставшему жрецом, стоило поручить войско, а внучке моей, бывшей прежде жрицей, ныне же сделавшейся воистину богиней войны.

– Нет, господин мой, – отвечал Тау, – если б ты доверил ей рать, ты никогда бы не увидел ее вновь. Всех воинов обуяла бы любовь к ней, и тогда ей покорился бы весь свет.

– Ты думаешь? А разве это худо? – отозвался Дитана и двинулся прочь, раздумывая над тем, что если богам стало угодно призвать царевича Хиана к себе и Мир-бела он снова призовет ко двору, то ему, Дитане, едва ли придется проли-

вать слезы. Ибо с такой красивейшей царственной женщиной во главе двора и Египта Вавилон, без сомнения, заполонит землю и небеса. И впрямь, может, еще не поздно! Но тут он вспомнил, что уже передал свое царское приказание, вздохнул и заковылял прочь.

Воинские упражнения сослужили Нефрет двойную службу: вернули здоровье, которое она стала терять, ведя праздную жизнь среди роскоши вавилонского дворца, и немного отвлекли от страхов, тревоживших ее душу. По ночам же они возвращались, а по правде говоря, никогда не покидали ее.

Нефрет постоянно докучала своими мольбами о помощи и Тау, и даже великому деду, царю, который в конце концов приказал обыскать все земли вдоль границ с Египтом. Отовсюду сообщали, что беглецов пропал и след. Лишь одна местность считалась недоступной из-за конной стражи Апепи, окружившей ее. И все же лазутчикам удалось проведать, что там среди холмов ютится лагерь, где расположился отряд вавилонских воинов; от них в последнее время не было никаких вестей; как то часто бывает в обширном государстве, об укреплении этом одни забыли, другие же сочли, что его захватили воинственные племена пустыни.

Узнав об этом, Тау испросил у царя разрешения послать туда сотню отборных всадников, кому надлежало рассеять ратников Апепи и обыскать все холмы; в помощь им Тау отрядил и лазутчиков. Нефрет он об этом не сказал ни слова, боясь поселить в ее душе ложные надежды.

Наконец огромное войско, собранное в лагерях за стенами Вавилона, на берегах Евфрата, приготовилось выступить: две тысячи пеших воинов и всадников, тысяча или более колесничих, несчетное число прислужников, множество верблюдов и ослов с грузом провианта, и все это не считая тех, кто уже собрался у источников воды по пути их движения.

Неферт также готовилась покинуть Вавилон. В пышных одеяниях, увенчанная короной Египта, она посетила усыпальницу царей и совершила жертвоприношения на могиле матери. Исполнив этот долг, она в большом дворцовом зале совета простилась и с великим царем Дитаной, который благословил ее, пожелал удачи и даже пролил немного слез, ибо не надеялся увидеть ее больше; печалился он и потому, что был уже слишком стар, чтобы вместе с сыном идти на эту войну. Попрощался он и с Тау, который был теперь в наряде военачальника и царевича вавилонского, словно никогда и не носил монашеское одеяние; царь отвел его в сторону и молвил печально:

– Странная судьба у нас с тобою, сын мой любимый. Когда-то были мы дороги друг другу, затем пришел раздор, больше по моей вине, ибо в те дни мое сердце ожесточилось; ты же избрал свой путь, сделался жрецом чистой, благородной веры, а твои права наследника отданы были другому. Теперь, не надолго, ты снова – царевич и под началом твоим огромная рать, но все-таки желаешь ты одного: сложить с

себя все титулы и, окончив дело, вновь удалиться в пустынную обитель и посвятить свою жизнь молитвам. А я, царь царей, отец твой, остаюсь здесь, ожидая смерти, которая не замедлит явиться за мною; и, право, не знаю, сын мой Абешу, кто из нас избрал лучшую судьбу, поступил добродетельнее в глазах бога. Да, много думаю я об этом теперь, когда все это великолепие и слава ускользают от меня, подобно теням.

– Существует некто великий, господин мой, – отвечал Тау, – кто наделяет каждого его долей забот, указывает его место, человек не выбирает судьбу, ему уже уготован круг добрых или злых дел. Таково, по крайней мере, учение моей веры; исповедуя ее, я не ищу ни трона, ни власти, но согласен все возводить на ее основании, так преданно, как только могу. Потому пусть мое учение пребудет с тобой, мой царственный отец.

– Да, сын мой, пусть будет так, как должно быть.

Затем они тепло простились и разошлись, чтоб уж более не встретиться, ибо когда войско возвратилось в Вавилон, на троне его восседал уже другой царь.

Итак, Вавилон объявил войну гиксосам, которые еще задолго до этого проведали, что на них вот-вот обрушится буря, и готовились встретить ее, собрав все силы.

Много дней огромное войско пересекало пустынные равнины; такое множество людей двигалось, разумеется, медленно, пока наконец не достигло пределов Египта. Вот тут и узнал Тау от своих лазутчиков, что Апепи, собрав могучую

силу, выстроил ряд крепостей по границе, намереваясь перед ними дать бой вавилонянам. Тау сообщил об этом Нефрет, когда она подъехала на колеснице, в своей сверкающей броне, подобная юной богине войны, окруженная телохранителями, возглавляемыми Ру.

– Это хорошо, – отвечала она спокойно. – Чем скорее начнется битва, тем скорее она кончится, тем скорее отомщу я гиксосам за кровь того, кого утратила.

Ибо, ничего не зная о Хиане, она теперь была почти уверена, что его уж нет в живых.

– Не стремись навстречу опасности, племянница, – печально отозвался Тау. – Разве мало бед, чтобы искать новых? Не сказал ли я, что верю: царевич Хиан жив?

– Тогда где же он? Почему ты, под чьим началом все могущество Вавилона, не можешь послать несколько тысяч человек, чтоб разыскать его?

– А может быть, я ищущу его, племянница, – мягко отвечал Тау.

В эту минуту один из рабов подбежал к нему:

– Письма от царя царей! – воскликнул он. – Письма из Вавилона! – И коснувшись свитком лба, он передал его Тау, который тут же принялся читать. Внутри первого свитка оказался еще один, слегка помятый, словно его прятали то ли в головном уборе, то ли в обуви.

Тау пробежал его взглядом и передал Нефрет.

– Это тебе, племянница, – сказал он тихо.

Схватив свиток, Нефрет углубилась в чтение. Письмо было коротко и гласило:

«О госпожа, некто, о чьем имени ты догадываешься, — пишет тебе, дабы сообщить, что он в добром здравии, если не считать раненой ноги, из-за чего он хромотает. Пишет он вновь, ибо знает, что враги, окружившие место, где он скрывается, могли перехватить прежние послания. Если тот, кто несет это письмо, достигнет благополучно Вавилона или какое-либо другое место, он расскажет тебе обо всем. Я не смею писать о большем.

Подписано знаком Братства Зари, начертанию коего ты сама выучила меня».

Кончив читать, Нефрет бросилась с колесницы в объятия Тау.

— Он жив! — прошептала она. — Или был жив. Где гонец?

В этот миг появился стражник, который сопровождал едва двигавшегося воина, одежды которого выдавали, что он проделал немалый путь.

— Этот человек умоляет, чтобы ты выслушал его, принц Абешу, и немедленно, — обратился начальник стражи.

Тау взглянул на воина и тут же узнал его. Это был тот, кого царь Вавилона послал на розыски пропавшего отряда.

— Говори, — приказал Тау, со страхом ожидая ответа.

— Царевич, — начал воин после приветствия, — мы пробивались к отряду, там все благополучно; они хорошо укрепились, и стрелки гиксосов не решаются нападать на них. Там

же и те, кого искали.

Нефрет, побледнев, прислонилась к колеснице, не в силах произнести ни слова.

– А как они? – спросил Тау.

– Жрец чувствует себя хорошо. Четверо братьев, что сопровождали их, были убиты на одном из перевалов. Они погибли достойно, защищая тех, кого им доверили. Господин, чье имя мы не произносим вслух, – он спасся, как и жрец, но ранен в левое колено. Он еще не может ходить, но, хотя теперь и появилась надежда, что ногу удастся спасти, на всю жизнь он останется хромым – колено у него не сгибается.

– Ты видел его? – спросил Тау.

– Да, царевич. Я и мой товарищ видели его. Прочие из нашего отряда, чтобы отвлечь гиксосов, сделали вид, будто отступают; мы двое сумели пробраться в лагерь, что разбит между холмами; есть два прохода туда – один с запада, другой с востока. Люди утомлены, и жрец, и его раненый спутник тоже; в остальном же все благополучно: еды у них хватает. Жрец и другой господин рассказали нам все: и про свой побег, и про гибель четверых проводников – это необычайная история.

– Расскажешь об этом позднее, – сказал Тау. – Похоже, вам удалось уйти незамеченными. Отчего вы не взяли с собой этих людей?

– Царевич, как сумели бы мы вдвоем снести вниз по горной тропе человека, который не в силах ходить, даже если б

жрец помогал нам? К тому же мы спустились бы на равнину, где полно врагов, и все на добрых конях; неизвестно, как бы все обернулось. Потому мы и решили: пока не пришлют подмогу, ему следует остаться, вряд ли там грозит ему опасность.

Воин еще долго рассказывал Тау, как он и его спутник соединились ночью со своим отрядом, проложили себе путь, сражаясь со всадниками Апепи; как узнали они от кочевников, бродивших по пустыне, что от войска великого царя, которое идет на Египет, их отделяет теперь всего каких-нибудь тридцать миль; как решили прорваться к своим, а не возвращаться с вестями в Вавилон.

– Ты поступил мудро, – сказал Тау. – Если б ты попытался взять с собой раненого господина, его, конечно, убили бы или взяли в плен.

Тау отправился отдать приказания, а когда час спустя вернулся, Нефрет все еще расспрашивала ратника.

– Послушай, друг, когда ты спал в последний раз? – поглядев на воина, спросил Тау.

– Четыре ночи назад, царевич, – отвечал воин.

– А как давно ты и твои люди ели?

– Сорок восемь часов назад, господин. И, верно, если б мы могли попросить чашку воды и ломоть хлеба – ведь путь был тяжелый, да и без сражения не обошлось...

– Вы все это получите, как только ее величество царица Нефрет соизволит отпустить вас.

Нефрет залилась краской смущения и отвернулась. Только когда воины ушли, она решилась спросить Тау о дальнейших его намерениях.

– Они таковы, племянница: послать вперед пять тысяч верховых – хотя, быть может, мы плохо распорядимся ими, – чтобы они разогнали врагов и доставили сюда человека, зовущегося писцом Расой: видишь, он лишь ранен, а не погиб, чего ты так страшилась. Дней за шесть он одолеет этот путь на колеснице либо в носилках; заберем мы и брата нашего Тему, и всех оставшихся людей – они присоединятся к нашему войску.

– Великолепно, – произнесла Нефрет, хлопая в ладоши. – Этих всадников возглавлю я, Кемма может последовать за мною.

– Нет, ты не сделаешь этого. Ты останешься здесь, с войском.

– Не сделаю? – как всегда в минуту гнева закусив губу, вскричала Нефрет. – Почему же?

– На то есть множество причин, и первая – это слишком опасно. Мы не знаем, какое войско держит Апепи между лагерем и местом, где мы находимся, но теперь, когда началась большая война, он пойдет на все, лишь бы схватить своего сына; да и госпоже Кемме такое путешествие не под силу.

– Если это небезопасно для меня, хотя я здорова, то для раненого Хиана опасность еще больше. Тогда пусть все войско направится туда.

– Невозможно, племянница. Войско это – вся наша надежда, и оно отдано в мои руки; нам следует двигаться вперед, дать сражение Апеги, а не блуждать по пустыне, чтоб в конце концов нас одолела жажда или какие-нибудь другие напасти.

– Невозможно? А я говорю: так должно быть, мой дядя! Я, царица Египта, желаю этого; это мое повеление.

Тау со свойственным ему спокойствием посмотрел на Нефрет и отвечал:

– Войско повинуется мне, а не тебе, племянница; надев этот наряд, ты, царица Египта, стала лишь одним из воинов среди тысяч других. – Тау коснулся ее сверкающих доспехов. – Поэтому я вознесу молитву, чтобы царица Египта подчинилась мне. А нет, – я должен буду помолиться, чтобы Нефрет, сестра Общины Зари, беспрекословно смирилась с повелением прорицателя Общины Зари, о чем она клятвенно обещала когда-то. Безопасность царицы Египта столь же важна, как и безопасность царевича Хиана. Но безопасность и победа великого войска царя царей значат еще больше.

Слыша это, Нефрет готова была яростно воспротивиться, ибо душа ее пылала в огне. Но в спокойных глазах Тау, в выражении его властного лица было нечто такое, что заставило ее промолчать. Некоторое время она выдерживала его взгляд, а затем, разразившись слезами, бросилась в свой шатер.

На рассвете следующего дня пять тысяч всадников, в рас-

поряжении которых было несколько колесниц, во главе с теми, кто принес известие о Хиане, отправились на его спасение.

Глава XXI. ИЗМЕННИК ИЛИ ГЕРОЙ?

Вавилонское войско продолжило свой путь и благополучно достигло границ Египта; возможно, никогда еще в страну на Ниле не вступала такая несметная рать. Тут воины разбили лагерь, защищенный спереди рекой; им следовало отдохнуть и подготовиться к сражению с Апепи, громадное войско которого стояло милях в трех, среди крепостей, выстроенных для битвы. Гиксосы теперь собственными глазами видели, сколь устрашающе войско царя царей, как хорошо оно слажено; его всадники, колесницы, верблюды, пешие воины и лучники, казалось, заполняли местность на много миль. Это было не скопище людей с востока, а прекрасно обученная, умеющая повиноваться сила, готовая к битве.

Устрашившись этого зрелища, военачальники обратились к Апепи и его совету.

– Пусть фараон выслушает нас! – сказали они. – На каждого нашего воина у вавилонян двое; их ведет царевич Абешу, великий военачальник, что был, по слухам, некогда жрецом и заклинателем. С ними царевна Нефрет, дочь Хеперра, спасшаяся некогда от рук фараона и обрученная с его сыном, который также ускользнул от него и, быть может, теперь заодно с вавилонянами. Невозможно, чтобы фараон сумел

противостоять такому войску; оно заполонит землю, подобно саранче, и пожрет нас, как зерно.

Апепи слушал, и гнев все больше овладевал им, так что он даже стал дергать себя за бороду. Потом резко повернулся к Анату, старому своему везиру:

– Слышал, что говорят эти трусы? Подай же мне совет, ты, одаренный хитростью шакала, что не раз избегал ловушки. Как быть?

Анат отошел в сторону и некоторое время совещался с приближенными. Возвратившись, он поклонился Апепи и промолвил:

– Жизнь! Кровь! Сила! О фараон, мудрость, какую боги ниспослали нам, заставляет нас – а также и предсказателей, что держали совет с духами, – умолять фараона не вступать в битву и, пока не поздно, примириться с Вавилоном.

– Вот как? – отозвался Апепи. – Что же могу я предложить царю Вавилона, который вознамерился захватить Египет и присоединить его к своему государству?

– Мы полагаем, царь, – продолжал Анат, – у Дитаны нет такого намерения. От тех, кто тебе тайно служит в Вавилоне, нам известно, что Дитана околдован прекрасной Нефрет. Когда чародеям из Общины Зари удалось, благодаря своему волшебству, бежать в Вавилон, они, как говорят, унесли с собою тело царицы Римы, вдовы Хеперра. Рассказывают, гроб ее открыли перед царем царей; внемя заклятию царицы Нефрет и главы чародеев Общины Зари, дух ее обратился

к Дитане, побуждая царя напасть на Египет или, в противном случае, нести на себе бремя проклятия усопших. Дух Рима предостерег царя, дабы тот не настаивал на браке Нефрет с внуком его и наследником Мир-белом, но отдал ее в жены сыну Твоего Величества, царевичу Хиану, с кем Нефрет обручилась, еще скрываясь среди пирамид; дух Рима повелел также отомстить за смерть Хеперра и за невзгоды, причиненные самой царице, сбросить Твое Величество с трона и возвести на престол царевну Нефрет и царевича Хиана. Более того, царственная Рима – или дух ее – предупредила царя царей Дитану не пренебрегать ее просьбой, ибо в противном случае он сам и страна его будут прокляты навечно; если же Дитана исполнит волю ее, то благо снизойдет на него и его страну. Веления покойной Рима и чары, которыми царевна Нефрет и другие волшебники Общины Зари опутали Дитану, побудили его послать войско против Твоего Величества, дабы исполнить волю ее.

– Что же мне делать, чтобы унять ярость вавилонян? – произнес Апеги, гневно глянув на везира.

– То, что требует царь царей: сочетать в браке царственную Нефрет и царевича Хиана, если он еще жив и его можно отыскать, и отдать им корону Верхнего и Нижнего Египта.

– Это и есть твой совет, везир?

– Кто я и все мы, чтоб осмелиться указать путь, на который следует ступить фараону? – проговорил Анат, робко склоняясь перед своим повелителем. – Если же царь

предпочтет иной путь, а военачальники его окажутся правы, возможно, вскоре появится новый фараон; но если царевич Хиан мертв, гиксосы будут выброшены из долины Нила в пустыню, откуда они пришли несколько веков назад; тогда царь царей – или царица Нефрет по его велению – станет править Египтом.

В тот же миг охваченный яростью Апепи вскочил с трона и обрушил свой скипетр на голову Аната; хлынула кровь, и везир упал на колени.

– Собака! – заорал Апепи. – Посмей еще раз сказать так, и ты умрешь смертью предателя под ударами розог. Давно подозревал я, что ты служишь Вавилону, а теперь и вовсе уверился в том. По-твоему, я должен оставить трон, покориться Дитане, а женщину, что выбрал в жены себе, отдать сыну, который предал меня? Но сначала я увижу, как огонь и меч разрушат Египет, и пусть я сам погибну вместе с ним. Прочь с глаз моих, презренные псы!

Анат не стал медлить более. Когда у порога он обернулся, чтоб, по обычаю, отдать почтительный поклон, взгляд его горел зловещим огнем, хотя Апепи ничего не заметил, ибо Аната скрывала тень.

– Ударить меня, – прошептал Анат, – прославленного военачальника, везира, растоптать в присутствии совета и слуг! Что ж, если у Апепи – скипетр, у меня – меч. Гряди же, Вавилон! А теперь – за дело. О Хиан, где ты?

Отпустив советников и полководцев, Аепи, царь Севера, оставшись один в палате выстроенной им крепости, принялся размышлять о случившемся. Демон ярости и гнева, что так чутко дремлет в груди тиранов, нередко овладевал им; однако при этом Аепи был прозорливым государем и недюжинным военачальником, унаследовав от предков эти качества, которые и помогли им завладеть Египтом. Он понимал, что Анат, старый везир, прав, сказав, что он, Аепи, не сумеет противостоять силе вавилонского войска, как никогда прежде обученного и готового к войне, которое двигалось под предводительством тех самых колдунов из Общины Зари, что ускользнули от него, предоставив своему старейшему жрецу наложить перед своей смертью проклятье на Аепи, нарушившего клятву и жаждавшего крови невинного. Однако за ту правду, что Анат высказал в глаза Аепи, царь при людях нанес ему оскорбление, словно тот был последним рабом, а этого старый военачальник, потомок древнего рода, в чьих жилах текла кровь истинного египтянина, никогда не забудет. Быть может, ударив по голове, лучше уж пронзить и сердце и разделаться с Анатом навсегда? Нет, это небезопасно; Анат имеет большую власть, и у него много преданных людей. Они могут восстать, особенно теперь, когда все свергнуты в эту ненавистную войну; они могут погубить его, Аепи, ибо считают, что он погубил сына, которого все любили. Надо послать за Анатом, высказать раскаяние в том, что он, царь, поддался гневу и сомнениям, обещать щедро

искупить свое прегрешение, наградить его и в этот благоприятный миг примириться с ним.

И все же, может ли он принять совет Аната – спасти жизнь, но лишит власти гиксосов, склонить голову под ярмо Вавилона? Он отдает свой трон Хиану – если тот жив, Хиану, похитившему у него красавицу, которой он мечтал завладеть; Хиану, который послал ее поднять вавилонские полчища против него, Апепи, его царя и отца. Или же – если Хиан мертв – эта самая Нефрет, царица Юга, – а по праву наследования и всего Египта, – займет престол, по милости царя Вавилона и, без сомнения, вступит в брак с наследником Вавилона. Что обретет он сам, если сдастся? Лишь одно – возможность жить незаметно где-то в глухом углу, терзая себя воспоминаниями о былой славе и видя, как египтяне и их великий союзник топчут племя гиксосов.

Такого допустить невозможно. Если уж суждено пасть, так в битве, как предпочли бы предки его. Но нельзя ли все же одолеть могучего врага? Не в сражении, конечно, – тут преимущество будет на другой стороне; вот если он вздумает отсидеться за стенами своих крепостей, враги окружат их и ринутся затем далее, чтоб захватить Египет. Лишь доблесть и искусство полководца могут принести победу. И он обладает этими качествами; он пошлет своих лучших всадников, двадцать тысяч или еще больше – тех, в ком течет древняя кровь воинственных гиксосов; они пройдут в обход по пустыне и сзади ударят по вавилонянам, когда те остановятся, чтобы

начать сражение, по их обычаю, при неверном свете утренней зари. Вот так неожиданным ударом можно проломить, разметать строй их войска, и тут он, Апепи, будет иметь перед собой не рать, а толпу. Что ж, если ничего другого никто не придумал, следует попытаться сделать так.

Пять тысяч всадников благополучно достигли сторожевого поста, куда их послал Тау, и предводитель их сообщил о своем поручении начальнику поста и гостю, о котором известно было, что это царевич Хиан, хотя имя его вслух не произносилось.

Хиан едва не лишился чувств при известии, что неподалеку находятся несметные рати вавилонян и среди них, живая и невредимая, его возлюбленная Нефрет. Об этом поведало послание, писанное ею собственноручно. Долгое уединение, в котором пребывал здесь Хиан, было печальным и нелегким, но теперь наконец мрак ожидания и страха рассеялся и впереди забрезжила заря радости.

Всадники и кони получили отдых, и следующим утром, забрав стражников, которые были куда как рады распрощаться с этими местами, все двинулись назад, чтобы соединиться с основным войском в заранее условленном месте у границ Египта. В середине отряда катилась колесница Хиана, ибо ехать верхом он еще не мог; за ним следовала повозка Тему, который поклялся – если сама судьба не принудит – никогда более не садиться на коня.

Они беспрепятственно углубились в пустыню, ибо дозорные Апепи, кружившие в этом месте, теперь куда-то исчезли. Воины спасенного гарнизона шли пешим строем, поэтому продвижение отряда казалось столь медленным, что Хиан, жаждавший поскорее соединиться с Нефрет, вознамерился немедля двинуться на колеснице, под охраной считанных верховых, в сторону вавилонского войска. Этому воспротивился военачальник, возглавлявший отряд; предвидя, что подобное намерение может возникнуть у человека, именовавшегося писцом Расой, Тау наказал ему держать царевича посреди своего войска. Все просьбы Хиана оказались тщетны. Глава отряда отвечал, что ему так приказали и он вынужден повиноваться.

На третий день от кочевников, бродивших по пустыне, стало известно, что отряд находится уже недалеко от вавилонского войска, которое стало лагерем у крепостей, возведенных Апепи. В эту ночь отряд не смог бы преодолеть расстояние, отделявшее его от своих; пешие воины выбились из сил, посему начальник оставил людей поесть и отдохнуть там, где нашлась вода, распорядившись выступить в полночь, при свете луны; если ничто им не помешает, отряд рано утром соединиться с остальным войском.

Так и поступили. В полночь лагерь свернули и при свете месяца двинулись дальше сквозь жаркий воздух пустыни. Часа через два Тему попросил, чтоб его подвезли к колеснице Хиана; хотя царевич хранил молчание, Тему, как всегда,

обратился к нему с пространной речью, ибо никто не подозревал, что с той стороны, где виднелась небольшая возвышенность, к ним тихонько приближались два отряда: один в пять, другой – в двадцать тысяч всадников, которым Аппи велел при первых проблесках рассвета напасть сбоку на лагерь огромного войска. И как можно было догадаться о том, если впереди скакал сторожевой отряд, чтобы подать знак при первой опасности? Откуда остальным воинам было знать, что сторожевой отряд окружили, схватили, возможно, перебили, когда, как казалось, отряд уже въезжал в один из флангов вавилонского войска? Так гиксосы получили предупреждение о том, что приближается враг.

– Брат мой, – вещал Тему, – прежде ты в нетерпении все жаловался на рану (а она когда-нибудь заживет, хотя ногой, вероятно, ты сможешь пока что владеть не вполне, а то и вообще останешься хромым); так вот, ты сетовал еще, что тебя силой удерживают на этих холмах. Вместо того чтобы возблагодарить богов, ибо с помощью не стесняющихся в словах, но храбрых братьев наших, бедуинов, носивших столь причудливые имена, ты благополучно туда добрался; как старейшина нашего Братства, я нередко упрекаю тебя в слабости, побуждая верить подобно мне. Теперь конец всем страданиям, и ты видишь сам, вера, как всегда, торжествует. Через час или два мы присоединимся к могучему вавилонскому войску и выразим почтение Тау, пророку Братства Зари. Все наши беды кончились – или, скорее, твои беды, ибо

я, крепкий в вере, никогда не сомневался, что все горести пройдут бесследно...

В тот же миг бесследно исчез сам Тему, ибо копье или стрела пронзило сердце его возницы; тот замертво рухнул на крупы коней, которые, врезавшись в ряды воинов, бешеным галопом помчались по пустыне; Тему, отброшенный к ограждению, мертвой хваткой вцепился в вожжи. То была та самая пара добрых коней, что прежде вынесла путников на переправе и доставила в укрепленный лагерь. Упряжка помчалась вверх по склону и очутилась скоро посреди войска гиксосов; их было тут немного, и в этот тусклый рассветный час они едва заметили коней, как те уже скрылись из виду. Кони скакали, почуяв впереди других коней; а может, они почуяли воду. Тему, прижатый к днищу колесницы, тщетно дергал поводья. Наконец он бросил их.

– Да не покинет меня вера! – пробормотал он. – Эти проклятые твари окажутся там, куда приведет их судьба. Ратников же я больше не вижу.

Но вскоре он увидел великое множество их; лошади, не слушая окриков караульных, мчались теперь по главному проходу вавилонского лагеря. Наконец одна из них запуталась в веревках, тянущихся от какого-то шатра, и рухнула, увлекая за собой повозку. Тему покатился по земле и очутился около некоего военачальника, отдававшего приказания подчиненным.

– Кто это? – невозмутимо спросил тот. – И как оказалась

здесь повозка? Уберите ее.

Тут Тему, узнав голос, сел и произнес:

– О благочестивый пророк, ибо, как я понимаю, им ты стал, заменив усопшего Рои; о премудрый отец Тау, если пророк и глава Общины Зари может – что против ее правил – облачиться в доспехи, я – Тему, жрец Братства; если помнишь, я был послан тобой по некоему делу ко двору Апеппи; с того дня я испытал много страданий.

– Я узнаю тебя, брат, – отозвался Тау. – Но откуда явился ты и почему?

– Не знаю, пророк. В тот миг я говорил с тем, кого называли писцом Расой, хотя, думаю, у него другое имя; много невзгод претерпели мы с ним; вдруг мой возница, пронзенный в грудь стрелой, падает, а взбесившиеся кони несут меня невесть куда. Заметил я только, как мы проскакали сквозь войско гиксосов; свет луны падал на доспехи и на стяги Апеппи, а их-то я хорошо знаю. Потом эти самые кони, что готовы были, кажется, взлететь в небо, притащили меня сюда. Вот и все.

– Писец Раса! – произнес женский голос; то была Нефрет, которая вышла в сопровождении Ру из своего шатра, желая узнать, что случилось. – Где ты оставил писца Расу, жрец?

– Нет времени спрашивать его, племянница, – вмешался Тау. – Разве ты не понимаешь, что воины, посланные несколько дней тому назад на спасение других, сами попали в беду; лишь случайно брат наш не погиб и принес эту весть.

Может быть, – осенило его вдруг, – войско Апепи вышло уже из засады, чтобы напасть на нас с юга, сейчас, на восходе.

И Тау принялся отдавать приказания. Затрубили трубы; военачальники, едва проснувшись, бросились к своим отрядам, весь лагерь мгновенно ожил, готовясь к походу.

Тем временем неподалеку шла отчаянная битва. Двадцать пять тысяч гиксосов, которые готовились к нападению, а теперь решили, что сами ему подверглись, кинулись на пяти-тысячный вавилонский отряд, расстроивший их ряды. Вавилоняне собрали все силы, чтоб пробить путь среди войска гиксосов, – им это удалось: потеряв, правда, многих людей, они с трудом прорвались вперед. В тусклом свете луны отряды врагов устремились на них, но были отброшены.

Битва шла в предрассветных сумерках, когда трудно отличить, где свой, где враг. Но едва начало светать, предводитель вавилонского отряда обнаружил, что путь вперед перерезан. Дороги назад тоже не было: конница гиксосов окружила их. Поэтому всех способных еще биться – тысячи две или больше, пусть среди них было множество раненых – он построил в каре и приказал во славу Вавилона сражаться насмерть.

Теперь гиксосы увидели, с каким малочисленным отрядом бьются, а они-то полагали, что в темноте наткнулись на какой-то край расположения вавилонского войска. Они сделали что-то не то, как теперь оправдаться перед Апепи? Во время битвы они захватили пленных, среди которых были и

раненые. Людей этих допросили. Под пыткой, в смертельном страхе, некоторые из них открыли, что они – всего лишь малочисленное войско, посланное освободить сторожевой отряд; что они и двигались теперь назад, к основному войску.

– А что это за человек, вон тот, в колеснице, окруженный всадниками? – спросил их начальник гиксосов.

Пленные отвечали, будто не знают его; тогда он распорядился высечь их и повторил вопрос. Тут и обнаружилось, что в колеснице не кто иной, как царевич Хиан, которого этому самому военачальнику и было велено изловить, когда царевич скрылся из Египта; пленные называли его писцом Расой, но гиксос-то знал, что Раса и Хиан – один и тот же человек.

Тут предводитель отряда гиксосов увидел, что уже рассвело. Он не исполнил приказания Апепи, теперь это было ясно. Вместо того чтобы напасть в предрассветной мгле на вавилонское войско, сея в нем ужас и смятение, он бьется всего лишь с одним отрядом, победа над которым ничего не даст Апепи. Но теперь-то он знает, что среди противников его оказался тот, за кем их послал царь, и он значит для царя едва ли не больше, чем даже победа над вавилонянами. Решение принято было в тот же миг: нападать на войско великого царя поздно; следует перебить вот этих верховых и захватить – лучше живым, а нет – так и мертвым – царевича Хиана; пусть он станет жертвой, что умерит гнев повелителя.

Он немедленно отдал приказ к наступлению. Обе стороны были на конях, луков поэтому не оказалось ни у кого, а

копий – мало. В дело пошли мечи. Спешившиеся вавилоняне образовали каре; в центр его, под присмотр раненых, поставили лошадей, а затем, по приказу военачальников, всем, что годилось – руками, камнями, кухонной утварью, – начали нагребать песок, образуя вал; гребли песок сразу две тысячи человек, спасая свою жизнь, песок был мягкий и сыпучий, и вал этот поднялся точно по волшебству. Гиксосы полезли на него отовсюду. Но каре вавилонян было небольшое; разбившись по трое, вавилонские воины выстроились друг за другом. Разом на это маленькое укрепление могли напасть лишь немногие из полчища всадников Апепи; вавилоняне кололи их мечами, исторгая предсмертные вопли и обращая вспять.

Вскоре полководец гиксосов понял, что до победы еще далеко, а это расстраивало все его намерения. Сторожевые отряды огромной вавилонской армии могли вот-вот обнаружить, что происходит совсем неподалеку, а тогда подойдет сильная подмога. К тому же царевич Хиан мог погибнуть в сражении, лучше привезти его к Апепи живым. Наконец, даже если наступление вавилонян и не последует сейчас же, все равно гиксосы вскоре будут отрезаны от своих и отброшены в пустыню, где им грозит гибель от голода и жажды. Поэтому, распорядившись прекратить нападение, гиксосский военачальник послал своих людей предложить перемирие; им надлежало передать осажденным следующие слова: «Вы обречены, силой мы превосходим вас: на каждого вашего рат-

ника у нас десять. Сложите оружие, и я именем царя Апеги клянусь сохранить вам жизнь. Иначе я перебью вас всех».

Начальник вавилонян выслушал гиксосов, но, будучи предусмотрительным человеком, воздержался от немедленного ответа, надеясь, что вести о его беде дойдут до основного войска через гонцов, которых он выслал, либо еще каким-нибудь образом. Стремясь выиграть время, он велел передать, что будет держать совет со своими и лишь затем даст знать, к чему они придут. Он двинулся в середину каре и, приблизившись к Хиану, поведал ему о случившемся.

– Что делать? – проговорил он. – Если мы продолжим бой, они вскоре сомнут нас. Сдаться, тем самым уронив честь Вавилона, мы не можем; тут уж скорее я сам заколюсь собственным мечом.

– Похоже, ты ответил себе, – сказал Хиан, – но вот что задумал я, послушай: предложите гиксосам взять меня одного – вы ведь знаете, кто я; меня-то они и разыскивают. Думаю, тогда они отпустят всех вас с миром.

Несмотря на отчаянное положение, глава отряда лишь рассмеялся в ответ.

– А подумал ты, царевич, – если уж ты открылся мне, буду величать тебя, как подобает, – подумал ты, что ждет меня при встрече с царевичем Абешу или, как его называют, господином Тау, полководцем войска великого царя, да и с одной особой, которая находится там же, – если я принесу им такую весть? – спросил он. – Я предпочту достойную смерть

в бою, царевич, и не покрою себя позором пред всем вавилонским войском. Нет, мой замысел иной. Я потребую, чтобы свое обещание сохранить нам жизнь они написали; а тем временем все должны незаметно подобраться к лошадям, захватив, кого можно, из раненых и предоставив милости судьбы остальных. Потом мы неожиданно ринемся на гиксосов – не как они, а при свете дня – и прорвем их строй или погибнем.

– Пусть так, – промолвил Хиан, хотя на уме у него было совсем другое, что он теперь не решался высказать. Он понимал: битва, где сражаться станут измученные воины на загнанных конях, проиграна, и все вавилоняне – всадники и пешие – погибнут, а вместе с ними и те, кто укрыл его в горах, раненых же безжалостно предадут мучительной смерти прямо на месте. Хиан был уверен, что полководцу гиксосов нужен он, царевич, а не этот отряд, – смерть или бегство не столь многочисленных воинов не окажут никакого влияния на исход войны – и если он захватит такую крупную добычу, то повернет назад, в Египет. Все теперь зависело от него, Хиана, от того, принесет он себя в жертву или нет. Он содрогнулся – ведь это значило смерть, возможно, смерть мучительную: Апепи его не пощадит. И что еще страшнее – после всех страданий, через которые он прошел, не увидеть ему никогда больше прекрасного лица Нефрет при свете солнца! Надо было делать выбор, и немедленно.

Ища исхода своих страданий, Хиан опустил глаза и всем

сердцем взмолился тому духу, которого научился почитать. И прозренье пришло. Среди топота и ржанья лошадей, стонов раненых, криков воинов, готовившихся к отчаянному удару, он услышал спокойный, ясно запомнившийся ему голос Рои.

– Сын мой, – молвил пророк, – следуй своему долгу, даже если он ведет дорогой жертвы, а в остальном доверься богу.

Сомнения покинули Хиана. В это время возникий его сошел с колесницы, чтоб напоить лошадей, последний раз задать им корма; он стоял поодаль, глядя на животных. Хиан был в колеснице один. Он схватил поводья, хлестнул кнутом лошадей, и они понеслись прочь. Через мгновение легкая боевая колесница оказалась у нижней кромки песчаной насыпи; шагах в пятидесяти отсюда и примерно в таком же удалении от передовых всадников Апепи, вавилонский военачальник переговаривался с полководцем гиксосов, которого Хиан хорошо знал со времен Сирийских войн. Никто из них не заметил приближавшегося Хиана, не услышал шуршания колес, катившихся по сыпучему песку.

Военачальник царя Апепи громко воскликнул в гневе:

– Слушай мое последнее слово! Выдайте царевича Хиана, – я знаю, он с вами, – и тогда вы свободны. Если нет, я перебью вас всех до единого и живым или мертвым доставлю Хиана к отцу его, царю Апепи. Отвечай. Я кончил.

– Я отвечу, – проговорил Хиан, сидя в колеснице, а оба военачальника в изумлении обернулись. – Я – царевич Хиан,

и ты, друг, хорошо знаешь меня, – обратился он к полководцу. – Ты известен мне, как человек благородный. Прошу тебя, отпустите этих вавилонян невредимыми и раненых тоже отпустите, я же за то сдаюсь вам. Клянешься ли в том, что исполнишь это условие?

– Клянусь, – отвечал полководец, жестом приветствуя его. – Но вспомни, царевич, Апепи очень гневается на Твое Высочество, – размеренно проговорил он, словно предупреждая Хиана.

– Я помню о том, – отвечал Хиан и, обернувшись к предводителю вавилонян, недвижно стоявшему в течение всего этого разговора, продолжал: – Передай господину Тау и владычице Египта: я отправился туда, куда зовет меня долг, и если свыше предписано нам не свидетелься более, верю, они не станут дурно думать обо мне, ибо то, что кажется заблуждением, зачастую есть истина, и порой во имя благополучного исхода совершают злые дела. В остальном же пусть они судят обо мне, как им будет угодно, я же следую своему разумению.

– Господин! – воскликнул, словно очнувшись, вавилонянин. – Не уходишь ли ты от нас к гиксосам?

– Разве сам я не гиксос? – загадочно улыбнувшись, спросил Хиан. – Прощай, друг. Пусть судьба будет добра к тебе и твоим сотоварищам, и да не прольется из-за меня ни капли их крови.

Он крикнул на лошадей, они двинулись, а вавилонянин

все еще стоял, сжимая кулаки и произнося имена своих богов.

– Не понимаю Твое Высочество, – произнес гиксос, направляясь рядом с колесницей к своим всадникам, – да это и не удивительно: ты всегда не походил на других людей; одно занимает меня: кем сочтут тебя вавилоняне – изменником или героем? Меж тем, зная твою честность, прошу: обещай не пытаться бежать, даже если представится возможность; иначе я вынужден буду убить тебя.

– Обещаю, друг мой. С этого часа мной, как и Тему, движет вера; только вот куда привела его сегодня вера, не знаю, хотя и был последним, кто видел, как он исчез среди вражеского войска.

– Безумец! – прошептал полководец. – Но даже если он и утратил разум, слово свое он сдержит, а это сохранит мне голову.

Глава XXII. ХИАН ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ТАНИС

Гиксосы стремительно поскакали назад, к крепостям царя Апепи по ту сторону границы Египта, предоставив своим раненым, если есть на то силы, следовать за ними или погибнуть; в середине отряда, окруженный стражей, ехал в колеснице Хиан. Полководец гиксосов знал, что нельзя терять ни мгновенья; вскоре вавилоняне, которым он сохранил жизнь, достигнут лагеря великого царя, и тогда... Не ведал он только того, что в лагерь вавилонян двумя часами ранее уже прибыл Тему и полчище всадников уже неслось наперерез им.

Вдалеке среди пустыни появилась туча пыли. Она все приближалась, и вот сквозь пыльную завесу уже заблестели шлемы и копья, засверкали медью колесницы. Гиксосы поняли: произошло самое ужасное. Путь им отрезан, Вавилон наступает! Отход стал невозможен. Они оказались в таком же положении, как те пять тысяч вавилонян, которых они застали врасплох менее чем двенадцать часов тому назад; им предстояло сражаться, как это сделали те, но почти без всякой надежды на победу.

Гиксосы сгрудились плотнее, выстроив отряды клином (достаточно искусно, как отметил про себя Хиан), и понеслись вперед, отклоняясь слегка вправо, чтобы ударить туда,

где вавилонян было поменьше. Два войска сблизились – тысяча двадцать гиксосов против пятидесяти тысяч противников, которые скакали, сблизив отряды, разделенные рядами колесниц. Победные возгласы раздались среди вавилонян, гиксосы же обреченно молчали.

Полководец гиксосов подъехал к колеснице Хиана.

– Царевич! – воскликнул он, скача рядом. – Боги против меня, и, думаю, наш конец близок. Но ты, надеюсь, помнишь клятву, поверив которой я пощадил твоих сотоварищей, – ты не попытаешься бежать. Если тебя схватят, значит, так предопределено; если же нет, то мчись к границе, она рядом, и сдайся Апеги или его отрядам. Я верю тебе. Неужели же я ошибусь?

– Еще никто не подвергал сомнению мою честность, – отозвался Хиан.

Полководец взмахнул мечом, приветствуя его, и, пришпорив коня, исчез из виду. Точно гром разнесся над полчищами всадников, когда они сшиблись в битве. Глубоко врезался клин гиксосов в ряды вавилонян, разбрасывая в стороны их воинов и коней, подобно кораблю, который рассекает волны, влекомый сильным шквалом. Но мало-помалу отряды Апеги стали терять напор, в то время как все больше вавилонян теснило их с обеих сторон. Клин гиксосов, пройдя первые ряды, столкнулся со свежими силами, прикрывавшими быстрые колесницы, цепь которых должна была вырваться вперед и отрезать вклинившиеся войска.

Битва приближалась к ужасному концу. Воины, сражавшиеся впереди Хиана, полегли, растоптанные тела их валялись вокруг, царевич вдруг заметил, что повозка его откатилась на передний план. На некотором расстоянии от себя Хиан увидел множество гиксосов, — частью пеших, — которые дрались с горсткой вавилонян, окруживших вырвавшуюся вперед великолепную колесницу; раненые кони ее бились в судорогах на земле. На колеснице возвышался воин в панцире, выкованном, похоже, из серебра и золота, с мечом в руке: этот красивый юноша, подумал Хиан, по-видимому, отпрыск царского дома Вавилона, посланный взглянуть, что такое война; у колесницы, на которую пытались напасть шесть или восемь гиксосов, стоял темноликий великан в бронзовых доспехах, скрежетавших всякий раз, когда он скидывал огромный боевой топор, стараясь поразить тех, до кого мог дотянуться. Хиан сразу понял, что перед ним сам могучий эфиоп Ру. И тут исстрадавшимся сердцем своим он почувствовал, что воин в колеснице — не молодой благородный вавилонянин, а Неферт, нареченная его!

Но, боги, она была окружена! Верховые спешили ей на помощь, но и ближайший из них был еще на расстоянии полета стрелы — в яростном исступлении Нефрет опередила всех. Ру крушил врагов изо всех сил, но не мог поспеть всюду, и когда его оттеснили от колесницы, на которую стремились влезть гиксосы, пятеро или шестеро их подскочили сбоку, пытаясь убить или схватить ту, что стояла в ней. Все, казалось, знали,

какая добыча ожидает их, и готовы были рисковать жизнью, лишь бы захватить ее; приблизившись, Хиан понял, почему гиксосы впали в такой раж: теперь он и сам увидел на серебряном шлеме венец со змеиной головой, – царский урей со сверкающими глазами, возвещавший, что перед ними царица Египта. Толпившиеся кругом гиксосы видели, как Ру с воинственными криками рубил одного врага за другим; они ждали мгновения, когда можно будет ринуться к добыче.

Хиан размышлял лишь мгновение.

«Я поклялся не бежать, но я волен биться, если то уготовили мне боги», сказал он себе и, рванув поводья, повернул коней прямо на скопище гиксосов. Когда Хиан был уже рядом, один из них метнулся к Нефрет. Она взмахнула мечом, но удар пришелся на крепкий шлем воина.

Высокий, длиннорукий гиксос обхватил Нефрет за талию и сильно рванул на себя. Остальные, когда царица упала, старались улучшить мгновенье, чтобы схватить ее, унести, если возможно, или убить, когда бы то не удалось. Все были так поглощены происходящим, что ни один не заметил, как запряженная белыми лошадьми боевая колесница молниеносно обрушилась на них, оттуда, где, как они считали, врагов не было. Хиан гикнул, и послушные выучке кони, не сворачивая ни влево, ни вправо, ринулись на гиксосов. Кони крушили людей, валившихся под копыта и колеса повозки. На ногах остался лишь тот, кто сдернул Нефрет с колесницы. Хиан держал наготове копьё. Он с силой всадил его во врага,

промчавшись мимо, затем еще раз, и тот, не отпуская Нефрет, рухнул замертво на землю.

Теперь и Ру увидел, что произошло, и метнулся к своей госпоже. Высвободившись их рук поверженного гиксоса, Неферт обратила взгляд на своего избавителя и узнала его.

– Хиан! – воскликнула царица. – Хиан, скорее ко мне!

Ру тоже узнал его и крикнул:

– Постой, господин Раса!

Но Хиан лишь покачал головой и ускакал прочь.

Вскоре, подобно реке, заполнившей высохшее русло, войско вавилонян затопило все вокруг. Но Хиан был уже далеко.

Битва стихла. Из двадцатитысячного войска гиксосов осталось в живых всего лишь несколько сотен ратников, остальные полегли на поле брани, или же их настигли вавилоняне, которые гнали врага до самой границы. Среди тех, кто живым добрался до войска Апепи, был царевич Хиан; то ли бог охранял его в гуще битвы, то ли спасли кони, что везли колесницу. Увидев знамена Апепи, Хиан остановил взмыленных коней и громко крикнул:

– Я царевич Хиан! Подойдите ко мне, – я ранен и не могу двигаться.

Военачальники и воины приветствовали его – они решили, что царевич Хиан, с которым они вместе воевали против Сирии, бежал от вавилонян и будет теперь сражаться на стороне своего народа. Бережно сняв Хиана с колесницы, они накормили его всем самым лучшим из того, что у них бы-

ло, дали выпить вина, а затем уложили на носилки и понесли к царскому лагерю, окруженному недавно построенными фортами. Над ними реяли стяги, но когда они подошли ближе, то увидели, что ворота стоят раскрытыми, а в лагере царит смятение. Глашатаи объявили, что фараон отправился в Танис и отрядам своим приказал следовать за ним, дабы пополнить их свежими силами и приготовиться к защите великого города и всего Египта.

Услышав такое повеление, военачальники начали роптать. Но Хиан, поглядев вдаль, понял, отчего Апепи отдал такой приказ. Там, вдали, песок стал черным – по нему двигалось несметное воинство вавилонское. Пешим ходом, на конях и в колесницах, наступала на врага могучая рать, точно хлынул неудержимый поток. Оттого и бежал в Танис Апепи, бросив на произвол судьбы свое войско.

Поняв наконец, что происходит, полководцы пришли к Хиану и стали просить его принять на себя командование гиксосской армией, ибо положение его и военные заслуги давали ему на это право. Но он лишь улыбнулся, ни словом не ответив на это их предложение, и они решили, что отказывается он потому, что болен и не может держаться на ногах. Они снова принялись уговаривать его, но тут подошел тот полководец, которому Хиан дал клятву; как и сам Хиан, он избегнул страшной участи всадников Апепи. Полководец отозвал военачальников в сторону и рассказал им, как вместе с другими вавилонянами он захватил в плен царевича и

про все остальное. Тогда гиксосские военачальники отступились от Хиана, хотя, изложи он события так, как понимал их сам, они, скорее всего, прислушались бы к нему. Или же, вызовись он пойти к вавилонянам просить египетскую царицу или предводителя войска вавилонского царевича Абешу пощадить гиксосов, они, наверно, отнеслись бы к его предложению со вниманием. Однако он не сказал ни того, ни другого, в колесницу его впрягли свежих лошадей и, усадив его, повезли в Танис.

Так случилось, что, когда вавилоняне подступили к лагерю гиксосов, готовые вступить с ними в битву, они не нашли там никого, кроме больных и раненых. Тау отдал команду пощадить несчастных и оказать им помощь; от них стало известно о бегстве Апепи, а также о том, что царевич Хиан благополучно добрался до лагеря, был встречен с почетом и теперь будто бы командует отступающим войском, в погоню за которым и устремилась немедля вавилонская рать. На первом привале Тау вместе с главными военачальниками явились к Нефрет; тут же присутствовали Ру, жрец Тему и госпожа Кемма. Нефрет и Ру рассказали, по просьбе Тау, как в разгаре битвы они столкнулись с Хианом, который помчался на своей колеснице на тех, кто напал на Нефрет, как пронзил копьем гиксосу, стянувшего ее с колесницы, а затем, хотя они просили его остаться с ними, покачал головой и умчался прочь, даже не попытавшись остановить лошадей – сделай он это, он избавился бы от гиксосов, если был захвачен ими

в плен.

Услышав эту странную историю, Тау попросил присутствующих истолковать ее. Вавилонские военачальники все, как один, заявили, что либо царевич впал в безумие, либо он предатель. Иначе, сказали они, он воспользовался бы случаем и избавился от гиксосов; бежал, продолжали они; может, случилось и такое: заговорила в нем гиксосская кровь и, последовав зову сердца, он вернулся к своему отцу. Кемма, которая высказалась следующей, полагала, что он и вправду потерял рассудок; мыслимо ли, рассуждала она, чтобы мужчина в здравом рассудке умчался прочь от прекраснейшей из женщин, с которой он обручен и которая к тому же царица Египта? Но тут в голову ей пришла другая мысль, и она добавила: разве что за время разлуки он встретил девушку еще краше. Нефрет гневно оборвала ее.

Затем обратились к брату Тему, кто еще недавно делил с царевичем все тяготы и опасности. Пробормотав: «Да не покинет нас вера!», Тему сказал, что тут ему легко сохранить веру, ибо ни один человек, отведавший подземелья в Танисе, а также темени и духоты погребальной камеры, уж конечно, никогда не захочет вернуться в те места. Он начал было красочно описывать их злоключения и муки, какие он претерпел верхом на лошади, но Тау прервал его и отправил на место.

Настала очередь Нефрет сказать свое слово. В гневе обратилась она к вавилонским военачальникам.

– Слышали вы когда-нибудь, чтобы предатель начал свое черное дело с убийства тех, кому продался? – спросила она. – И трудно ли понять, что, захоти царевич Хиан избавиться от меня, дабы со временем завладеть египетским престолом, ему нужно было лишь проехать мимо и предоставить гиксосским собакам убить меня, что они, без сомнения, и сделали бы, поскольку Ру, как раз когда был нужен более всего, оказался неведомо где. Однако же царевич Хиан четверых убийц задавил своей колесницей и пронзил копьем пятого. И вот зачем – одни боги знают почему, – хоть я и не сомневаюсь, что из иных побуждений, чем предположила госпожа Кемма, – холодно бросила Нефрет, – он уносится прочь, да с такой скоростью, что мы не могли остановить его, – уносится, как сказал жрец Тему, чтобы снова оказаться в каменном подземелье, а может быть, и навстречу еще более ужасной участи.

Выслушав Нефрет, Тау заключил:

– Все, кто знает царевича Хиана, наверное, поняли, что есть в его характере такие черты, каких не встретишь в других людях; может быть, в этом его отличии и кроется правда. Мне кажется, я понял, почему он поступил так, однако, пока не уверюсь, справедлива ли моя догадка, не сообщу ее вам, – достаточно уже высказано догадок. Пока что призываю вас внимать призыву нашего брата Тему: веруйте, только вера спасет нас! Ибо что, как не вера, спасла от гибели Ее Величество царицу Египта, когда она, не подчинившись приказани-

ям тех, кто поставлен над ней, выехала на колеснице вперед; и не вера ли явила себя в том, кто спас ее от смерти?

С этими словами он поднялся и удалился из-под навеса, оставив Нефрет в немалом смущении.

Те, кто уцелел из войска гиксосов, что стояло на границе, в конце концов дошли до Таниса, где приготовилось к обороне оставшееся войско Апеги. Но уцелели немногие, вавилоняне стремительно настигали врагов и тысячами захватывали в плен. К тому же, какими-то путями до гиксосов дошло, что никто из сдавшихся не будет предан смерти или продан в рабство; все, что от них потребуется, это присягнуть на верность Нефрет, признав ее царицей Египта, и перейти служить под ее знамена; тысячи гиксосов, выбившись из сил, отстали в пути, разбрелись по сторонам и были захвачены сторожевыми отрядами вавилонян.

Среди тех, кто проявил верность и в конце концов вступил в ворота Мемфиса, были царевич Хиан и полководец, кому сдался Хиан и с кем теперь его связывали узы дружбы. Их отвели во дворец и, к удивлению Хиана, поместили в те самые покои, которые когда-то занимал он, царевич и престолонаследник Нижнего Египта. Там ожидали его слуги – прежние слуги, к нему явились лекари, чтобы лечить колелно, сильно воспалившееся и распухшее в пути, который был столь долог и труден. Приметил Хиан и доносчиков и стражей и понял, что за ним установлена зоркая слежка: согляда-

таи будут ловить каждое его слово, примечать каждый жест, и любая попытка побега будет пресечена. Значит, он теперь такой же узник, как когда-то в подземелье, откуда они с Тему совершили побег.

Явившись во дворец на заре, измученный долгим путем Хиан, совершив омовение и насытившись, проспал на своем прежнем ложе до третьего часа пополудни. Но вот появились начальник стражи и воины с носилками, чтобы отнести Хиана в зал, где ждал его Апепи. Процессию возглавлял сильно похудевший и поседевший везир Анат, который то и дело бросал настороженные взгляды по сторонам, точно опасался, что где-то прячется убийца; вплотную за ним следовал один из дворцовых писцов, неприятного вида человек, которого Хиан давно уже считал доносчиком.

Анат отвесил тщательно отмеренный поклон – не то чтобы небрежный, но и не слишком почтительный.

– Приветствуем тебя, царевич, с возвращением домой после столь долгих странствий и невзгод, – сказал он. – Царь призывает тебя пред очи свои. Прошу тебя следовать за нами.

Хиана усадили на носилки, которые понесли восемь воинов; по одну сторону носилок шел Анат; шествие замыкал начальник стражи. На одном из поворотов галереи носилки наклонились, и Анат ухватился за них руками, желая то ли выровнять, то ли отстранить от себя, чтобы они не прижали его к стене; доносчик же в эту минуту оказался еще за углом,

так что не мог ни видеть происходящего, ни слышать разговора. Анат поспешно шепнул на ухо Хиану:

– Опасность велика. И все же сохраняй спокойствие и мужество, – у тебя есть верные друзья, готовые отдать за тебя жизнь, и я первый из них.

Тут из-за угла появился доносчик. Анат выпрямился и смолк.

Процессия вступила в зал, где в низком кресле, в кольчуге и с мечом в руке, сидел Аепи. Носилки опустили на пол, стражники помогли Хиану сесть в кресло, стоявшее напротив царского.

– Я вижу, ты ранен, сын, – ледяным голосом произнес Аепи. – Кто поразил тебя?

– Один из воинов Твоего Величества: он догнал меня и пронзил копьем, когда я бежал из Египта.

– Слышал я эту историю. Но почему ты бежал из Египта?

– Чтобы спастись и найти ту, что ждет меня, Твое Величество.

– А-а, и это припоминаю. Первое тебе удалось, хоть и не до конца, да и ущерб ты понес немалый; второе же не удалось и не удастся никогда, – с расстановкой проговорил Аепи. Затем он обратил взгляд на полководца, пленившего Хиана.

– Это ты – начальник, кого я послал во главе двадцатипяти тысячной конницы, чтобы напасть на вавилонян с фланга? – спросил он. – Если так, ответь мне, почему ты не выполнил моего повеления?

Коротко, как и положено воину, полководец рассказал, как ночью им повстречался конный отряд вавилонян, и они вступили в сражение и как царевич Хиан добровольно сдался в плен, чтобы сохранить жизнь тем, кто еще остался в живых; как затем столкнулись они лицом к лицу с несметным войском вавилонским, ехавшим верхом и на колесницах, и в страшном сражении погибли почти все гиксосские воины, как царевич Хиан, хоть и мог спастись, сдержал клятву, и вот теперь он доставил его в Танис.

Апепи едва дослушал его до конца.

– Довольно с меня рассказней, – резко бросил он. – Ты проиграл сражение и тем привел меня на край гибели. Армия моя разбита, и вавилоняне под предводительством проклятого колдуна из этой Общины Зари движутся на Танис, чтобы захватить его, после чего они захватят весь Египет и посадят на престол самозванку Нефрет, чтобы, прикрываясь ею, править Египтом. Все это случилось потому, что ты не выполнил моего приказания. Вместо того чтобы напасть на вавилонское войско с фланга, ты попался на их приманку и вступил в бой с малым отрядом, растратив на то силы и время. Для таких, как ты, нет больше места на земле! Отправляйся в преисподнюю, может, там тебя научат, как выигрывать сражения.

Апепи подал знак, и несколько вооруженных рабов выступили вперед. Полководец же, ничего не ответив Апепи, повернулся к Хиану.

– Я сожалею, царевич, – с поклоном сказал он, – что не освободил тебя от клятвы и не упросил скрыться, пока то было возможно. Если так обошлись со мной, какая участь ожидает тебя? Что ж, я отправляюсь, чтобы рассказать обо всем Осирису, а он, как говорят, справедливый бог и карает тех, кто губит невинных. Прощай, царевич!

Хиан не успел ответить – рабы схватили полководца и уволокли за занавес, откуда вскоре один из них появился снова, с отрубленной головой, показывая фараону, что его воля исполнена. Увидев это, Хиан впервые почувствовал ненависть к отцу и понадеялся в душе, что боги не пощадят Апепи, и он умрет такой же страшной смертью, на какую обреч своего верного слугу.

Отец и сын остались вдвоем; они в молчании смотрели друг на друга. Первым заговорил Хиан:

– Если такова воля Твоего Величества и мне уготована та же участь, прошу не медлить – я устал, пусть же скорее приходит сон.

Апепи грубо захохотал.

– Всему свое время, и оно еще не пришло, – отвечал он. – Разве ты не понимаешь, сын, что теперь ты – единственная стрела, оставшаяся в моем колчане? Похоже, черные маги Общины Зари помогли тебе околдовать царственную египтянку и от любви к тебе она совсем потеряла голову. Избранница твоего отца, у кого ты похитил ее! Как ты полагаешь, приятно будет ей, когда она появится у стен Таниса вместе

с войском вавилонским, – а так, без сомнения, и случится завтра на заре, – приятно будет ей, когда она увидит тебя, своего ненаглядного, на площадке ворот, а над тобой – палача с секирой?

– Не знаю, приятно ли будет ей, – отвечал Хиан, – но, думаю, если такое случится, Танис затем будет предан огню и все, кто живет в нем, погибнут, а среди них и тот, кому вовсе не хочется умирать.

– Ты прав, мой сын, – зло усмехнулся Апепи. – Разъяренная женщина с несметным войском за спиной может пойти на такое преступление и уничтожить беззащитных. Вот почему я намерен пока что оставить твою голову на плечах. Сделаю же я вот как – и скажи мне, если тебе не понравится мой замысел: ты появишься на воротах, и глашатаи объявят, что за совершенное предательство ты тотчас же будешь казнен в присутствии фараона и его приближенных – тех, кто поместится на площадке. Так они возвестят, хотя – будет добавлено – фараон милосерден и любит своего сына, а потому готов пощадить предателя, если будут выполнены его условия. Догадываешься, какие?

– Нет, – глухо ответил Хиан.

– Лжешь, прекрасно ты знаешь! Но все же, сын мой, я повторяю, чтобы ты не обвинял меня в том, что я действовал нечестно. Условия простые, и их немного. Первое: отдав все ценности, а также оружие, лошадей и колесницы, и заключив с нами, гиксосами, вечный мир, вавилонское войско отойдет

туда, откуда пришло. Второе: царица Нефрет ответит согласием на мое предложение, и в присутствии наших воинств, гиксосского и вавилонского, жрецы провозгласят ее моей супругой и царицей, а в дар мне она принесет наследные права продолжательницы древнего рода египетских цариц.

– Никогда в жизни не даст она на то согласие, – сказал Хиан.

– Ты прав, сын, опасность тут есть, но скажет ли кто наперед, чего захочет или не захочет женщина? Если же выберет она другое решение и пожертвует тобой, дабы исполнить – как полагает она – свой долг перед Египтом, не переменит ли она его, услышав твои стоны и увидев, как пытаются тебя? По этим делам есть у меня большие искусники, а колена твое все еще болит и распухло, не так ли? С него-то они и начнут. Понравится тебе раскаленное железо, а? Докрасна раскаленное железо?

Хиан пристально посмотрел на Апепи.

– Делай что хочешь, дьявол, породивший меня, если я и вправду твой сын, во что трудно поверить, – сказал он. – Ты толковал о колдунах – жрецах Общины Зари. Знай же, что я один из них и владею их искусством, а также постиг их мудрость, и я предупреждаю тебя: не сбудется то, что ты замыслил, злоба же твоя обернется против тебя самого.

– А, вот как ты заговорил! Понял я, что ты придумал. Хочешь сам лишиться себя жизни? Только не удастся тебе это – я поставлю надежную стражу. И второй раз ты уже не убе-

жишь. Спокойной ночи, сын. Отдыхай, пока еще есть время;
боюсь, разбудят тебя рано.

Глава XXIII. ВЛАДЫЧИЦА ЗАРИ

На рассвете Хиана вынесли на площадку восточных ворот Таниса, на которой свободно помещалось человек пятьдесят, если не больше; стоять Хиан не мог, и его посадили в кресло, установленное на самом краю площадки. Взошло солнце – Великий Ра – и осветило все вокруг. Под тем местом, где сидел Хиан, разверзся широкий ров, наполненный водой из Нила; вчера еще его перекрывал мост, но теперь он был поднят и накрепко привязан к пилонам ворот.

За рвом, почти у самой воды, точно не обращая больше внимания на разгромленного врага, расположились главные силы несметного войска вавилонского, а от этого его ядра могучими крыльями раскинулись в обе стороны отряды, замкнувшие город в свое кольцо и тем самым отрезавшие все пути отступления тем, кто находился в его стенах. Немного поодаль от рва, так, чтоб не долетели туда стрелы, в ряд встали шатры, над которыми реяли царские стяги Египта и Вавилона, указывая Хиану, где отдыхает Нефрет и царевич Абешу. На стенах города, по обе стороны от ворот в тревоге и беспокойстве теснились гиксосские воины, а в центре площадки, в окружении своих советников, среди которых находился и Анат, сидел в кресле фараон Алепи, в роскошных одеяниях и с двойной короной Верхнего и Нижнего Египта на голове.

Затрубили трубы, и у царских шатров встала стража, после чего наступила тишина. По ту сторону рва, за сторожевыми отрядами, в строгом боевом порядке стояли вавилонские воины, не сводя глаз с верхней площадки ворот – одна за другой белели полосы лиц, ряд за рядом, и каждое, казалось Хиану, обращено к нему. Вскоре появился гонец с белым флагом, он переплыл в лодке через ров, в сопровождении стражи прошел сквозь ряды воинов к шатрам, над которыми развевались вавилонский и египетский стяги, и отдал послание начальнику стражи, который затем вошел в шатер и вручил его Тау. Прочитав послание, Тау сказал сидевшей подле него Нефрет:

– Вот какие условия ставит нам Аепеи: отдать ему все, что мы имеем, и подписать согласие о мире, после чего вавилонское войско должно уйти обратно в Вавилон.

– Что еще, дядя?

– Чтобы ты дала согласие выйти за него замуж, тог-де пред народом гиксосским и войском вавилонским состоится торжественная церемония, и ты и Аепеи будете объявлены мужем и женой.

– Что еще, дядя?

– Если эти условия будут отвергнуты, царевича на глазах у нас предадут пытке и будут истязать до тех пор, пока не примем их или жизнь покинет его.

Страшная бледность покрыла осунувшееся, измученное лицо Нефрет. Голова ее клонилась все ниже и ниже, пока не

коснулась колен, и она начала раскачиваться вперед и назад; но вот она выпрямилась.

– Как отгадать мне, чего бы хотел Хиан? – сказала она. – Какой ответ ждет он от меня?.. – И вдруг она воскликнула: – Знаю! Знаю! Он хотел бы, чтобы я отвергла Апепи, судьбой же Хиана пусть распорядятся боги.

– Да не покинет нас вера! – проговорил Тему, который сидел с папирусом на колене позади Нефрет.

– Истинные слова говоришь ты, брат мой, – продолжала Нефрет. – Вера ведет меня, и если она не спасет нас, я выберу смерть и в смерти обрету Хиана. Мне ли, происходящей из древнего рода фараонов Египта, мне ли, обрученной с царевичем и принесшей ему клятву верности, явиться ему в царстве мертвых оскверненной, явиться женой этого старого пса – гиксосского правителя? Не бывать тому! Склонится ли Вавилон, мой великий союзник, пред этими трусами, которые даже не осмеливаются вступить в битву? Не бывать тому! Пусть умрет Хиан, если суждено ему умереть, и пусть позволят мне боги умереть вместе с ним. Но если случится так, не останется в живых ни единого человека, в ком течет гиксосская кровь, ни в Танисе, ни по всему Северу. Запиши это, Тему, как продиктует тебе царевич Абешу, и пусть гонец отнесет наш ответ поганому выродку Апепи, а наши глашатаи пусть сообщат всем, кто стоит на воротах и стенах Таниса; и вперед, на врага – атакуйте все ворота, все входы в город! Пусть предводитель наш Абешу отдаст приказание.

Тау выслушал, и неприметная улыбка скользнула по его губам. Главам отрядов, вскочившим на быстрых коней, он дал приказания, получив которые несметная вавилонская рать должна была стремительно двинуться на город, обходя его со всех сторон. Затем Тау повернулся к Тему и другим писцам и продиктовал им ответ Апепи. Он также призвал глашатаев и повелел им выучить этот ответ наизусть, а затем огласить у всех городских ворот.

Приготовления были закончены. Гонец, взяв свиток, зашагал к лодке; сопровождал его Ру, у которого нашлось что сказать гиксосам от собственного имени:

– Передай этому погонщику баранов, который называет себя царем, а также его советникам и военачальникам, которые еще остались в живых, – пусть только кто посмеет пальцем тронуть царевича Хиана! Пусть только тронет – и тогда я, эфиоп Ру, вырву у них язык изо рта и выдавлю глаза вот этими руками, а потом зашвырну в пески, пусть там подышает от голода. И с тобой, гонец, сделаю то же самое – посмей только не возвестить это мое послание, да погромче, чтобы я услышал тебя на этом берегу.

Подняв глаза на великана-нубийца, который, скрежеща зубами, свирепо уставился на него, гонец поклялся, что выполнит его просьбу. Он прыгнул в свою лодчонку, пересек ров и через маленькую дверцу был впущен в надвратную башню; вскоре он появился на площадке ворот и вручил ответ Апепи. А затем, как и обещал, громким голосом повто-

рил угрозу Ру, которая, как видно, не очень-то понравилась сановникам, собравшимся на площадке – они сбились в кучки и встревоженно о чем-то заговорили. Глашатаи возвестили то, что было написано в ответном послании, дабы услышали все гиксосские воины.

Услышал и Хиан, и сердце его наполнилось радостью: теперь он знал, что Нефрет не покроет себя позором ради его спасения. Он сидел, привязанный к креслу, на самом краю площадки, так чтобы его первого пронзили стрелы и копья, если начнут сражение вавилоняне. Но голову он смог повернуть и сказал через плечо Апеги, который стоял за ним, а также Анату и другим советникам:

– Фараон и приближенные его! Царевич Абешу и царственная Нефрет исполнят то, в чем клянутся, пусть не будет у вас сомнений. Пытайте меня, убейте у них на глазах, если того желаете, но знайте, это не изменит их решения; не поступят они честью ради спасения моей жизни. Я же смерти не боюсь, и спрашиваю лишь вот о чем: по доброй ли воле хотите вы последовать за мной и погубить всех жителей Таниса и весь народ гиксосский? Если вы сохраните мне жизнь и отпустите на свободу, и вы, и народ спасетесь. Поднимете на меня руку, погибнут все. Я сказал свое слово; поступайте, как знаете.

Хиан услышал какое-то движение позади, но увидеть, что происходит, не мог, так как был привязан к креслу. Он услышал, как везир Анат и другие советники упрашивают фарао-

на отказаться от своего намерения, ибо город в безвыходном положении: несметное войско вавилонское окружило их со всех сторон; не безумие ли это – погубить всех, лишь бы отомстить своему собственному сыну? Горожане, услышав обещания вавилонян, прогнали стражу, что охраняла площадь перед воротами, и начали кричать:

– Пощади царевича Хиана, фараон! Ты хочешь замучить и убить сына, рожденного тобой, но несешь смерть и нам. Мы не хотим умирать из-за тебя!

Затем, перекрывая всех, снова заговорил Анат, холодно и властно, скорее угрожая, чем прося:

– Ты совершаешь страшное преступление, фараон. Все в Танисе любят царевича Хиана: когда враг у стен города, негоже царям убивать того, кого любит народ.

Задыхаясь от ярости, заговорил Апепи:

– Замолчи, Анат, и все вы замолчите, иначе, разделавшись с одним предателем, я возьмусь за вас. За дело, рабы!

За спиной Хиана послышалось гортанное бормотание. Как видно, черные палачи медлили, не хотели исполнять свое страшное дело. Снова фараон в ярости крикнул им, чтобы приступали к пытке, а они все медлили. Послышался удар, вслед за тем раздались стоны и Хиан понял, что Апепи обрушился на одного из палачей; теперь другие не осмелятся и далее противиться его приказу. На противоположной стороне рва он увидел великана Ру; потрясая своим огромным топором, он метался по берегу, точно лев в клетке. Позади

него теперь выстроились ряды стрелков с луками наизготове; они ждали команды; за лучниками Хиан разглядел Тау и рядом с ним Нефрет в сверкающей серебряной кольчуге – она опиралась на руку Тау.

Хиан собрал все силы и крикнул:

– Ру! Слушай меня – это Хиан! Скажи лучникам: пусть спустят тетиву! Лучше мне умереть от стрел, чем от пыток...

Продолжить Хиан не смог – Апепи шагнул вперед и с силой ударил его по лицу, а затем приказал палачам заткнуть царевичу рот кляпом, отчего по войску вавилонскому прокатился стон, так же как и по многотысячной толпе танисцев, заполнивших дворцовую площадь. Ру, взревев, точно раненый бык, разразился проклятьями и, повернувшись к лучникам, повторил просьбу Хиана; лучники вскинули луки; глядя на Тау, они ждали команды. Но Тау медлил, лишь сделал им знак рукой, чтоб они придержали стрелы; рядом с ним рухнула вдруг на колени Нефрет, – как видно, ей стало дурно.

Хиан почувствовал, как чьи-то ручищи рвут на нем одежду, в ноздри ударил запах раскаленного железа, и его пронзила нестерпимая боль. Медленная пытка началась! Хиан закрыл глаза, готовясь предстать перед судом Осириса.

Но тут слуха его коснулся странный шум: слышались удары, какая-то возня. Хиан открыл глаза – мимо него, спотыкаясь, пятилась массивная фигура фараона, в груди у него торчал кинжал. На краю площадки Апепи остановился, уцепившись за кресло, к которому был привязан Хиан.

– Паршивый пес! – через силу прохрипел Апепи. – Проклятый везир! Слишком долго я щадил тебя, надо было покончить с тобой еще ночью. А я ждал...

– Да, фараон, – прозвучал голос Аната, – ты промедлил, и пес цапнул тебя первым. Отправляйся же поскорее к Сету, убийца единокровного сына!

Старческая иссохшая фигура Аната метнулась вперед, черные глаза блеснули на морщинистом желтом лице, тонкая рука взметнулась и раскаленным прутом палача с силой ударила по рукам, цепляющимся за кресло. Апепи разжал руки и, взыв от боли, полетел в ров.

Увидев это, Ру прыгнул в воду и устремился вперед. Едва голова фараона показалась над водой, он схватил его своей могучей ручищей, доплыл с ним до берега, выволок на песок, переломил, точно палку, и забросил подальше.

– Фараон Апепи мертв! – прозвучал тонкий старческий голос Аната. – Но фараон. Хиан жив! Жизнь! Кровь! Сила! Фараон! Фараон! Фараон!

Он выкрикивал эти слова, а сам тем временем развязывал веревки, опутывающие Хиана, вытащил кляп у него изо рта; толпы народа внизу подхватили древнее приветствие:

– Жизнь! Кровь! Сила! Фараон! Фараон! Фараон!

Вечером того же дня Хиан лежал на ложе в царском шатре вавилонян, куда его принесли по собственной просьбе, так как Нефрет не могла вступить в город. Кемма и лекарь обмыли его израненное лицо, перевязали распухшее колено,

Нефрет же стояла рядом, содрогаясь от вида длинной красной полосы на его теле, оставленной раскаленным прутом.

Один вопрос мучил Нефрет, и вот он сорвался с ее уст.

– Скажи мне, Хиан, – заговорила она, – почему ты в разгаре битвы умчался от меня, хотя мог спастись от пленивших тебя гиксосов и избавить нас от столь ужасных страданий?

– Но разве, госпожа моя, более чем двухтысячное войско и вместе с ним множество раненых не соединилось с твоим войском в тот день? Те, что уцелели в сражении за меня, и те, кто остался в живых из сторожевого отряда в горах? – спросил Хиан.

– Они соединились с нами, и мы спрашивали их, но никто не мог нам объяснить твой поступок. Сказали только, что ты вдруг выехал на колеснице вперед и сдался гиксосам, после чего те прекратили атаки.

– И ты не понимаешь, что иной раз события поворачиваются так, что один человек должен пожертвовать собой, чтобы спасти множество других людей?

– Понимаю, – ответила, покраснев, Нефрет. – Теперь я поняла, что ты благороднее, чем я думала. И все же, ты ведь мог остаться с нами, почему же на моих глазах ты умчался прочь?

– Спроси о том пророка Тау, – устало ответил Хиан.

– Почему Хиан умчался прочь от нас? Скажи мне, если знаешь, дядя?

– Разве те, кто вступает в нашу Общину Зари, не клянутся

клятвой, которую нельзя нарушить, племянница? Быть может, брат наш обещал врагу сдаться, не выйдя из пределов Египта; так и сделал он, несмотря на то что ему предоставился случай остаться с нами. Это объяснение сразу пришло мне на ум.

– Так ли это, Хиан?

– Так, Нефрет. Обещанием своим я заплатил за жизнь наших воинов. Неужели хотела бы ты, чтобы я нарушил клятву, лишь бы спасти свою собственную жизнь?

– Что мне сказать на это, Хиан? Что ты благороден. Но ты ведь знал: если погибнешь, всю жизнь будет мучить меня вопрос: почему ты пошел навстречу гибели, почему покинул меня?

– Тау знал все. Он сказал бы тебе, если б пробил тот час.

– Как мог ты знать то, дядя, что было скрыто от меня?

– Положение обязывает меня сохранять тайны, племянница. Зачем тебе подробности? Я знал, – и этого достаточно, как знал и то, что никогда не понадобится излагать тебе всю правду.

– И ты, дядя, обрек меня на такие страдания, хоть в этом не было никакой нужды! – сердито воскликнула Нефрет.

– Может, и не было, но тебе это только на пользу. Надо ли ограждать тебя от страданий, врачующих душу? Царица Египта, ты в первую очередь – и прошу тебя никогда не забывать об этом! – сестра Общины Зари и исполнительница ее установлений. Будь смиренна и скромна, сестра. Посту-

пайся своими личными желаниями. Повелевая, учись повиноваться и ищи не славу, а свет. Ибо только так, когда закончится твой земной срок и минуют все невзгоды и испытания, обретишь ты вечный покой.

– Да не покинет нас вера! – пробормотал стоявший позади Тему.

– Да, – продолжал Тау, – вера и скромность, ибо вера возвышает нас, скромность же ведет нас в служении – ни себе, но другим, что и есть истинное служение. Сердце твое сейчас полнится радостью, но я говорю тебе это, ибо близится час нашего расставания: я удалюсь в свое уединение, ты же взойдешь на трон, а кому позволено поучать фараона, восседающего на троне?

– Тебе позволено, дядя, и я надеюсь, ты не лишишь меня твоих советов, – решительно тряхнув головой, сказала Нефрет.

Но тут ее настроение вдруг изменилось, она крепко обняла его и поцеловала в лоб.

– Ах, мой дорогой, мой любимый дядя, – сказала она, – ведь я обязана тебе жизнью! Когда я еще была малюткой, ты спас меня и матушку мою, вызволил нас из рук этих предателей – фивейских вельмож, с которыми я вскоре надеюсь поговорить по душам, если они еще живы.

– Госпожа Кемма и Ру – вот кто твои спасители, – сказал Тау.

– Да, конечно, и все же они всего лишь выполняли свой

долг, а ты поднялся ради моего спасения в верховья Нила.

– Чтобы исполнить то, что было велено мне, племянница.

– Затем ты привез нас к пирамидам и следил за моим воспитанием, обучив меня всему, что я знаю сейчас. А после ты привез меня в Вавилон, и хотя, казалось бы, великий царь сам отозвался на мои молитвы, но я знаю, это ты внушил ему отказаться от прежнего замысла выдать меня замуж за Мирбела, а вместо того послать со мной несметное войско, которое и принесло нам победу и мир.

– Бог по собственному разумению обратил к тебе сердце Дитаны, а не я, племянница.

– А как ты заботился обо мне! – продолжала Нефрет, не обращая внимания на его слова. – Это ты удержал меня, когда я хотела вместе с пятитысячным войском ринуться к горной заставе, что погубило бы меня или покрыло позором. Ах, всего не перечислишь! Но чем я тебе отплатила? Сколько строптивости проявила я, какие сердитые слова бросала в своей гордыне и не верила, когда ты внушал мне, чтобы я набралась терпения, что все кончится хорошо и мы с Хианом встретимся. Ты просил верить и надеяться, а я убедила себя, что Хиана уже нет в живых. Впрочем, это твоя, а не моя вина, что я вела себя так, – продолжала Нефрет уже другим тоном, – не ты ли позволял мне своевольничать в детстве, вместо того чтобы учить послушанию?

– Мне кажется, это пророк Рои баловал тебя, – отвечал Тау с тихой улыбкой. – Ну и, конечно, госпожа Кемма.

Послышались выкрики стражников, занавесы раздвинулись, и Ру возгласил о приходе везира; вслед за тем вошел и сам везир в сопровождении гиксосских сановников и военачальников.

Трижды Анат и его свита простерлись ниц перед Нефрет, перед Хианом и царевичем Абешу, предводителем армии вавилонской.

– Царица, – молвил Анат, – от всего народа гиксосского пришли мы, чтобы объявить, что сдаем тебе город Танис; тебя же просим явить милосердие к тем, кто сражался против тебя, и к каждому, кто живет в стенах этого города. Даруешь ли ты нам жизнь?

– Пусть станут твои уста моими устами, – обратилась Нефрет к Тау. – Ты мыслишь так же, как и я, и все, что ты скажешь, будет мною исполнено, а также, я полагаю, и царевичем Хианом, который еще слаб и не может заниматься государственными делами.

– Да, даруем, – отвечал Тау. – Всем, кто будет верен Нефрет, царице Египта, и Хиану, царевичу Севера, с которым хочет она сочетаться браком, даруем мы прощенье. Завтра мы вступим в Танис и провозгласим мир и согласие на долгие времена.

– Мы выслушали твой ответ и благодарим тебя, царица, – молвил Анат. – Теперь же обращаю речь свою к царевичу Хиану: я, кто пришел к нему, обагрив свои руки кровью фараона, молю его о прощении. Пусть выслушает меня царе-

вич. Когда брошен был он в подземелье, это я, везир Анат, с помощью известного вам брата Зари и некоего тюремщика спас его. Заподозренный фараоном, попал я в опалу и сам брошен был в подземелье. Вот почему не мог я помочь Хиану выбраться из другой темницы – из усыпальницы Ур Хаффра; не мог я отвести от него и погоню на пути к Вавилону. Но прошло время, и я снова обрел силу, ибо знал фараон, что один только я смогу спасти его от клыков вавилонского льва. Когда великое воинство вавилонское хлынуло на Египет, я дал совет фараону сдаться и, если царевич жив, объявить о женитьбе Хиана на царственной Нефрет. Вместо ответа он ударил меня, точно пса, – вот посмотрите, какие страшные рубцы! – Анат потрогал свою голову. – Атака на вавилонян не удалась – продолжал он, – и фараон поспешно отошел к Танису, Хиан же по благородному побуждению сам отдался в его руки. Тщетно молил я Апепи сохранить царевичу жизнь; я взывал к нему и во дворце, и на площадке ворот, но, одержимый злобой и ревностью, фараон хотел замучить своего сына пытками на глазах у Нефрет и воинства вавилонского. И вот, пока еще было не поздно, я вступил с фараоном в схватку и поразил его. Царевич Хиан и весь народ гиксосский были спасены. Заслужил ли я прощения?

Тау приблизился к тому месту, где лежал царевич, и переговорил с ним. Вернувшись, он отвечал:

– Ты совершил то, Анат, что должно было совершить. Принеси завтра жертвы в храме богов твоих и прими от

них прощение за то, что пролил царскую кровь ради спасения продолжателя царского рода и жизней десятков тысяч невинных людей. Затем явился во дворец в Танисе, где тебе будут снова вручены жезл и цепь везира Верхних и Нижних земель.

Миновало тридцать дней. На торжественной церемонии Тау передал предводительство вавилонской армией военачальнику равного с ним ранга, снял с себя кольчугу и царские знаки, облачился в белые одежды пророка Зари и, оставив Тему, ибо таково было желание Нефрет и Хиана, отправился к храму пирамид. Десять тысяч лучших воинов вавилонских были отобраны и оставлены для охраны внучки великого царя, пока не свершится то, чему предназначено было свершиться; все же остальное войско отправилось в обратный путь в Вавилон. Состоялись церемонии, на которых все, кто служил прежде его отцу, известному теперь под именем «Апепи Проклятый», принесли клятву верности Хиану, однако Нефрет на церемониях этих не присутствовала; не состоялась еще коронация, ибо никто не знал, кто будет теперь править Египтом – Хиан, царь Севера, или же Нефрет, царица Юга. Кое-кто считал, что правителем должен стать Хиан, но другие опасливо поглядывали на лагерь, где расположились десять тысяч вавилонских воинов, и умоляли говоривших замолчать.

Хиан выздоравливал, но медленно. Искусный лекарь и заботливый уход помогли залечить колено, но Хиан знал те-

перь, что на всю жизнь остался хромым. Страшнее, чем физические, были страдания душевные, они-то и мешали ему воспрянуть к жизни. Тяжкие испытания выпали на его долю! Сначала дворцовое подземелье, затем долгое заточение в гробнице; побег к вавилонянам, рана, которая никак не заживала, и он день за днем, неделя за неделей лежал без движения на спине, в окружении чужестранцев, на чьем языке не мог говорить, в неведении о том, где Нефрет и что с ней.

Но вот он узнал, что Нефрет жива и находится совсем рядом, – какое это было счастье! – а дальше поход вместе с пятитысячным войском, отчаянная битва среди пустыни и его добровольная сдача в плен, встреча с Нефрет во время второй битвы и его бегство, ибо не мог он нарушить клятву, хоть и знал, что она не поймет его поступка; прибытие в Египет и в Танис, встреча с Але-пи и, наконец, страшная пытка на площадке городских ворот, на глазах у Нефрет. Хиан был молод и силен, но он не выдержал: тело его было измучено, и он пал духом; он удалялся от всех и лежал дни напролет, а по ночам, когда приходил наконец сон, его мучили страшные видения, и он кричал и корчился в судорогах; по городу поползли слухи, что молодой фараон вскоре отправится к своим праотцам.

Анат являлся к нему с докладом о делах, Хиан выслушивал, почти ничего не говоря. Тему читал ему старинные манускрипты или молился и разговаривал с ним о вере. Навещал его и Ру, он все вспоминал о битве или о чудесах Вави-

лона и как Нефрет училась воинским приемам; слушая об этом, Хиан начинал улыбаться. Время от времени, в сопровождении Кеммы, которая останавливалась поодаль и глядела в окно, приходила и сама Нефрет и говорила с ним о любви и о том, что они поженятся, как только ему станет лучше.

Но лучше ему не становилось, тогда Нефрет отправила с посыльным письмо к Тау и последовала совету пророка. Сказав Хиану, что Танис расположен в слишком низком месте и тут очень жарко, она велела перенести царевича на корабль, и они медленно поплыли вверх по течению Нила. Но вот вдали показались пирамиды; при первом же взгляде на них поведение Хиана изменилось: он оживился и даже повеселел, рассказывая Нефрет о том, какие истории тут происходили. Обрадовавшись этой перемене, Нефрет распорядилась, чтобы царевича перенесли на берег; они расположились посреди пальмовой рощи, где Нефрет когда-то нашла Хиана спящим под деревом и откуда, после того как Ру унес его поклажу, она, одетая проводником, повела его в тайное убежище Братства.

Здесь, в роще, Хиан, с обручальным кольцом Нефрет на руке, в ту ночь спал куда более спокойным сном, чем много месяцев тому назад, когда он покидал эту рощу, чтобы возвратиться в Танис и рассказать Апепи о своей миссии.

Наутро, пока еще было совсем темно, в палатку Хиана вошел Ру и помог царевичу одеться. Затем Хиана усадили на носилки и понесли через пески; Хиан не задавал никаких во-

просов, но вот в свете звезд он увидел очертания огромного Сфинкса. Здесь Хиана сняли с носилок, и все удалились, оставив его одного.

Наступил рассвет, и Хиан увидел, что он не один – рядом с ним, в длинном сером плаще с капюшоном, стоит то ли юноша, то ли стройная девушка.

О, боги! Он вспомнил, кто это: юный проводник, который, казалось, много лет тому назад вывел его из пальмовой рощи к Сфинксу и здесь завязал ему глаза.

– Ты все еще сопровождаешь путешественников через пески, мой юный друг? – обратился к нему с вопросом Хиан.

– Да, писец Раса, – отвечал некто в плаще грубоватым голосом.

– И по-прежнему воруешь поклажу или прячешь ее? Куда делись мои носилки?

– Я отбираю все, что захочется, писец Раса, которому я желаю здоровья и счастья.

– И по-прежнему завязываешь посланцам глаза?

– Да, писец Раса, если необходимо сохранить что-то в тайне и не показывать им. А потому прошу тебя, стой спокойно, и я завяжу тебе глаза, как сделала когда-то.

– Повинуюсь, – со смехом отвечал Хиан. – Быть может, ты не знаешь о том, юноша, но со времени нашей первой встречи я перенес много страданий и понял, а также услышал это из уст некоего Тему, что главное в жизни – вера. А потому завязывай мне глаза, я подчиняюсь тем более охотно, пото-

му что уверен: когда снова прозрею, мне явится небесное видение. Смотри, я преклоняю колени или, скорее, просто наклоняюсь, потому что согнуть колено я не могу.

Фигура в сером плаще склонилась над ним, и на глаза его снова лег шелковый платок. Ах, как хорошо он запомнил его нежный аромат! Затем, держась за плечо проводника, Хиан, прихрамывая, прошел некоторое расстояние, пока нарочито грубоватый голос не попросил его опуститься на песчаную насыпь и здесь подождать.

Вскоре голоса – мужские голоса – попросили его подняться. Чьи-то руки помогли ему сделать это, и, кем-то поддерживаемый, он пошел по гулким переходам, где эхом отдавались шаги; его ввели в какое-то помещение, где облачили в новые одежды и водрузили на его голову венец, но он не видел, что это за одежды и венец, а когда спросил, ответа не последовало.

И снова его повели куда-то, как ему показалось, они вошли в большой зал, где собралось множество народа, ибо он слышал приглушенные восклицания. Чей-то голос попросил его сесть, и он опустился на подушки кресла.

Вдалеке раздался возглас:

– Ра взошел!

И зазвучало пение. Он узнал этот гимн – в дни празднеств Братства Зари им приветствовали восходящее солнце. Поющие умолкли; теперь вокруг царила тишина; затем он услышал шелест одежд.

И тут многоголосый хор возгласил:

– Владычица Зари, приветствуем тебя! Приветствуем тебя, Владычица зари! О светозарная! Приветствуем тебя, дарующая жизнь! Приветствуем тебя, священная сестра! О, та, кому Небо предназначало объединить истерзанные земли Верхнего и Нижнего Египта!

Хиан не выдержал. Он сорвал с глаз повязку. Быть может, она была слабо затянута – при первом же прикосновении пелена спала с его глаз. О, боги! Пред ним в сверкающем под лучами солнца царском одеянии, увенчанная двойной короной Египта, стояла Нефрет – само величие и красота.

Мгновение-другое она помедлила, пока, отдаваясь гулким эхом, под сводами храмового зала звучали приветствия, затем взмахнула скипетром, и воцарилась тишина. Отдав Кемме скипетр, а Ру – символы царской власти, Нефрет сняла с себя корону Египта и водрузила ее на голову Хиана. Затем она преклонила колена и коснулась губами его руки.

– Царица Египта приветствует царя Египта! – произнесла она.

Хиан в удивлении воззрился на нее. Затем, словно боль и слабость снова одолели его, он с трудом поднялся с трона, предлагая ей самой занять его. Но Нефрет покачала головой. Поддерживая Хиана сильной рукой, она подвела его к тому месту, где стоял Тау в окружении советников Общины Зари. В присутствии Братства Общины Зари – всех живых и мертвых – именем Духа, которому они поклонялись, Тау соеди-

нил их руки и благословил, навечно отдавая их друг другу.
Так окончилась эта удивительная история.

Нефрет и Хиан стояли перед залитой лунным сиянием величественной пирамидой Ура.

– Отдых наш подошел к концу, супруга моя, – произнес Хиан. – С завтрашнего дня мы с тобой будем не просто братом и сестрой Общины Зари, но и правителями Египта, наконец-то объединенного от нильских порогов до самого моря. Трудный путь прошли мы с того дня, когда, стоя вот так же рядом, любовались этой пирамидой. И все же, возлюбленная моя, живет в моем сердце надежда: та сила, что охраняла нас и провела сквозь многие опасности, а затем от ворот смерти вернула меня к жизни и радости, пребудет с нами и далее.

– Так предсказал благочестивый и всемудрый Рои, в котором обитал дух Истины. Возблагодарим же, супруг мой, богов за все, что они даровали нам, и в смирении начнем новую жизнь, памятуя о том, что хоть теперь мы – царь и царица Египта, все же в первую очередь мы с тобой – брат и сестра славной Общины Зари, принявшие ее святую веру и посвятившие себя служению человечеству.

Тут царственные супруги услышали позади себя чьи-то шаги и, оглянувшись, увидели Хранителя пирамид, который похудел и состарился с тех пор, как они видели его в последний раз.

– Не желают ли святейшие властители подняться на пирамиду? – с поклоном обратился он к ним. – Луна светит ярко, а ветра нет совсем; к тому же хотелось мне показать фараону то место, с которого в день его побега покатались вниз проклятые лазутчики-гиксосы.

– Нет, Хранитель, – отвечал Хиан, – кончились мои прогулки по пирамидам, ибо до конца моих дней суждено мне быть теперь хромым. Отныне ты один, Хранитель, будешь властителем Великих пирамид.

– И Духом также, – добавила Нефрет, – ибо не должно мне, кому судьба определила взойти на дурманящие вершины власти, появляться теперь на вершинах пирамид. Прощай же, отважный наш спаситель. Нет и не будет предела нашей благодарности – все, чего бы ты ни пожелал и что мы в силах дать тебе – твое.

Взявшись за руки, Хиан и Нефрет направились к тому месту, где стояли Ру и Кемма, а также отряд стражи, сопровождавший их на корабль, который ждал лишь попутного ветра, чтобы отплыть вниз по течению Нила.

– Теперь я поняла, что означало то видение, – сказала седовласая Кемма могучему эфиопу Ру, – почему богини нарекли новорожденную царевну «Объединительницей Земель».

– Понял и я, – отозвался Ру, – зачем эфиопские боги дали мне добрый топор и силу, чтоб не дрогнула моя рука на той фивейской лестнице.